

2020 | Том 12 | № 4

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

Тематический выпуск

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ

И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

СТРАН БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

BALTIJSKIJ REGION

2020 || Том 12 || № 4

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19
НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
СТРАН БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

Тематический выпуск

КАЛИНИНГРАД

**Издательство Балтийского
федерального университета
им. И. Канта**

2020

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2020.
168 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236016, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Типография
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
www.journals.kantiana.ru

© БФУ им. И. Канта, 2020

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., главный редактор, БФУ им. И. Канта (Россия); **Г. М. Федоров**, д-р геогр. наук, проф., зам. главного редактора, БФУ им. И. Канта (Россия); **Й. фон Браун**, проф., Боннский университет (Германия); **И. М. Бусыгина**, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); **В. В. Воронов**, д-р социол. наук, Даугавпилсский университет (Латвия); **А. Г. Дружинин**, д-р геогр. наук, проф., ЮФУ (Россия); **М. В. Ильин**, д-р полит. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ (Россия); **П. Йонниеми**, старший научный сотрудник, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); **Н. В. Каледин**, канд. геогр. наук, доц., СПбГУ (Россия); **В. А. Колосов**, д-р геогр. наук, проф., Институт географии РАН (Россия); **Г. В. Кретьинин**, д-р ист. наук, проф., БФУ им. И. Канта (Россия); **К. Люхто**, проф., Пан-Европейский институт высшей школы экономики, Университет г. Турку (Финляндия); **В. А. Мау**, д-р экон. наук, проф., РАНХиГС (Россия); **Н. М. Межевич**, д-р экон. наук, проф., Институт Европы РАН (Россия); **А. Ю. Мельвиль**, д-р филос. наук, проф., НИУ — ВШЭ (Россия); **Т. Пальмовский**, д-р географии, проф., Гданьский университет (Польша); **А. А. Сергунин**, д-р полит. наук, проф., СПбГУ (Россия); **Э. Спиряевас**, д-р географии, проф., Клайпедский университет (Литва); **А. Е. Шаститко**, д-р экон. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); **Д. Шиманска**, д-р географии, проф., Университет Николая Коперника в Торуне (Польша); **К. К. Худoley**, д-р ист. наук, проф., СПбГУ (Россия).

Подписной индекс 32249

Тираж 1000 экз.

Дата выхода в свет 25.01.2021 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-46309

от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакторов. Экономические тренды и миграционные режимы в странах Балтийского региона в условиях пандемии COVID-19 (С.В. Рязанцев, И.Н. Молодикова).....</i>	<i>4</i>
<i>Рязанцев С.В., Молодикова И.Н., Брагин А.Д. Влияние пандемии COVID-19 на положение мигрантов на рынках труда стран СНГ</i>	<i>10</i>
<i>Кришьяне З., Ансите-Берина Э., Берзиньш М., Скадинс Т., Бургманис Г. Влияние пандемии COVID-19 на организацию рабочего и личного времени латвийцами</i>	<i>39</i>
<i>Емельянова Л.Л., Лялина А.В. Рынок труда эксклавной Калининградской области в условиях пандемии COVID-19</i>	<i>61</i>
<i>Вирккунен Й. Борьба с распространением вируса и закрытие внутренних границ ЕС во время пандемии COVID-19: пример Финляндии.....</i>	<i>83</i>
<i>Гечене-Янулионе И. Влияние реэмиграции на сферу труда в условиях пандемии COVID-19: пример Литвы</i>	<i>103</i>
<i>Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Аверьянова Ю.В. Трансформация глобальных цепочек создания стоимости России и стран Балтии вследствие эффектов пандемии COVID-19: перспективы регионализации и следствия для экономической политики.....</i>	<i>128</i>
<i>Заботкина В.И., Павленко О.В., Боярская Е.Л., Моисеева Е.Ю. Особенности репрезентации последствий пандемии COVID-19 в информационном пространстве стран Балтии</i>	<i>147</i>

От редакторов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ И МИГРАЦИОННЫЕ РЕЖИМЫ В СТРАНАХ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Editorial

NEW ECONOMIC AND MIGRATORY TRENDS IN THE BALTIC SEA REGION DURING THE COVID-19 PANDEMIC

doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-1

В специальном выпуске журнала представлены статьи, характеризующие различные виды миграционных процессов в странах Евразийского региона и ЕС в условиях пандемии COVID-19. Распространение коронавируса и последовавшее за этим закрытие границ привели к кардинальной трансформации миграции в регионе. Многие мигранты оказались в «ловушке» — не смогли покинуть страны трудоустройства и вернуться на родину, а в ситуации потери работы и источников средств существования они стали крайне уязвимой группой населения.

Особое место в регионе занимают страны Балтии, входящие в Европейскую зону свободной торговли и ЕС, имеющие безвизовый режим передвижения населения, рынок труда и свободную циркуляцию рабочей силы. У государств Балтии маленькая численность населения: Эстония — 1,32 млн, Латвия — 1,9 млн, Литва — 2,8 млн чел. (2019). В силу небольшого размера территории (площадь каждой из стран не превышает территорию любой из федеральных земель Германии или среднестатистической области России), малого объема рынков труда и ограниченных возможностей трудоустройства положение мигрантов в этих странах было особенно сложным. Значительная часть мигрантов, в том числе трудовых, сосредоточена в России, которая входит в Евразийский экономический союз и СНГ, в которых сложился режим безвизовых поездок и общий рынок труда. Россия и Германия являются самыми крупными странами Европы по площади и по численности населения (143,7 и 83,1 млн чел. соответственно), а также входят в пятерку стран мира с наибольшим количеством мигрантов (11,3 и 13,2 млн соответственно) (табл.).

**Некоторые демографические и социально-экономические показатели
стран Балтийского региона в 2018 – 2020 годах**

Страна	ВВП на душу населения, долл. США (2018)	Население, тыс. чел.		Численность международных мигрантов, тыс. чел. на середину 2019 года	Уровень безработицы, % (2019)	Доля мигрантов к населению страны, % (2019)	Доля мигрантов из-за пределов ЕС, % (2019)	Сальдо миграции, тыс. человек (2018)
		2018	2019					
Норвегия	81,549	5,324	5,357	75,294	3,854	16,1	4,5	140
Дания	61,522	5,781	5,806	59,77	5,117	12,5	5,4	76
Швеция	54,295	10,230	10,328	51,404	6,325	20	5,8	200
Финляндия	50,074	5,513	5,518	48,809	7,425	6,9	2,9	70
Германия	47,832	82,906	83,093	46,472	3,417	15,7	7	2700
Эстония	23,181	1,322	1,325	23,757	5,371	14,7	13,5	19,6
Литва	19,089	2,802	2,783	19,482	6,146	4,2	1,4	-163,9
Латвия	17,747	1,934	1,920	17,771	7,415	12,4	13,6	-74,2
Польша	15,46	37,977	37,973	15,6	3,846	1,7	0,7	-147
Россия*	11,344	146,781	146,749	11,601	4,800	8	—	912,3

Примечание: *Для России — доля всех мигрантов.

Составлено по: Non-national population by group of citizenship, 1 January 2019. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=File:Non-national_population_by_group_of_citizenship,_1_January_2019.png (дата обращения: 15.11.2020), Migration Data Portal. URL: <https://migrationdataportal.org/search/countries?text=&theme=&tags=10052&category=> (дата обращения: 15.11.2020).

Общей проблемой для стран Балтийского региона, как и для всей Европы, стало старение населения и превышение смертности над рождаемостью (депопуляция). В странах «старой Европы» (Скандинавия, Дания и Германия) численность населения пока растет за счет миграционного прироста населения, поскольку уровень экономического развития в них превышает среднеевропейский как минимум в два раза те же показатели для стран бывшей социалистической системы (Латвия, Литва, Эстония, Польша, Россия). Количество и структура мигрантов по странам региона существенно отличаются. Например, в России доля мигрантов в численности населения составляет 8%. Особенностью постсоветских стран является незначительное количество мигрантов из ЕС. Напротив, в странах ЕС-27 из 446,8 млн населения около 35 млн приходится на мигрантов (7,9% населения)¹, из которых около 21,8 млн — мигранты из третьих стран (4,9%) и 13,3 млн (3%) — из стран ЕС-27.

Если государства «старой Европы» являются типичными принимающими мигрантов странами, то государства с переходными экономиками отличаются разнонаправленными миграционными процессами. С одной стороны, в них происходит эмиграция местного населения в более развитые в экономическом отношении страны, а с другой — они имеют приток мигрантов из сопредельных стран с менее развитой экономикой. Например, в России до 90% мигрантов приходится на выходцев

¹ Population on 1 January by age group, sex and citizenship // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/bookmark/6e121a48-729c-4dc9-a8bb-9cd4cf570279?lang=en> (дата обращения: 15.11.2020).

из стран СНГ; в Польше и странах Балтии — на граждан Украины и Беларуси. Если в России иммиграция превышает эмиграцию, то в Польше, Литве и Латвии — напротив, эмиграция превышает иммиграцию. Эстония стоит особняком в этом ряду из-за краткосрочного характера циркулярной миграции населения в соседнюю Финляндию.

Пандемия COVID-19 заставила все страны Балтийского региона принять меры по контролю перемещений. Однако эти меры существенно отличались от страны к стране. Закрытие границ сопровождалось как разной степенью контроля внутри стран, так и наличием категорий населения, для которых были сделаны исключения. Швеция имела самый мягкий в Европе и, возможно, в мире режим изоляции, который практически не повлиял на жизнедеятельность граждан. В России меры отличались в разных регионах в зависимости от уровня заболеваемости. В Германии и других странах Балтийского региона был введен комендантский час и жесткие меры локдауна. В Финляндии были прерваны приграничные миграции, а в Польше и Германии после первого месяца карантина они были восстановлены.

Неожиданное закрытие границ государств для взятия под контроль распространения COVID-19 в марте 2020 года разорвало единый европейский рынок циркуляции рабочей силы и систему существующих миграционных связей, парализовав многие процессы функционирования взаимодополняющих экономик.

Локдаун остановил в ЕС работу многих отраслей экономики, в которых традиционно работали мигранты: в сельском (11,9%), домашнем (10,3%), коммунальном хозяйстве (9,9%)². Безработица среди мигрантов сильно возросла, особенно в Норвегии и Швеции³, поскольку многие из них работали на временных контрактах или без договора. В случае потери работы из-за пандемии они не могли получать денежные компенсации, предусмотренные в странах ЕС для потерявших работу. В России компенсационные меры принимали предприятия на свое усмотрение, но было разрешено продлить миграционные документы всем иностранцам до 15 декабря 2020 года.

Исследования в ЕС и России показали, что в ситуации пандемии мигранты более подвержены заболеваемости не только из-за занятости в определенных тяжелых видах работ (сельское хозяйство, строительство), но и из-за более плохих условий жизни и бедности (до 30% всех мигрантов в ОЭСР и 17% в ЕС попадают в категорию бедности). Они живут в скученности (8% мигрантов в странах ОЭСР и 11% в ЕС). Для мигрантов из третьих стран этот показатель в ЕС доходит до 20%⁴. В России мигранты также живут скученно и в плохих условиях, подвергаясь риску заболеть⁵.

² *Immigrant Key Workers: Their Contribution to Europe's COVID-19 Response* // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/knowledge4policy/publication/immigrant-key-workers-their-contribution-europes-covid-19-response_en (дата обращения: 15.11.2020).

³ *Managing international migration under COVID-19. Impact of COVID19 on migration policies: key findings* // OECD. URL: <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/managing-international-migration-under-covid-19—6e914d57/> (дата обращения: 15.11.2020).

⁴ *Inform # 1 — EU and OECD member states responses to managing residence permits and migrant unemployment during the COVID-19 pandemic* // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/oo_eu_inform1_residence_permits_and_unemployment_en_updated_final.pdf (дата обращения: 15.11.2020).

⁵ *Ryazantsev S.V. The Situation of Migrant Workers in Russia During the COVID-19 Pandemic (Results of a Sociological Study)* // International Conference “The Impact of the COVID-19 Pandemic on Migration Mobility” (ИСПИ РАН и МГИМО, 27 апреля 2020 г., Москва). URL: <http://испи.рф/the-impact-of-the-covid-19-pandemic-on-migration-mobility/> (дата обращения: 15.11.2020).

Юридический статус мигрантов в случае невозможности возвращения их домой, проживания, получения работы и зарабатывания денег, а также лечения при заболевании COVID-19 и другими болезнями в период пандемии стал проблемой для стран — получателей мигрантов. По законодательству ЕС в случае потери работы мигранты должны были покинуть страну пребывания. Большинство стран ЕС по рекомендации Еврокомиссии продлили срок пребывания мигрантов на своей территории и нахождения другой работы⁶. Проблема получения визовой поддержки и продления документов на проживание была решена разными странами по-разному, но везде с большой задержкой после начала эпидемии и в основном для определенных категорий мигрантов, которые указаны в Директиве ЕС⁷. Например, в Эстонии, Норвегии, Финляндии хотя и принимали заявления и документы, но сами разрешения не выдавали.

В качестве гарантии предотвращения попадания законных мигрантов в незаконный статус страны ЕС, Норвегия и Россия продлили все миграционные документы и статусы иностранцам (разрешения на пребывание, виды на жительство, краткосрочные и долгосрочные визы). В некоторых случаях государства — члены ЕС отменили требования к мигрантам покинуть территорию в течение определенного периода, если ограничения на поездки делали это невозможным. В Германии компетентные органы могли использовать на свое усмотрение решение не сокращать срок действия вида на жительство в случаях, когда граждане третьих стран теряли работу из-за COVID-19. В Финляндии власти оценивали, имело ли лицо, подавшее заявление о продлении разрешения, достаточные средства поддержки. Если новый трудовой договор был маловероятным из-за кризиса COVID-19, то продление вида на жительство было также маловероятным.

Государства Балтийского региона по процедурам продления разрешений для мигрантов в условиях пандемии могут быть отнесены к двум категориям:

- государства, которые не разрешали продлить вид на жительство, если гражданин третьей страны⁸ терял работу (Эстония, Латвия, Литва), но предоставляли ему возможность изменить вид на жительство, если он нашел новую работу (Латвия);
- государства, которые разрешили продление вида на жительство, если у мигранта были надежные средства поддержки в течение срока действия предыдущего вида на жительство (Финляндия).

В данном контексте Россия приняла одно из наиболее либеральных решений в истории не только своей миграционной политики, но и Европы: автоматически были продлены документы всем мигрантам с возможностью пребывания на ее территории до 15 июня, затем до 15 сентября и позже до 15 декабря 2020 года, что сделало возможным поиск и устройство на работу. Кроме того, были введены налоговые каникулы по оплате патента для мигрантов.

Страны Балтийского региона столкнулись также с проблемой возвращения собственных и иностранных граждан через транзитные страны на родину, с необхо-

⁶ *A policy framework for responding to the COVID-19 crisis*. ILO Policy Brief on COVID-19 // ILO. URL: https://www.ilo.org/global/topics/coronavirus/impacts-andresponses/WCMS_739047/lang-en/index.htm (дата обращения: 15.11.2020); *Migrants and the COVID-19 pandemic: An initial analysis* // Migration Research Series. 2020. № 60. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/mrs-60.pdf> (дата обращения: 15.11.2020).

⁷ *Directive 2004/38/EC of the European Parliament and of the Council of 29 April 2004*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32004L0038> (дата обращения: 15.11.2020).

⁸ Для стран ЕС все страны — не члены ЕС — это третьи страны.

димостью организации транспортного сообщения со странами нахождения своих граждан. Страны ЕС вывезли около полумиллиона своих граждан, а Россия — около 100 тыс. чел.⁹.

Проблема коммуникации с родиной и властями принимающей страны или страны транзита также была актуальной для мигрантов во всех странах Балтийского региона. Получение ясной и достоверной информации часто было затруднено по нескольким причинам: отсутствие связей с посольствами и консульствами, закрытие границ родной страны, незнание языка страны нахождения или транзита, неурегулированный статус мигрантов, отсутствие интернет-связи. Все страны ЕС и Россия открыли на сайтах министерств, госструктур, специальных центров помощи мигрантам страницы с разъяснениями на различных языках. Для распространения информации среди мигрантов были использованы СМИ, медиа-плакаты, помощь волонтеров и НКО, рассылка смс, горячие линии.

В статье литовского автора *И. Гечене-Янулионе* отмечается, что возвращение и реинтеграция мигрантов для стран Балтийского региона, страдающих от старения населения, «утечки мозгов» и трудовых ресурсов, являются благом, приносящим в страны новую систему организации производства, новые навыки и знания, что положительно должно сказаться на их экономическом развитии.

В статье финского исследователя *Й. Вирккунена* отмечается, что безвизовый режим и тесное приграничное сотрудничество оказались под угрозой как для стран Евросоюза, так и для стран постсоветского пространства, которые за редким исключением также находятся в безвизовом режиме друг с другом. Разрыв исторически сложившихся приграничных трудовых и торговых связей поставил под угрозу некоторые отрасли обслуживания и развития. Наблюдается превращение краткосрочных, сезонных и вахтовых циркулярных миграций в долгосрочные из-за невозможности комьютинга, дороговизны транспортных издержек и оплаты тестов.

Внутренняя миграция в странах Балтийского региона также изменились не только из-за ограничений транспортных коммуникаций внутри стран, но и за счет ухудшения процесса работы большинства отраслей. В Калининграде произошел переход на онлайн-обслуживание, самоизоляция, изменилась структура занятости населения (*А. Лялина, Л. Емельянова*). Похожие процессы, нарушающие привычную систему баланса «работа — дом», наблюдаются и в Латвии (*З. Кришьяне, Э. Ансите-Берина, М. Берзиньш, Т. Скадинс, Г. Бургманис*), что сильно отразилось как на мигрантах, так и на местном населении.

Российские авторы *С. Рязанцев, И. Молодикова* и *А. Брагин* рассматривают особенности процесса закрытия границ и введения ограничений во всех странах СНГ. Они отмечают осуществление позитивной дискриминации в миграционной политике государств по отношению к мигрантам из тех стран, с которыми их связывают более тесные исторические отношения или политические интересы.

В.И. Заботкина, О.В. Павленко, Е.Л. Боярская и *Е.Ю. Моисеева* исследовали проблему идентификации угрозы развития COVID-19 в странах Балтии, а также особенности репрезентации последствий данной угрозы в информационном поле (пространстве) СМИ стран Балтии. Авторами осуществлен анализ информационного пространства и показано, что существует как минимум шесть основных стратегий его заполнения: противоборствующая, проективная, консервативная, мобилизационная, стоическая и рефлексивная. Выделенные стратегии носят универсальный характер: все они используются для коммуникации угрозы либо по отдельности, либо в комбинации в зависимости от того, какую цель преследуют.

⁹ *Coronavirus: European Solidarity in action* // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/live-work-travel-eu/health/coronavirus-response/coronavirus-european-solidarity-action_en (дата обращения: 15.11.2020).

Принимая во внимание масштаб самой угрозы и ее последствий, особую значимость приобретает работа с населением и репрезентация угрозы в информационном пространстве территории.

Поскольку закрытие границ и локдаун нанесли экономике всех стран видимый ущерб, особенно в некоторых сервисных отраслях, где традиционно трудились мигранты, глобальные цепочки создания стоимости перспектив мировой экономики из-за кризиса, вызванного пандемией COVID-19, и вынужденной приостановки производств в Китае оказались в центре обсуждения. По мнению *Ю.В. Симачева, А.А. Федюниной и Ю.В. Аверьяновой*, несмотря на большую напряженность политических отношений России со странами Балтии, их взаимная торговля внутри глобальных цепочек создания стоимости и деятельности многонациональных компаний более устойчива к геополитическим и экономическим шокам, даже учитывая определенные факторы трансформации этих цепочек в результате последствий пандемии COVID-19. Авторы показывают, что региональное сотрудничество цепочек в среднесрочной перспективе возможно с учетом специфики деятельности транснациональных компаний России и стран Балтии.

Среди ключевых рекомендательных выводов статей данного выпуска, посвященных последствиям пандемии COVID-19, следует отметить необходимость, во-первых, координации мероприятий между странами и сокращения жестких мер, связанных с закрытием границ; во-вторых, принятия разных режимов прохождения границ жителями разных стран в зависимости от уровня заболеваемости в них; в-третьих, усиления обмена информацией как между странами, так и между консулатами и их гражданами. Наибольшую эффективность доказала либерализация миграционного законодательства в отношении нахождения мигрантов на территории стран приема («ковидная амнистия» мигрантов), что позволило не только дать возможность легализовать положение иностранцев, обеспечить их доступ на рынок труда, но и снизить уровень незаконной занятости и сократить эксплуатацию мигрантов. Важность роли СМИ в освещении пандемии COVID-19 заключается в способах репрезентации угрозы в информационном пространстве. Также значимым фактором в деле преодоления последствий кризиса, вызванного пандемией COVID-19, могут стать региональные инициативы транснациональных и местных компаний по возможному укреплению кооперации.

Приглашенные редакторы выпуска

Сергей Васильевич Рязанцев

E-mail: riazan@mail.ru

Ирина Николаевна Молодикова

E-mail: molodikova@hotmail.com

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПОЛОЖЕНИЕ МИГРАНТОВ НА РЫНКАХ ТРУДА СТРАН СНГ

С. В. Рязанцев¹
И. Н. Молодикова²
А. Д. Брагин²

¹ Московский государственный институт
международных отношений МИД РФ,
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76.

² Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6

Поступила в редакцию 12.10.2020

doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-2

© Рязанцев С. В., Молодикова И. Н.,
Брагин А. Д., 2020

Актуальность статьи обусловлена необходимостью выработки комплекса мер по минимизации негативного эффекта от предпринимаемых действий стран, направленных на ограничение распространения коронавирусной инфекции. Данный процесс представляет собой постоянно меняющуюся структуру, что делает его довольно сложным для изучения, однако крайне важным. Правительства большинства стран СНГ предприняли быстрые и решительные меры, направленные на сдерживание пандемии COVID-19. Однако ввиду комплексного подхода к проблеме действия государств сильно затронули мобильность и занятость граждан, что, в свою очередь, сказалось на миллионах мигрантов на просторах СНГ. В данной статье представлен сравнительный анализ и последующий синтез негативных последствий пандемии COVID-19 в призме занятости и положения трудовых мигрантов в СНГ. Нас также интересует, какие меры ограничений и поддержки были предприняты странами и как они сказались на мигрантах. Нами были собраны и изучены различные качественные и количественные данные относительно положения трудовых мигрантов во время действия ограничительных мер COVID-19 как на территории Российской Федерации, так и на всем пространстве СНГ. В ходе исследования было определено, что в связи с отсутствием координации по принятию ограничительных мер между государствами положение трудовых мигрантов сильно ухудшилось и было в большей степени осложнено закрытием границ и отсутствием необходимой социальной поддержки. По итогу исследования нами выявлены основные проблемы, с которыми столкнулись трудовые мигранты, и разработан комплекс мер по их минимизации.

Ключевые слова:

COVID-19, пандемия, СНГ, миграционные потоки, трудовые мигранты, миграционный кризис, денежные переводы

Введение

Начало 2020 года ознаменовалось вспышкой пандемии COVID-19. Первые месяцы эпицентром развития нового вируса стал Китай, но со временем COVID-19 распространился на все континенты, затронув в том числе и все пространство СНГ.

Для цитирования: Рязанцев С. В., Молодикова И. Н., Брагин А. Д. Влияние пандемии COVID-19 на положение мигрантов на рынках труда стран СНГ // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 4. С. 10–38. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-2.

Жесткие меры, предпринятые странами мира по недопущению распространения COVID-19, спровоцировали сильнейший кризис в мировой экономике и затронули все сферы повседневной жизни людей вне зависимости от их социального положения и статуса. Основные ограничения коснулись миграционной мобильности в связи с тем, что главной целью государств стала минимизация личных контактов населения для контроля за дальнейшим распространением вируса через закрытие границ и остановку или сокращение перевозок всеми видами транспорта [1]. Данные действия привели к существенным изменениям мировых миграционных процессов, так как многие страны закрыли свои границы без возможности для мигрантов и своего населения выехать из них или возвратиться к себе на родину. Паралич многих сфер экономики, где трудились мигранты, привел к массовым увольнениям и, как следствие, к нехватке денежных средств как на возвращение домой, так и на проживание в стране приема.

Подходы разных государств к управлению миграционными потоками сильно варьируются исходя из того, насколько быстро COVID-19 проник на территорию страны и насколько сильно миграция имеет значение для экономики страны [1]. Поскольку мигранты важны как для экономик стран-доноров, так и для экономик стран-реципиентов, ответственность по управлению миграционными потоками лежит на обеих сторонах. В странах-реципиентах мигранты находятся на их территории и заняты в развитии их экономики, а в странах-донорах экономика во многом зависит от денежных переводов своих граждан. При возникновении ситуации резкого ухудшения условий жизни и угрозы здоровью своих граждан и экстренной потребности граждан в возвратной миграции страна должна предоставить им такую возможность.

В статье анализируется влияние пандемии COVID-19 на положение мигрантов в странах СНГ. Цель данной работы — выявление основных негативных последствий ограничительных мер для мигрантов в СНГ и обоснование комплекса мер по выходу из сложившегося кризиса с учетом уже существующих мер поддержки.

Миграционные потоки в СНГ формируют два из пяти основных мировых миграционных коридоров (Россия — Казахстан и Россия — Украина) с общим миграционным оборотом около 6 млн чел.¹. Кризис миграционной мобильности из-за пандемии COVID-19 в регионе имеет важные последствия для изменения не только региональных, но и мировых миграционных трендов, а также последствия для мировой экономики. Успешный опыт стран СНГ в решении проблем передвижения и положения мигрантов может стать примером для других государств, также столкнувшихся с кризисом в миграции во время пандемии COVID-19.

Учитывая, что пандемия COVID-19 не окончена, а заболеваемость имеет волнообразный характер, ситуация с введением и снятием ограничительных мер будет постоянно меняться. Настоящая статья может выступить в роли пособия по минимизации последствий от ограничительных мер, затрагивающих положение мигрантов, ведь во многих странах-донорах и странах-реципиентах трудовая миграция играет определяющую роль для экономики, и любой кризис миграции может спровоцировать кризис в экономике [2].

¹ *The World Bank Annual Report 2016*. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/596391540568499043/worldbankannualreport2016.pdf> (дата обращения: 11.07.2020).

Источники информации и теоретические подходы к исследованию

Пандемия COVID-19 стала глобальным явлением с новыми социально-экономическими и демографическими последствиями. В современной научной литературе пока мало теоретико-методологических работ по обоснованию последствий пандемии, в том числе влияния на мобильность и положение трудовых мигрантов. Также не существует пока единой методики сбора статистических данных по мигрантам, которые оказались в сложной ситуации в странах приема, транзита и отправления. Чаще всего это данные информационных агентств, СМИ, заявления официальных лиц. При подготовке статьи были изучены различные исследования, проведенные учеными и экспертами международных организаций, научных институтов и университетов в странах СНГ в 2020 году. В основу статьи положены научные доклады, аналитические записки и опубликованные в 2020 году специальные выпуски научных журналов, аналитических обзоров различных организаций относительно положения мигрантов и сферы труда в условиях пандемии COVID-19. Среди международных организаций влияние пандемии на мобильность и положение мигрантов в регионе СНГ изучали Программа развития ООН, Международная организация по миграции (МОМ)², Международный центр миграционной политики [3], Международная организация труда (МОТ) [6]³, Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [7]⁴, Всемирный банк [8]⁵, Московское бюро по правам человека, Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), Евразийский банк развития (ЕБР). Также некоторые научные институты и университеты в России провели эмпирические исследования положения трудовых и образовательных мигрантов в СНГ, среди них Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН [1; 4—8], РАНХиГС [9], Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара [10—12], Высшая школа экономики и Институт социологии ФНИСЦ РАН [12]. Серия социологических опросов трудовых мигрантов весной 2020 года охватила трудовых мигрантов по случайной выборке. Опросы проводились в социальных сетях (Facebook и «ВКонтакте») и через организации мигрантов [13]⁶.

² *Combating xenophobia is key to effective COVID-19 recovery*. Press release, 22 May 2020 // IOM. URL: www.iom.int/news/combating-xenophobia-key-effective-covid-19-recovery (дата обращения: 11.07.2020); COVID-19 Analytical Snapshot #40: Returning Migrants. 20 May 2020 // IOM. URL: www.iom.int/sites/default/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_40_-_returning_migrants.pdf (дата обращения: 11.07.2020).

³ *Protecting migrant workers during the COVID-19 Pandemic: Recommendations for Policy-makers and Constituents*. Geneva, April 2020 // ILO Policy Brief. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/ed_protect/-/protrav/-/migrant/documents/publication/wcms_743268.pdf (дата обращения: 13.07.2020).

⁴ *Supporting livelihoods during the COVID-19 crisis: Closing the gaps in safety nets*. 20 May 2020 // OECD. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=132_132985-hrr3dbjimj&title=Supporting-livelihoods-during-the-COVID-19_crisis%20oe.cd/il/30z. (дата обращения: 15.07.2020).

⁵ *Potential responses to the COVID-19 outbreak in support of migrant workers*. Living Paper Version 9, June 2020 // World Bank Group URL: <https://documents.worldbank.org/pt/publication/documents-reports/documentdetail/428451587390154689/potential-responses-to-the-covid-19-outbreak-in-support-of-migrant-workers-may-26-2020>. (дата обращения: 13.07.2020).

⁶ *Ryazantsev S.V. The Situation of Migrant Workers in Russia During the COVID-19 Pandemic (Results of a Sociological Study) on the International Conference The Impact of the COVID-19 Pandemic on Migration Mobility* (ИСПИ РАН и МГИМО, 27 апреля 2020 г., Москва). URL: <http://испи.рф/the-impact-of-the-covid-19-pandemic-on-migration-mobility/> (дата обращения: 14.07.2020).

Теоретический аспект исследования. Процессы глобализации, развитие интернет-коммуникаций и транспортного сообщения в начале XXI века способствовали быстрому росту числа международных мигрантов [14; 15], трансграничных транзитных потоков мигрантов [16]. До пандемии COVID-19 в результате миграции быстро перемещались значительные контингенты населения, например в ходе «миграционного кризиса» 2015 года только Европа приняла около 1,1 млн просителей убежища и беженцев. До эпидемии развитие виртуальных сетей коммуникации и модернизация транспорта делали режимы миграционного контроля национальными государствами все менее эффективными [44], приводя к восприятию миграционных потоков правительствами стран как угроз их безопасности [17; 18] и от миграционной политики «секьюритизации» к политике «закрытых дверей» [19]. Инициативы ЕС по восстановлению контроля над незаконным транзитом породили скорее раскол среди стран ЕС на видение его миграционной политики и миграционного контроля [20].

Западноевропейские ученые, исследовавшие изменение визового режима, за полвека пришли к выводу о неэффективности запретительных мер, которые приводят к многочисленным побочным эффектам, связанным с переходом миграции в незаконные формы, со сменой путей передвижения, отсрочкой движения и т.д., но не с отказом от самого перемещения [21; 22]. В ответ на ужесточение пограничного контроля мигранты пытаются найти новые маршруты. В результате география миграционных потоков постоянно меняется [15; 23].

Традиционно исследуемые процессы миграции в контексте глобализации и роста миграционных потоков до момента пандемии рассматривали как данность с ростом мобильности и технологических новаций и т.д. [24]. Региональные процессы в глобальном миграционном режиме представлялись хоть и многовекторными, но поддерживающими общий тренд на рост мобильности [25]. Вопросы рисков от болезней, связанных с миграцией до пандемии, были темой сравнительно маргинальной до миграционного кризиса в Европе в 2015 году. Их связывали в основном с лагерями беженцев, экологическими беженцами и конфликтами [15], с локализацией этих проблем в определенных регионах концентрации вынужденных мигрантов [26].

Анализируя проблемы воздействия COVID-19 на миграционную подвижность населения стран СНГ в контексте общемировой пандемии, следует отметить многофакторность и сложность взаимосвязей, которые возникли с момента закрытия границ практически всех государств и «замораживания» в той или иной степени всех видов передвижений населения мира.

Уникальность кризиса мобильности, вызванного пандемией, в его всемирном охвате заключается в том, что угроза выживанию населения стран и необходимость принятия быстрых решений снова выдвинули национальные государства на первый план для борьбы с эпидемией через контроль границ и разные формы карантина. В это время международные наднациональные образования в лице ЕС, ООН, ОЭСР оказались не готовыми оперативно реагировать на новые вызовы личной и общественной безопасности, а также на требования экономики, питания, здоровья и окружающей среды [27]. Тем не менее позже эти организации начали активно выполнять свою роль международной консолидации усилий и солидарности стран в борьбе с COVID-19 [12].

Конечно, и до кризиса COVID-19 были экономические кризисы, повлиявшие на миграцию: в начале 1970-х годов кризис привел к оседанию большого количества мигрантов из Турции и Южной Европы в развитых западноевропейских странах,

а финансово-экономический кризис 2008 года сопровождался масштабной возвратной миграцией. Кризис беженцев 2015 года в России и Украине проявлялся иначе, чем в Евросоюзе, хотя проблематика мигрантов, ищущих убежище, в исследованиях 2010-х годов в странах СНГ скорее маргинальна. В западных исследованиях она поднимается постоянно [28; 29]⁷, в том числе в связи с временным прекращением рассмотрения аппликаций на статус защиты в период пандемии, поскольку наблюдается значительное сосредоточение беженцев в южных странах Европы и нарастают противоречия стран Евросоюза по поводу их распределения. Дискурс о беженцах в ЕС представлен широко в западноевропейской научной литературе [30], так же, как и о незаконных мигрантах [28].

Дискуссии в политике и среди ученых о возможностях возвращения мигрантов в свои страны, начавшиеся после кризиса беженцев, продолжаются уже в контексте ситуации карантина и предотвращения незаконной миграции в разных странах мира [31]. Поскольку государство как институт — основной «игрок» в создании правил въезда, пребывания и выезда из страны и именно оно в своем законодательстве решает, кто является иммигрантом, беженцем или незаконным мигрантом [19], то мигранты в ситуации локдауна могут легко превратиться в незаконных в случае изменения политики правил въезда и выезда и введения наказаний за их нарушения.

Позитивно, что в ситуации COVID-19 большинство стран Европы — крупнейших получателей мигрантов — выбрали в той или иной мере путь миграционной амнистии. Казахстан и Россия также пошли по пути либерализации пребывания и доступа мигрантов на рынок труда до конца 2020 года. Интересно, что в России, имеющей значительный неформальный рынок миграционного труда, неоднократно высказывались идеи амнистии трудовых мигрантов, но низкая степень доверия населения и мигрантов к правозащитным органам не дала реализовать данное направление в миграционной политике. Только с возникновением ситуации пандемии риск для безопасности страны, когда потенциально миллионы отчаявшихся и потерявших работу мигрантов могли остаться в безвыходном положении, правительство приняло беспрецедентные меры по либерализации миграционного законодательства в стране.

Российские ученые отмечают, что проблемы прошлых миграционных кризисов, которые пережила Россия, и современный кризис имеют принципиально разную этимологию. В предыдущие кризисы (2008—2010, 2015) произошло сокращение не столько абсолютной численности трудовых мигрантов, сколько соотношения их легальной и нелегальной занятости на российском рынке труда [32], что объяснялось как стремлением работодателей к экономии за счет теневого найма работников [33], так и неудачной политикой по регулированию трудовой миграции российского правительства [11]. Следует отметить, что действия правительств развитых государств и России во время предыдущих кризисов характеризовались попытками использовать дискриминационные практики в отношении мигрантов для защиты национального рынка труда для своих гражд-

⁷ COVID-19 Analytical Snapshot #40: Returning Migrants. 20 May. Geneva // International Organization for Migration. URL: www.iom.int/sites/default/files/documents/covid-19_analytical_snapshot_40_-_returning_migrants.pdf (дата обращения: 13.07.2020); Protecting migrant workers during the COVID-19 Pandemic: Recommendations for policymakers and constituents. Geneva, April // International Labour Organization. URL: www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---migrant/documents/publication/wcms_743268.pdf (дата обращения: 13.07.2020).

дан [34]. Исследователи отмечают, что традиционное популистское поведение правительств во время кризисов — избавиться от мигрантов, занимающих потенциальные рабочие места местного населения, — характерно как для западных стран [35—37], так и для России [32]. В период пандемии COVID-19 наблюдается иная картина — либерализация миграционной политики как в ЕС, так и в России и Казахстане [10; 11]. Попытки массово заменить иностранных работников российскими не увенчались успехом ни в кризис 2008—2010 годов, ни в 2014—2016 годах [11], ни в настоящее время.

Некоторые ученые считают, что кризис COVID-19 затронул в большей степени непродовольственные сферы деятельности [38], риски занятости максимальны для проблемных отраслей рыночных услуг: работу потеряли 10 млн чел. [39]. Однако сдерживание мобильности населения спровоцировало в России кризис предложения рабочей силы, в то время как во время прежних экономических кризисов проблемой рынка труда было падение спроса на рабочую силу [39]. Особенностью современного кризиса является массовый недостаток трудовых ресурсов на российском рынке труда. Развитие во всем мире и в России платформенных видов экономической деятельности позволило смягчить безработицу через «ковидизацию» российского рынка труда [40; 41]. Вовлечение в этот сектор потерявших работу мигрантов происходит через замену традиционно работавших в этой сфере пенсионеров и студентов [42].

Новые условия диктуют необходимость исследования новых аспектов миграции. В частности, следует изучить то, как мигранты, закрытые в странах приема, переживают ситуацию пандемии, а также то, как проходит процесс возвращения на родину и реинтеграция после возвращения. Важным направлением является изучение подходов к кооперации между государственными структурами, неправительственными организациями и мигрантами, оказавшимися в сложной ситуации. Кроме того, необходимы поиски путей облегчения проживания в принимающих странах и возвращения мигрантов на родину. Эти вопросы данная статья пытается анализировать на примере стран СНГ.

Ограничение мобильности в СНГ

Особенностью постсоветского региона является действующий долгие годы безвизовый режим в рамках СНГ. Благодаря этому мигранты практически свободно перемещаются между странами СНГ и Украиной, отчасти Грузией, также большинство трудящихся-мигрантов въезжают на территории государств в целях трудоустройства в упрощенном порядке. Основные страны назначения мигрантов в СНГ — Россия и Казахстан, а за пределами региона большинство мигрантов устремляется в Европейский союз [3]. Поэтому введение ограничительных мер одними странами отражается на миграции из других страны СНГ или через них.

Режимы ограничений и карантина страны бывшего СССР начали вводить еще в феврале 2020 года (Грузия), и к концу марта 2020 года были закрыты границы для въезда и выезда всеми странами СНГ (за исключением Беларуси). Во многих странах СНГ было введено чрезвычайное положение (табл. 1).

Таблица 1

**Состояние открытости (закрытости) границ государств СНГ
в период пандемии COVID-19**

Страна	Дата закрытия границы	Дата частичного открытия границы	Официальная ситуация на период закрытия границы	Реальная ситуация въезда и выезда в страну на 1 октября 2020 года
Россия	18 марта ⁸	1 августа ⁹	Граница была полностью закрыта. Граждане РФ, оказавшиеся за рубежом имели право попасть обратно как путем организованных вывозных рейсов, организованных МИД России, так и в индивидуальном порядке	Граница была закрыта частично. Покинуть страну было возможно через границу с Беларусью, имея иностранное ПМЖ или гражданство. Впоследствии гражданам, имеющим иностранное ПМЖ или гражданство, можно было покидать территорию РФ путем частных авиарейсов
Беларусь	Не закрывалась ¹⁰	Не закрывалась	Сухопутная и воздушная границы были открыты для граждан Беларуси и других государств как на въезд, так и на выезд. Многие использовали Беларусь как транзитную страну на пути на Запад и в Россию	
Казахстан	16 марта ¹¹	20 июня ¹²	Граница была закрыта частично. Покинуть Казахстан могли все желающие иностранцы, ранее въехавшие в республику, в случае возобновления полетов	Граждане Казахстана и люди, имеющие ВНЖ, могли въехать на территорию страны через организованные вывозные рейсы. Фактически авиасообщение было остановлено
Украина	27 марта ¹³	29 мая ¹⁴	Граница была закрыта частично. Граждане Украины, оказавшиеся за рубежом, имели право вернуться на родину	Попасть на территорию Украины и выехать из нее можно было наземным транспортом. При пересечении границы с ЕС требовалась справка об отсутствии коронавирусной инфекции и о причинах въезда (работа, приглашение, уход за больными родственниками, лечение)

⁸ COVID-19. Поездки по стране и за рубеж // Правительство России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/891/events/> (дата обращения: 04.08.2020).

⁹ СМИ назвали дату полного открытия границ России // Росбалт. URL: <https://www.rosbalt.ru/russia/2020/08/01/1856622.html> (дата обращения: 04.08.2020).

¹⁰ Лукашенко заявил об отсутствии планов закрывать границы Белоруссии // Известия. URL: <https://iz.ru/1003527/2020-04-23/lukashenko-zaiavil-ob-otsutstvii-planov-zakryvat-granitcy-belorussii> (дата обращения: 04.08.2020)

¹¹ Казахстан вводит ограничения на пересечение границы // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7985473> (дата обращения: 05.08.2020).

¹² Когда откроют границы Казахстана с Россией в 2020 году // Туристер. URL: <https://www.tourister.ru/world/asia/kazakhstan/publications/1202> (дата обращения: 05.08.2020).

¹³ Украина 27 марта закрывает границу из-за коронавируса // Дольче Велле. URL: <https://www.dw.com/ru/a-52932797> (дата обращения: 06.08.2020).

¹⁴ Какие страны мира открыли границы для украинцев // Униан. URL: <https://www.unian.net/tourism/lifehacking/otkrytie-granic-v-mire-2020-kuda-mogut-poehat-ukraincy-spisok-stran-11029211.html> (дата обращения: 06.08.2020).

Продолжение табл. 1

Молдавия	17 марта ¹⁵	1 июля ¹⁶	Граница была полностью закрыта	Гражданам, имеющим румынское гражданство, можно было приезжать в страну и выезжать из нее через сухопутную границу с Румынией
Грузия	Январь 2020 ¹⁷	До 10 мая ¹⁸	Власти еще в феврале закрыли границу с Китаем, а с 21 марта прекратили международное авиасообщение с другими странами, включая Россию и страны ЕС. Внутри страны был введен жесткий карантин, несмотря на небольшое количество заболевших. Строгий режим сохранялся до 10 мая	
Армения	16 марта ¹⁹	1 августа ²⁰	Граница была закрыта частично. Всем гражданам Армении и членам их семей, а также лицам, имеющим право на проживание, разрешался въезд в страну	Граждане с иностранным гражданством и ВНЖ, находившиеся на территории Армении, могли беспрепятственно покинуть страну
Киргизия	17 марта ²¹	15 июня ²²	Граница была полностью закрыта	Граница была закрыта частично. Граждане РФ и Киргизии могли попасть на территорию страны. Был возможен транзит через Казахстан
Азербайджан	5 апреля ²³	1 августа ²⁴	Граница была полностью закрыта	

¹⁵ Молдавия закрывает границу из-за коронавируса // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/03/15/moldavia-zakryvaet-granicu-iz-za-koronavirusa.html> (дата обращения: 07.08.2020).

¹⁶ Хотите выехать за границу? МИД Молдовы информирует, какие правила установили разные страны на период пандемии // Бельцкий независимый портал. URL: <https://esp.md/sobytiya/2020/06/28/hotite-vyehat-za-granicu-mid-moldovy-informiruet-kakie-pravila-ustanovili-raznye> (дата обращения: 05.08.2020).

¹⁷ Когда откроются границы Грузии для туристов: последние новости // Туристер. URL: <https://www.tourister.ru/publications/1209> (дата обращения: 06.08.2020).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Власти Армении на месяц продлили режим ЧП из-за коронавируса // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ee3411b9a79472c2a10090d> (дата обращения: 04.08.2020).

²⁰ Когда страны откроют границы: наглядный график // Sputnik Армения. URL: <https://ru.armenia.sputnik.am/infographics/20200601/23237578/Kogda-strany-otkroyut-granitsy-naglyadnyu-grafik.html> (дата обращения: 07.08.2020).

²¹ Киргизия закрыла границы // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/news/2020/03/17/zakrylis/> (дата обращения: 08.08.2020).

²² Казахстан открыл пункты пропуска на границах с Кыргызстаном и Китаем // Зона. URL: <https://zonakz.net/2020/06/15/kazakhstan-otkryl-punktuy-propuska-na-granicax-s-kyrgyzstanom-i-kitaem/> (дата обращения: 07.08.2020).

²³ Азербайджан оставил свои границы закрытыми // Sputnik Азербайджан. URL: <https://az.sputniknews.ru/azerbaijan/20200529/424064097/Azerbaydzhan-ostavil-svoi-granitsy-zakrytymi.html> (дата обращения: 08.08.2020).

²⁴ Азербайджан продлил срок открытия границ // Профи Трэвл. URL: <https://profi.travel/news/47019/details> (дата обращения: 08.08.2020).

Окончание табл. 1

Туркменистан	20 марта ²⁵	10 июня ²⁶	Граница была полностью закрыта
Узбекистан	16 марта ²⁷	15 июня ²⁸	Граница была полностью закрыта
Таджикистан	10 апреля ²⁹	1 июля ³⁰	Граница была полностью закрыта

В Казахстане действовал режим чрезвычайного положения с комендантским часом по всей стране³¹; на Украине³² и в Молдове — режим чрезвычайной ситуации на месяц с дальнейшим продлением и 60 дней карантина соответственно³³; в Кыргызстане и Грузии — режим чрезвычайного положения в отдельных регионах и городах страны³⁴; в Армении и Азербайджане — специальный карантин³⁵. Узбекистан ввел в разных регионах страны карантин разной степени жесткости. В России действовал гибридный режим, который в течение 2 месяцев называли по-разному: первая неделя — режим нерабочих дней; далее — самоизоляция и ситуация повышенной готовности в регионах (на усмотрение региональных властей); в начале мая — режим ограничений. Однако де-факто принимаемые меры в Москве, Санкт-Петербурге и в некоторых регионах стали режимом чрезвычай-

²⁵ Туркменистан временно ограничил пересечение границы из-за COVID-19 // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200320/1568920983.html> (дата обращения: 10.08.2020).

²⁶ Открытие границы Туркмении с Ираном перенесли с 1 на 10 июня // Регнум. URL: <https://regnum.ru/news/2968811.html> (дата обращения: 09.08.2020).

²⁷ Узбекистан закрывает границы — страна переходит на режим карантина // Спутник Узбекистан. URL: <https://uz.sputniknews.ru/society/20200315/13678328/Uzbekistan-zakryvaet-granitsy--strana-perekhodit-na-rezhim-karantina.html> (дата обращения: 08.08.2020).

²⁸ С сегодняшнего дня границы Узбекистана частично открыты // Ревизор. URL: <https://www.revizor.ru/special-projects/revizor-travel/novosti/s-segodnyashnego-dnya-granitsy-uzbekistana-chastichno-otkryty/> (дата обращения: 10.08.2020).

²⁹ Временный порядок регулирования международных перевозок грузовым автомобильным транспортом // МИД Республики Таджикистан. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/5920/vremennyi-poryadok-regulirovaniya-mezhdunarodnykh-perevozok-gruzovym-avtomobilnym-transportom> (дата обращения 10.08.2020).

³⁰ Таджикистан открывает границы после коронавируса: куда можно полететь // Спутник Таджикистан. URL: <https://tj.sputniknews.ru/country/20200617/1031425974/tajikistan-vozobnovlyayet-avia-sobshchenie-tri-gosudarstva.html> (дата обращения: 09.08.2020).

³¹ Карантинные меры в Казахстане продлятся до конца июня // Zakon.kz. URL: https://www.zakon.kz/5021739-karantinnye-mery-v-kazahstane.html?utm_source=web&utm_medium=newsv1&utm_campaign=notification (дата обращения: 18.07.2020).

³² В Украине из-за коронавируса введен режим чрезвычайного положения на 30 дней с 28 марта до 24 апреля // DW. URL: <https://www.dw.com/ru/v-ukraine-iz-za-koronavirusa-vveden-rezhim-chrezvychajno-polozenia/a-52914514> (дата обращения: 19.07.2020); Украина закрывает границу для иностранцев с 17 марта 2020 // BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-51876682> (дата обращения: 19.07.2020).

³³ Молдова закрывает границу из-за коронавируса. 15 марта 2020 // Украинские национальные новости. URL: <https://www.unn.com.ua/ru/news/1857908-moldova-zakrivaye-kordon-cherez-> (дата обращения: 20.07.2020).

³⁴ Условия карантина в Грузии. 25 мая 2020 // Кавказский узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/348370/> (дата обращения: 21.07.2020).

³⁵ Условия карантина в Армении, 15 мая 2020 // Кавказский узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/348360/> (дата обращения: 21.07.2020); В Азербайджане объявлен специальный карантин из-за коронавируса. 23.03.2020 // Известия. URL: <https://iz.ru/990476/2020-03-23/v-azerbaidzhane-obiavlen-spetsialnyi-karantin-iz-za-koronavirusa> (дата обращения: 23.07.2020).

ной ситуации, сильно ограничивая базовые свободы граждан: запрет на выход из дома, передвижение по стране и выезд из нее. Правительство Таджикистана закрыло границы, но отрицало случаи коронавируса в стране и до 30 апреля не предпринимало специальных мер³⁶. Туркменистан закрыл границы, отрицая эпидемию и даже собрался проводить футбольный чемпионат, но реальная ситуация в стране неизвестна³⁷. Правительство Беларуси не ввело никаких ограничений против эпидемии, в том числе на въезд и выезд и международные пассажирские перевозки, которые проходили через нее и из нее в доковидном режиме. Страна стала основным транзитным коридором в ЕС для населения соседних стран СНГ (России и Украины)³⁸.

Таким образом, на всем постсоветском пространстве (за исключением Беларуси) фактически была заморожена миграция населения между странами и частично внутренняя миграция. Правительства стран буквально призвали людей «сидеть дома» и соблюдать «социальную дистанцию». Общество погрузилось в изоляцию. Только после 11 мая 2020 года страны постсоветского региона начали смягчать ограничения внутреннего карантина и обсуждать вопрос открытия границ. Европейская комиссия 16 марта 2020 года рекомендовала ограничить несущественные поездки в ЕС для граждан третьих стран сроком на 30 дней. Государства-члены последовали этой рекомендации.

Несогласованное закрытие границ и прекращение пассажирского сообщения между странами, особенно между странами ЕС и странами с безвизовым режимом (Украиной, Молдавией и Грузией), между Россией с Казахстаном и странами Евразийского союза и Центральной Азии, привели к скоплению в аэропортах и на границах стран приема и транзита сотен мигрантов, пытающихся вернуться на родину. Пограничные переходы не справлялись с потоком людей. Украина, закрыла половину пунктов пропуска на границах с ЕС. Таджикистан, Узбекистан и Туркмения просто закрыли границы. Посольства всех стран старались организовать чартерные рейсы, но не могли справиться с потоком желающих вернуться.

Однако официально объявленная ситуация с закрытием границ сильно отличалась от реальной на местах, что спровоцировало сильные волнения на границах некоторых государств СНГ. Многие граждане и мигранты не могли получить достоверную информацию о способах пересечения границы, поскольку формально граница оставалась «закрытой».

Согласно исследованию ИДИ ФНИСЦ РАН, в России около 32% опрошенных мигрантов пытались вернуться на родину, но безуспешно [4]. Наземным пересечением границ автотранспортом или с помощью организованных вывозных чартерных рейсов смогли воспользоваться не все.

Отсутствие хорошо налаженных каналов информации порождало возникновение слухов о возможных вывозных рейсах самолетов и поездов, а также о стихийных лагерях на границах, особенно России с Казахстаном. Например, в Оренбурге 157 граждан Киргизии оставались на границе три дня. Тридцатого марта 2020 года 300 граждан Узбекистана и Киргизии, которые не смогли вылететь из новосибирского аэропорта, объявили голодовку, у них был ограничен доступ к пита-

³⁶ *Таджикистан* закрыл границу для иностранцев из-за коронавируса. 10.04.2020 // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/news/2020/04/10/tadzikistan/> (дата обращения: 25.07.2020).

³⁷ Там же.

³⁸ *Белоруссия* побил рекорд по числу заразившихся коронавирусом. 25.04.2020 // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/news/2020/04/25/belovirus/> (дата обращения: 25.07.2020).

нию, бытовому сервису и медицинским услугам³⁹. В районах Республики Дагестан на границе с Азербайджаном более 700 азербайджанцев около месяца находились у закрытой границы, что осложнило ситуацию с коронавирусом в Дагестане⁴⁰.

Почти три тысячи граждан Узбекистана две недели августа провели в палаточном лагере под Ростовом-на-Дону. В антисанитарных условиях, без возможности приготовить еду они ожидали поезда, на котором в сентябре уехали около тысячи человек. Следующий поезд должен был прийти в конце октября⁴¹. На границе Казахстана с Самарской и Оренбургской областями, в двух стихийно образовавшихся лагерях больше месяца ожидают вывоза граждане Киргизии и Узбекистана, а более 600 таджиков⁴² застряли на границе между Узбекистаном и Казахстаном из-за карантина и были вывезены домой на автобусах, предоставленных МОМ⁴³. Те, кто смог вернуться в страны Центральной Азии, помещались в специальные карантинные лагеря с очень тяжелыми условиями пребывания. В Узбекистане это привело к бунту в контейнерном лагере «Уртасарай» в Ташкентской области, вмещающем более 20 тыс. чел. Причиной бунта стало недовольство тем, что некоторых людей держали 30 дней и больше вместо обещанных 14, поскольку в одном помещении содержится по четыре человека, и если у одного из них выявляется вирус, то карантинный срок для всех приходится продлевать⁴⁴. Врачи не объясняли причин такой изоляции.

Большинство центральноазиатских мигрантов остались в странах приема, например 170 тыс. трудовых мигрантов в Казахстане. Только 73 тыс. мигрантов из более миллиона человек, находящихся в России, вернулись в Узбекистан. В Молдову из более чем 600 тыс. трудовых мигрантов приехали более 300 тыс. жителей, которые находились на заработках в ЕС и России⁴⁵; в Украину — более 650 тыс. мигрантов из не менее чем 4—5 млн работающих за рубежом⁴⁶. Таким образом, можно сказать, что большая часть мигрантов не смогла вернуться или решила остаться и переждать пандемию в стране приема.

Поскольку особенностью миграции в регионе стран СНГ является ее краткосрочный характер, то для многих мигрантов эта мера оказалась болезненной, так

³⁹ *Граждане Киргизии, на две недели застрявшие в аэропорту Новосибирска из-за коронавируса, объявили голодовку* // Медуза. URL: <https://meduza.io/news/2020/03/30/grazhdane-kirgizii-na-dve-nedeli-zastryavshie-v-aeroportu-novosibirska-iz-za-koronavirusa-ob-yavili-golodovku> (дата обращения: 25.07.2020).

⁴⁰ *Путин включился в решение проблемы азербайджанцев на границе в Дагестане* // Кавказский узел. URL: <https://amp.kavkaz-uzel.eu/articles/349772/> (дата обращения: 27.07.2020).

⁴¹ *Тысячи мигрантов ждут поезда в стихийном лагере под Ростовом-на-Дону* // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/russian/topics/cxlx9qe9mn5t> (дата обращения: 29.07.2020).

⁴² *Таджикские мигранты застряли между Казахстаном и Узбекистаном* // Спутник Таджикистан. URL: <https://tj.sputniknews.ru/migration/20200316/1030885717/grajdane-tajikistan-zastryali-kazakhsta-uzbekistan.html> (дата обращения: 29.07.2020).

⁴³ *Три тысячи долларов заболевшим иностранцам, ложные вызовы и акимы на карантине. Хроники сопротивления коронавирусу в Центральной Азии* // Фергана ньюс. URL: <https://fergana.site/articles/119393/> (дата обращения: 29.07.2020).

⁴⁴ *Жители Узбекистана устроили бунт в карантинном лагере, требуя отпустить их домой* // Медиазона. URL: <https://mediazona.ca/news/2020/07/10/quarantine-riot> (дата обращения: 30.07.2020).

⁴⁵ *Коронавирус нанес мощный удар по молдавской экономике* // Дольче Велле. URL: <https://www.dw.com/ru/коронавирус-нанес-мощный-удар-по-молдавской-экономике-23042020/av-53226376> (дата обращения: 30.07.2020).

⁴⁶ *Украина закрывает границу для иностранцев с 17 марта* // BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-51876682> (дата обращения: 30.07.2020).

как на родине остались семьи с детьми. Перемещения трудовых мигрантов, как правило, сезонные и связаны с получением разрешительных документов, что делает невозможным для них пребывание в странах трудоустройства на длительный срок.

Для исследования положения мигрантов в СНГ была изучена ситуация с закрытием и открытием границ каждым из государств региона. С учетом сильного отличия официальной и реальной ситуаций был собран эмпирический материал из СМИ и взяты экспертные интервью у представителей посольств и консульств государств СНГ в Российской Федерации.

В половине всех государств официальные данные не соответствовали реальному положению дел. Семь стран из двенадцати ввели полный запрет на пересечение границ. Многие мигранты не имели возможности покинуть страну иммиграции либо въехать на территорию своей родины из-за жестких ограничительных мер и отсутствия авиа- и железнодорожного сообщения с ней. Единственным государством, не закрывшим границы, осталась Беларусь. Таким образом, мигранты, находившиеся в одной из стран СНГ, имели два варианта: первый — остаться в чужой стране и переждать ограничительные меры, второй — пытаться уехать к себе на родину, часто через третьи страны, без возможности вернуться обратно до окончания пандемии.

Фактически единственным способом перемещения между государствами (в случае возможности пересечь границу) осталось наземное автосообщение. В некоторых странах гражданам позволялось покинуть страну в экстренных случаях, таких как отъезд на похороны близкого родственника или срочное лечение в иностранной клинике. При осуществлении поездок в западные страны (транзитом через Беларусь) в некоторых ситуациях необходимо было иметь справку, подтверждающую отсутствие коронавирусной инфекции.

Миграционная политика стран СНГ в период пандемии COVID-19

Россия и Казахстан как основные страны приема (до 90% мигрантов из СНГ) должны были отреагировать на ситуацию невольного нарушения мигрантами миграционного законодательства из-за закрытия всех государственных учреждений, занимающихся вопросами их легализации, и запрета пересечения границ [4]. Россия и Казахстан либерализовали миграционное законодательство в области проживания и доступа на рынок труда иностранных граждан на время пандемии COVID-19.

Казахстан принял специальное решение, облегчающее ситуацию мигрантов в условиях изоляции и закрытия границ. Особенностью рынка труда Казахстана является наем домашних работников из соседнего Узбекистана, работающих у частных лиц в сельском хозяйстве и в малом бизнесе приграничных районов. Вопрос законного пребывания иностранцев в стране был очень актуальным, так как рынок домашнего труда мигрантов в стране функционирует неформально, и только 13% работников имеют письменные договоры [4].

С 22 марта 2020 года Государственная комиссия по обеспечению режима чрезвычайного положения при президенте Республики Казахстан приняла решение о продлении виз и рабочих разрешений для иностранцев до 20 апреля 2020 года, а также сроков пребывания зарубежных граждан, въехавших на территорию Казахстана по ранее действовавшему положению о безвизовом режиме для 57 стран. Для данных категорий иностранных граждан были отменены административные меры за пребывание в стране свыше срока⁴⁷.

⁴⁷ *Казахстан* продлит визы и рабочие разрешения для иностранцев до 20 апреля // Forbes Kazakhstan. URL: https://forbes.kz/news/2020/03/22/newsid_221696 (дата обращения: 01.08.2020).

В Российской Федерации также попытались минимизировать риски для мигрантов в период пандемии. Указом президента РФ № 274 от 18.04.2020 года⁴⁸ для иностранных граждан продлили сроки действия патентов, разрешений на работу, виз, пребывание, вида на жительство, регистраций, истекающих в период с 15 марта по 15 июня 2020 года. В это время платить за патенты, обращаться для продления их срока действия не требовалось. Также для иностранных граждан приостановлено течение сроков депортации и выдворения. Работодатели в указанный период вправе привлекать мигрантов к работе. Важным положительным нововведением стала поправка к закону 135-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан», снимающая ограничения на продление патента на работу без выезда из России⁴⁹. Иностранные граждане смогут продлевать патенты, находясь в России столько, сколько потребуется. Государственная дума приняла поправки к федеральному закону «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ»⁵⁰. Впоследствии с 7 сентября 2020 года была проведена дальнейшая либерализация в миграционном учете России до 15 декабря 2020 года⁵¹.

Премьер-министр России М. Мишустин 16 сентября 2020 года заявил о скором упрощении порядка оформления обычных частных виз и пребывания на территории России близких родственников российских граждан, которые имеют другое гражданство, что позволит им оформить долгосрочные частные визы на основании простого письменного заявления гражданина России (до года без необходимости выезда каждые три месяца)⁵². Таким образом, подобно большинству стран ЕС, два основных принимающих мигрантов стран СНГ государства — Россия и Казахстан — либерализовали пребывание и доступ на рынок труда для большинства мигрантов, находящихся в них, независимо от их предыдущего статуса (легального или нелегального), фактически введя амнистию для нелегально находящихся мигрантов.

Локдаун: трансформация экономики и рынков труда СНГ

Пандемия COVID-19 существенно трансформировала рынок труда стран СНГ. Все государства вынужденно ограничили транспортные и пассажирские потоки, а также закрыли объекты сферы общественного питания и услуг, строительства и торговли, т.е. сектора экономики, где преимущественно были заняты трудовые мигранты. Ограничительные меры сильно ударили по финансовому положению многих из них, так как зачастую они работали нелегально и не могли рассчитывать

⁴⁸ *О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)* : указ Президента РФ от 18.04.2020 г. № 274 (ред. от 23.09.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350638/ (дата обращения: 17.09.2020).

⁴⁹ *О внесении изменения в статью 133 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»* : федеральный закон от 24.04.2020 г. № 135-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351148/ (дата обращения: 17.09.2020).

⁵⁰ *О внесении изменений в Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»* : федеральный закон от 08.06.2020 г. № 182-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354481/ (дата обращения: 17.09.2020).

⁵¹ *Вставать* на миграционный учет можно через портал госуслуг в электронном виде; отменяется сложно выполнимая норма о снятии с миграционного учета по предыдущему адресу для оформления нового учета по другому адресу; все мигранты по новому закону могут зарегистрировать себя и других мигрантов в принадлежащем им жилье.

⁵² *Мишустин анонсировал упрощение визового режима для иностранных родственников россиян* 16.09.2020 // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/news/2020/09/16/164306-mishustin-anonsiroval-uproschenie-vizovogo-rezhima-dlya-inostrannyh-rodstvennikov-rossiyan> (дата обращения: 17.09.2020).

на выходное пособие при увольнении. Большинство мигрантов потеряли работу неожиданно, а некоторые даже не получили расчета по заработной плате. Уже к началу июля 2020 года на рынках труда стран СНГ сложилась тяжелая ситуация.

В России около 54% работающих мигрантов в РФ потеряли работу. Многие мигранты, работавшие в стране легально, потеряв работу, лишились возможности оплачивать жилье, продлевать патент и другие документы, а также посылать денежные переводы домой. Источники дохода потеряли 32% мигрантов [4].

Работодатель при официальном найме легального мигранта в случае его заболевания должен оформить и оплатить больничный лист нетрудоспособности. Отказ работодателя выполнить эту обязанность и увольнение сотрудника считается нарушением Трудового кодекса (ТК), и человек имеет право обратиться в суд⁵³. Люди без официального трудоустройства, работающие незаконно, оказались в непростой ситуации. Они не защищены нормами ТК, и отстоять свое право на выплату по больничному листу и в случае неожиданного увольнения им очень сложно. Такие мигранты составляют одну из наиболее уязвимых в условиях пандемии групп⁵⁴. Учитывая, что в России количество недокументированных мигрантов — от 2,5 до 3—4 млн большая часть их концентрируется в обеих столицах и их окружении [4]. Поэтому число безработных мигрантов в период пандемии могло составить не менее 1 млн чел.

По словам президента РФ В.В. Путина (выступление 11 мая 2020 года), эпидемия привела к безработице около 1,4 млн россиян⁵⁵. Пресс-служба Минтруда России уже в июне 2020 года отметила, что количество официально зарегистрированных безработных уже достигло 2,8 млн чел. Согласно опросу «Левада-центра»⁵⁶ в апреле 2020 года практически треть российских граждан, в семье которых есть занятые, отметила, что их самих или членов их семьи затронула проблема уменьшения заработной платы (33%), еще четверть из них столкнулась с задержкой выплаты зарплаты (25%), а пятая часть — с увольнениями (26%). По данным опроса «Левада-центра», уже в августе 2019 года 64% респондентов — граждан России поддержали мнение: «Мои родственники и знакомые готовы делать работу, которую сейчас выполняют мигранты». Еще 44% опрошенных считали, что «большинство мигрантов живет лучше и богаче, чем я и моя семья». С учетом ухудшения финансового положения и негативной динамики в сфере занятости у местного населения предоставления о конкуренции с мигрантами-иностранцами за рабочие места могут усилить антииммигрантские настроения и напряжение в обществе⁵⁷. Возможный рост безработицы в России усложнит положение находящихся там трудовых мигрантов из СНГ, и многие из них будут вынуждены вернуться, если смогут это сделать.

В Казахстане после введения режима чрезвычайной ситуации в стране потеряли работу около 2 млн чел. Более 12 тыс. бизнесменов обратились к правительству за помощью, из них 80% — представители малого и среднего бизнеса, сферы услуг и торговли. Обе категории населения в сумме составляют примерно четверть всего работающего населения страны⁵⁸.

⁵³ *Сбережений хватит на неделю. Как переживают самоизоляцию и карантин мигранты, оставшиеся в Москве // Фергана. URL: <https://fergana.site/articles/116812/> (дата обращения: 17.09.2020).*

⁵⁴ *Врачи спрашивают страховку и регистрацию. Кто поможет мигрантам, которые подхватили коронавирус, — и их соседям по квартире? // Фергана. URL: <https://fergana.agency/articles/117247/?country=kz> (дата обращения: 15.09.2020).*

⁵⁵ *Путин выступает с обращением к россиянам // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=owpG4fneHDM> (дата обращения: 10.09.2020).*

⁵⁶ *Занятость населения // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/05/19/ZANYATOST-NASELENIYA/> (дата обращения: 14.08.2020).*

⁵⁷ *От изоляции — к миграции // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/04/OT-IZOLYATSII-K-MIGRATSII/> (дата обращения: 19.07.2020).*

⁵⁸ *«Коронакризис» в Центральной Азии: экономические последствия пандемии // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. URL: <https://cabar.asia/ru/koronakrizis-v-tsentralnoj-azii-ekonomicheskie-posledstviya-pandemii/> (дата обращения: 28.08.2020).*

В Таджикистане закрытие границ правительством страны привело к тому, что сотни тысяч таджикских мигрантов не смогли поехать на сезонные заработки в Россию. Страна фактически осталась без валюты, так как около ее 80% притока обеспечивается за счет трудовой миграции⁵⁹.

В Узбекистане распространение вируса COVID-19 парализовало практически все отрасли экономики. По опросам Центробанка, у 56% респондентов семейный доход во время пандемии сократился, и еще 15% остались без доходов⁶⁰.

Кыргызстан испытал существенное падение экономики, поскольку закрытие границы остановило поток покупателей из Казахстана, которые составляли от 80 до 90% покупателей в Кыргызстане. Большая часть населения в Кыргызстане трудится в малом и среднем бизнесе — более 250 тыс. чел. Кыргызстан обратился к международным донорам. МВФ уже выделил стране 120,9 млн долл. США⁶¹.

На Украине закрытие границ также заморозило традиционную краткосрочную циркулярную миграцию в страны ЕС и Россию. Украинцы — основная рабочая сила сельского хозяйства Польши (99% всех сезонных разрешений на трудоустройство в 2018 году). Около 12% украинских трудовых мигрантов, у которых истек срок действия законных оснований для трудоустройства и которые остались без работы, покинули страну до 1 апреля 2020 года из-за ограничений, связанных с COVID-19. Украинцы, проживающие в Чехии и Италии (которые не имеют общей границы с Украиной), столкнулись со значительными трудностями, поскольку им необходимо пересекать ряд стран, большинство из которых запретили въезд иностранцам. Поэтому им приходится полагаться на транзитные коридоры через Беларусь, Австрию, Венгрию или Румынию, и они не могут вернуться в те же страны.

Попытка Германии, Австрии, Великобритании и Финляндии организовать чартерные рейсы для сезонных работ через эстонскую частную компанию получилась только единожды: 23 апреля 2020 года авиакомпания «МАУ» осуществила чартерный рейс, доставив около 200 украинцев на финские фермы, хотя Финляндия готова была принять 14 тыс. украинцев для сезонных работ. «Правительство Украины приостановило эти рейсы», — заявил посол Эстонии на Украине Каймо Кууск⁶². Рабочие мигранты стали предметом торга между властями Украины и ЕС. «Правительство готово к переговорам с европейскими странами, которые выразят желание официально пригласить украинских рабочих на сезонные работы», — сообщил премьер-министр Украины Денис Шмыгаль послу ЕС в Украине Матти Маасикасом⁶³. Кабинет министров Украины с учетом последствий распространения коронавируса по кризисному сценарию в июне прогнозировал, что менее 50% мигрантов вернуться на работу за пределами Украины и безработица будет расти⁶⁴.

⁵⁹ «Коронакризис» в Центральной Азии: экономические последствия пандемии // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. URL: <https://cabar.asia/ru/koronakrizis-v-tsentralnoj-azii-ekonomicheskie-posledstviya-pandemii/> (дата обращения: 28.08.2020)..

⁶⁰ *Узбекские семьи стали покупать меньше мяса из-за пандемии* // Sputnik Узбекистан. URL: <https://uz.sputniknews.ru/society/20200820/14809956/Koronavirus-v-Uzbekistane-glavnoe-na-20-avgusta.html> (дата обращения: 05.09.2020).

⁶¹ *UNDP COVID-19 в Кыргызской Республике: Оценка воздействия на социально-экономическую ситуацию и уязвимость и ответные меры политику.* Август 2020. URL: https://kyrgyzstan.un.org/sites/default/files/2020-08/UNDP-ADB%2520SEIA_11%2520August%252020%2520Rus.pdf (дата обращения: 05.10.2020).

⁶² *Украина — це Африка. Причём многовековой давности* // Ньюс-Фронт ИНФО. URL: <https://news-front.info/2020/05/03/ukraina-cze-afrika-prichem-mnogovekovo-davnosti/> (дата обращения: 11.07.2020).

⁶³ *Страны ЕС массово приглашают украинцев на работу: В Кабмине создали рабочую группу* // Инфорезист. URL: <https://inforesist.org/strany-es-massovo-priglasayut-ukrainczev-na-rabotu-v-kabmine-sozdali-rabochuyu-gruppu/> (дата обращения: 13.09.2020).

⁶⁴ *В Кабмине рассматривают два сценария развития экономики после коронавируса* // НВ. URL: <https://nv.ua/biz/economics/koronavirus-v-ukraine-kakie-posledstviya-dlya-ekonomiki-novosti-ukrainy-50094584.html> (дата обращения: 07.09.2020).

Мигранты в локдауне: проблемы выживания

Осуществленный с участием авторов статьи социологический опрос трудовых мигрантов ИДИ ФНИСЦ РАН в апреле 2020 года охватил трудовых мигрантов старше 18 лет (717 чел.) по случайной выборке и проводился в социальных сетях (Facebook и «ВКонтакте») через организации мигрантов. По данным опроса, около 84% мигрантов отметили снижение доходов или их потерю; более половины (65%) либо потеряли работу (28%), либо находились в неоплачиваемом отпуске (37%). Поэтому только около половины опрошенных были в состоянии посылать деньги домой в апреле (более 51%). Главными проблемами для мигрантов стали невозможность платить за жилье — 64%; невозможность найти работу — 45%; отсутствие денег на еду — 43%; проблемы с полицией — 20%; плохие условия жизни — 11%; невозможность платить за патент — 2%. Около 1% опрошенных мигрантов отметили, что больны коронавирусной инфекцией сами и около 3% — что больны их родственники и / или друзья [4].

Доля тех трудовых мигрантов, которые приехали работать, но не получили разрешительных документов, в целом по России составила 32% (расчеты проекта «Если быть точным») ⁶⁵. В русскоязычных СМИ обсуждалось, что во время пандемии возможен уход большей части трудовых мигрантов в теневую занятость, что может создать неблагоприятную ситуацию демпинга заработной платы и усилит ксенофобию.

Количество обращений за помощью на горячую линию правозащитной организации НКО «Тонг Жахони» в марте — апреле 2020 года выросло до 14,2 тыс., что более чем в 2 раза превышало этот же показатель за март — апрель 2019 года (5,5 тыс. обращений). Основные три причины обращения в «Тонг Жахони» остались без изменений: незаконные задержания полицией (увеличились в 2 раза с 2,2 до 4,1 тыс. обращений); консультации по юридическим вопросам (возросли на 30% — с 2,1 тыс. до 2,7 тыс. обращений); прямое вымогательство взяток полицией (увеличились в 3 раза с 0,6 тыс. до 1,3 тыс. обращений); просьбы о гуманитарной помощи (в марте — апреле 2019 года — только 9, в те же месяцы 2020 года — 1292, эта причина заняла четвертое место) ⁶⁶.

Большинство мигрантов стараются минимизировать свои издержки, выбирают для проживания самые дешевые хостелы и общежития, в которых условиями жизни не подходят для пребывания в изоляции — каждый четвертый мигрант живет в комнате от 5 до 9 чел. (27%) [4]. Это делает практически невозможными физическое дистанцирование и подвергает мигрантов риску передачи вируса.

Политика властей по изоляции мигрантов в общежитиях в случае обнаружения у них COVID-19 и запрет выходить даже за продуктами — еще одна из проблем, связанных с эпидемией. Так, в хостеле пос. Новосергиевка Всеволожского района Ленинградской области полиция закрыла, изолировав, 485 мигрантов и выявила COVID-19 у 123 из них. По данным НКО «Тонг Джахони», более 30 общежитий для мигрантов в Москве, рассчитанных на сотни человек, закрыты на карантин. Однако, по мнению правозащитников, распространение коронавируса происходит «не потому, что это общежития, а часто из-за хозяев и иногда из-за самих мигрантов», которые выдворяли заболевших COVID-19 на улицу ⁶⁷.

⁶⁵ *От изоляции — к миграции* // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/04/OT-IZOLYATSII-K-MIGRATSII/> (дата обращения: 10.08.2020).

⁶⁶ Чупик В. Проблемы мигрантов в России в период самоизоляции // International Conference The Impact of the COVID-19 Pandemic on Migration Mobility (ИСПИ РАН и МГИМО, 27 апреля 2020 г., Москва). URL: <http://испи.пф/the-impact-of-the-covid-19-pandemic-on-migration-mobility/> (дата обращения: 10.08.2020).

⁶⁷ *Выгнали на улицу, когда я заболел. В Москве общежития, где обнаружен COVID-19, закрывают вместе с жильцами* // Фергана. URL: <https://fergana.site/articles/117910/> (дата обращения: 09.07.2020).

Языковой барьер в коммуникации с врачами — еще одна проблема. Врачи оказывают мигрантам помощь в лечении от COVID-19: бесплатно дают лекарства и, если надо, госпитализируют. Однако многие мигранты не знают языка и не могут объяснить врачам скорой помощи свое самочувствие, поэтому бывают случаи отказов приезда и госпитализации⁶⁸.

Во время действия ограничительных мер в России появились административно созданные ситуации, при которых многие мигранты попали под категорию нелегальных не по своей вине:

1) миграционные службы России перестали работать с конца марта, делая невозможным продление действия патента, видов на жительство и других важных для мигрантов документов;

2) многим мигрантам работодатели не заплатили за уже сделанную работу и за вынужденное нахождение на карантине, хотя президент России В.В. Путин в обращении к бизнесу этого потребовал⁶⁹;

3) в Кодекс об административных нарушениях были введены поправки о наказаниях за нарушение мер карантина, которые привели к росту задержаний полицией при проверке мигрантов на улицах и в местах проживания и, соответственно, к массовым арестам с вынесениями решений о депортации и помещении в специальные учреждения временного содержания иностранных граждан для выдворения из России.

Эти поправки в Кодекс об административных нарушениях юрист Комитета «Гражданское содействие» Анна Городецкая считает незаконными мерами властей России, как и налагаемые на людей штрафы за их нарушение: «Такие меры допустимы при режиме чрезвычайной ситуации, который введен не был». Юрист организации «Тонг Жахони» Валентина Чупик конкретизирует: «Если бы в России был введен режим чрезвычайной ситуации, то за питание, проживание и рабочие дни, которых лишаются изолированные мигранты, платило бы государство»⁷⁰. Однако бремя расходов было перенесено на самих мигрантов.

Экономические последствия первого локдауна в странах-донорах: снижение количества денежных переводов

Пока невозможно в полной мере оценить все негативные экономические последствия пандемии. В первую волну пандемии в России только ограничительные меры привели к снижению на 12% ее ВВП⁷¹. Кабмин Украины прогнозирует низкие объемы инвестиций и потребления в стране, что не позволит выйти на прежний уровень, а дефицит бюджета будет расти⁷². По данным Статистического комитета СНГ, в большинстве стран основные показатели второго полугодия 2020 года снизились в постоянных ценах по сравнению с первым полугодием 2019 года: ВВП — в среднем на 3–6%, инвестиции — от 23% в Армении до 2,7% в Беларуси), объем розничной торговли — от 19 до 1,5%. Во всех странах СНГ отмечался рост цен на товары.

⁶⁸ Врачи спрашивают страховку и регистрацию // Фергана. URL: <https://fergana.ru/articles/117247/> (дата обращения 02.08.2020).

⁶⁹ Лучше бы заплатили за работу, чем выдавать миску с едой. Чем могут помочь застрявшим в России мигрантам крупный бизнес и диаспоры // Фергана. URL: <https://fergana.plus/articles/117911/> (дата обращения: 28.08.2020).

⁷⁰ Выгнали на улицу, когда я заболел. В Москве общежития, где обнаружен COVID-19, закрывают вместе с жильцами // Фергана. URL: <https://fergana.site/articles/117910/> (дата обращения: 28.08.2020).

⁷¹ Путин назвал рост безработицы самой острой проблемой в мире // РИА. URL: <https://ria.ru/20200623/1573378512.html> (дата обращения: 09.09.2020).

⁷² В Кабмине рассматривают два сценария развития экономики после коронавируса // НВ. URL: <https://nv.ua/biz/economics/koronavirus-v-ukraine-kakie-posledstviya-dlya-ekonomiki-novosti-ukrainy-50094584.html> (дата обращения: 07.09.2020).

Однако самым значительным было сокращение пассажиропотоков, включая внешние и внутренние, — больше чем на треть (64%). Показатели пассажирооборота и перевозки пассажиров в полной мере показывают, насколько закрытие границ между государствами и ограничение мобильности повлияли на миграционные потоки. В таблице 2 представлены количественные данные, характеризующие объемы и динамику пассажиропотока в первой половине 2020 года в сравнении с предыдущими годами, а также объем инвестиций как основной показатель, характеризующий социально-экономическое развитие стран. Снижение пассажирооборота влияет на инвестиции в основной капитал страны и, как следствие, на экономику в целом.

Таблица 2

Динамика пассажирских перевозок и инвестиций в основной капитал в странах СНГ

Страна	Перевозки пассажиров			Пассажирооборот			Инвестиции в основной капитал (в постоянных ценах)
	Млн чел.	I полугодие 2020 года к I полугодию 2019 года, %	I полугодие 2019 года к I полугодию 2018 года, %	Млрд пассажиро-ки- лометров	I полугодие 2020 года к I полугодию 2019 года, %	I полугодие 2019 года к I полугодию 2018 года, %	
Азербайджан	602,0	73,7	101,9	9,5	70,4	99,0	97,3
Армения	34,9	44,4	104,5	0,5	45,4	102,5	76,6
Беларусь	541,6	85,3	99,97	7,5	70,0	106,1	98,6
Казахстан	4 737,7	54,5	101,3	54,4	52,7	98,7	97,1
Кыргызстан	156,3	50,2	101,1	2,6	50,2	99,9	85,2
Молдова	23,0	53,3	103,4	1,1	49,3	105,7	85,1
Россия	3 909,0	67,8	97,9	141,3	54,4	108,1	96,0
Таджикистан	290,2	90,8	111,8	3,5	79,8	101,9	95,4
Узбекистан	1 348,2	103,2	102,2	30,8	100,6	103,7	87,2
Украина	547,9	55,2	94,9	18,6	41,9	105,7	65,1
<i>Всего по СНГ</i>	<i>12 190,7</i>	<i>64,3</i>	<i>100,1</i>	<i>269,8</i>	<i>56,8</i>	<i>104,9</i>	<i>94,0</i>

Источник: Статистический комитет стран СНГ. URL: <http://www.cisstat.org>.

Объемы пассажиропотока на просторе СНГ существенно снизились за время начала пандемии COVID-19 по сравнению с показателями предыдущих лет. Только Узбекистан сумел превзойти показатели предыдущих лет. В среднем динамика снижения составила около 45–55% (Армения, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Украина), что является критическим показателем для всей отрасли. По инвестициям в основной капитал ни одной из стран СНГ не удалось достичь результата предыдущего года. Данная динамика свидетельствует о том, что во время ограничительных мер пострадали практически все отрасли, прямо или косвенно связанные с мигрантами и их деятельностью.

Для самих мигрантов ситуация на рынке труда также была сложной. Опрос показал, что те мигранты, которые были заняты в сфере оказания услуг и строительстве, оказались без средств к существованию и без возможности найти новый заработок в условиях действующих ограничительных мер COVID-19. Все это сказалось на снижении количества денежных переводов мигрантов на родину. МОМ считает, что в связи с кризисом 90% мигрантов не смогут переводить средства своим семьям на родину⁷³. За время действия жестких карантинных мер количество переводов мигрантов, находящихся в России на родину, снизилось более чем на 50%. Мигранты сами остро нуждались в деньгах во время ограничительных мер и не могли рассчитывать на заработную плату⁷⁴. Негативная тенденция уменьшения доходов имела место как в странах-реципиентах, так и в странах-донорах.

Резкое сокращение числа денежных переводов станет серьезным вызовом для стран исхода мигрантов, таких как Таджикистан, Узбекистан и Киргизия, граждане которых заняты на заработках преимущественно в России и Казахстане [7]. Особенно болезненно этот процесс скажется на экономике Таджикистана и Киргизии: начиная с 2010 года доля денежных переводов в ВВП стран-получателей стабильно превышала 25%, то есть была весомой компонентой экономики стран⁷⁵. Негативные экономические процессы могут привести к дальнейшему росту социальной напряженности и политической нестабильности как внутри Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, так и среди мигрантов из этих стран, находящихся на территории других государств. В Киргизии этот процесс уже начался в виде беспорядков после парламентских выборов, приведших к захвату парламента страны, массовым протестным выступлениям и введению комендантского часа в столице с 12 октября 2020 года из-за нестабильности обстановки и угрозы обеспечения защиты жизни и здоровья граждан, их безопасности, а также для наведения общественного порядка⁷⁶. Похожая ситуация политической нестабильности складывается в Беларуси, где с момента выборов президента продолжаются массовые протесты населения⁷⁷. Из-за экономического кризиса обострилась политическую нестабильность в Азербайджане и Армении, где с сентября 2020 года возобновились боевые действия между странами за контроль над Нагорным Карабахом, приведшие к большим жертвам с обеих сторон. В случае актуализации этих конфликтов на территорию России может устремиться значительное количество беженцев.

Согласно прогнозам Всемирного банка денежные переводы в постсоветские республики на фоне пандемии COVID-19 сократятся примерно на 28% из-за экономи-

⁷³ *Мигрантам из стран Центральной Азии, оставшимся без средств к существованию, срочно требуется помощь* // ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/05/1378202> (дата обращения: 14.07.2020).

⁷⁴ *Пандемия COVID-19: что будет с доходами мигрантов в России* // Спутник Узбекистан. URL: <https://uz.sputniknews.ru/infographics/20200413/13914566/Pandemiya-COVID-19-chtobudet-s-dokhodami-migrantov-v-Rossii.html> (дата обращения: 15.07.2020).

⁷⁵ *World Development Indicators (WDI). Global Financial Development* // The World Bank. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/remittance-inflows-gdp>] (дата обращения: 15.07.2020).

⁷⁶ *Борисенко Л.* Глава Киргизии повторно ввел режим чрезвычайного положения в Бишкеке. 12.10.2020 // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/10/12/glava-kirgizii-povtorno-vvel-rezhim-chrezvychajного-polozheniia-v-bishkeke.html> (дата обращения: 14.10.2020).

⁷⁷ *Первый день «общенациональной забастовки» в Белоруссии* // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/photoreport/26/10/2020/5f96ac279a79472f06268cd1> (дата обращения: 30.10.2020).

ческого кризиса и изоляции, что лишит жизненно важной финансовой поддержки многие уязвимые семьи. В 2019 году около 76% всего первичного учета мигрантов в России приходилось на граждан Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Украины, и сумма переводов физических лиц из России в страны СНГ составила 12,9 млрд долл. США⁷⁸. На региональном и локальном уровнях зависимость от денежных переводов очень велика. Например, в городе Ош (Киргизия) от них зависят более 30% домохозяйств⁷⁹, а в феврале — апреле 2020 года падение их числа составило 20—30%⁸⁰.

Молдавия, Грузия, Армения и Украина также рискуют потерять значительные суммы доходов от переводов мигрантов, составляющих более 10% их ВВП.⁸¹ Более того, в странах исхода мигрантов местное население не очень благосклонно относится к возвращающимся, боясь привезенных болезней и роста конкуренции за рабочие места.

Заключение

Остается неясным, когда закончится пандемия COVID-19, поэтому многие мигранты из сезонных фактически становятся долгосрочными, так как ограничительные меры, связанные с пандемией, продлеваются, и они не могут вернуться на родину.

Пандемия сильно повлияла на мировую экономику и на миграцию, что, в свою очередь, отразилось и на странах СНГ. Введение политики локдауна привело к быстрой потере рабочих мест и стабильного заработка мигрантов, они не смогли реализовать свое желание вернуться домой, чтобы переждать тяжелое время. Закрытие границ сильно ограничило мобильность мигрантов, попавших, по существу, в ловушки. Оказавшись в затруднительном положении, иногда даже без денежных средств, многие из них были физически заперты в общежитиях из-за болезни или ее угрозы. Данная ситуация негативно сказалась как на странах-донорах, так и на странах-реципиентах. Для первых — это падение стабильного поступления денежных переводов, составляющих весомый процент от общего ВВП, а также возвращение сотен тысяч безработных и, возможно, больных граждан на родину. Для вторых — это потеря дешевой рабочей силы, которую будет тяжело восполнить. Важным моментом является удорожание поездок как в страны приема, так и в страны-доноры, что связано с использованием комбинированных видов транспорта для пересадки, его недостатка и необходимости оплаты тестов в обеих странах. В связи с этим должно измениться и поведение мигрантов — от решения на долгосрочную миграцию до отказа от нее и поиска новых видов деятельности.

Россия и Казахстан существенно либерализовали свое законодательство, дав возможность находящимся на их территории мигрантам остаться в легальном про-

⁷⁸ *От изоляции — к миграции* // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/04/OT-IZOLYATSII-K-MIGRATSII/> (дата обращения: 08.07.2020).

⁷⁹ *Ерғеибаев У.* Влияние пандемии КОВИД-19 на трудовую миграцию и социально-экономическую ситуацию в Кыргызстане // International Conference "The Impact of the COVID-19 Pandemic on Migration Mobility" (ИСПИ РАН и МГИМО, 27 апреля 2020 г., Москва. URL: <http://испи.рф/the-impact-of-the-covid-19-pandemic-on-migration-mobility/> (дата обращения: 16.07.2020).

⁸⁰ *Emerging Europe braces for sharp drop in remittances from foreign workers* // Emerging Europe. URL: <https://emerging-europe.com/news/emerging-europe-braces-for-sharp-drop-in-remittances-from-foreign-workers/> (дата обращения: 20.08.2020).

⁸¹ *Ibid.*

странстве и рынке труда. Однако многие страны СНГ, как показывают представленные в статье данные, сделали мало для того, чтобы минимизировать риски от наступившего миграционного кризиса. Некоторые государства даже не предоставили мигрантам возможность беспрепятственно вернуться на родину, полностью закрыв границы. Официальная ситуация с закрытием границ сильно отличалась от реальной, что очевидно усугубило положение мигрантов. Поскольку государства не решали проблему по возвращению собственных граждан и предоставлению иностранцам возможности беспрепятственно вернуться на родину, люди делали это своими силами на полулегальных основаниях.

Нескоординированность действий государств приема и доноров привела к тому, что сотни тысяч мигрантов в СНГ оказались в бедственном положении в стихийных лагерях, аэропортах. Более того, кроме России и Казахстана, ни одна страна не предоставила реальной помощи мигрантам в виде послаблений на продление документов. Очевидно, что данное бездействие негативно скажется на дальнейшем притоке рабочей силы в некоторые страны.

Хотя статистические данные о ситуации в отдельных отраслях экономики отсутствуют, можно утверждать, что некоторые из них пребывают в бедственном положении из-за ограничений, связанных с коронавирусом, другие, наоборот, — нуждаются в рабочей силе. Правительства должны содействовать мобильности работников с закрытых предприятий в активно работающие. Мигрантов, потерявшие работу, могут ходатайствовать о получении разрешения на трудоустройство и оставаться в стране в течение месяца или более (в зависимости от ситуации), как это уже делается в Италии и странах В-4.

Мы считаем, что всем государствам на пространстве СНГ необходимо выработать комплекс мер, направленных на поддержку мигрантов, так как кризис COVID-19 сильно коснулся этой социальной группы. Данные меры должны быть направлены на:

- упрощенное продление документов и разрешений на работу. В связи с потерей рабочих мест и действующими ограничениями поиск новой работы становится долгим и затруднительным процессом. Мигранты должны иметь возможность находиться в это время в стране легально, занимаясь исключительно проблемами с работой, а не продлением своего статуса. Онлайн-приложения во время изоляции, предназначенные для урегулирования статуса после окончания карантина, могут облегчить потенциальную нагрузку на миграционные службы;
- разработку четких критериев по поддержанию проходимости границ для определенных категорий граждан и условий пропуска. Сейчас потенциальные сезонные работники имеют проблемы с безвизовым въездом (не могут получить визы, поскольку консульства закрыты);
- создание скоординированных информационных порталов о ситуации в странах СНГ на национальных языках для предотвращения слухов и манипуляций, сеющих панику среди мигрантов и порождающих несанкционированные лагеря, бунты и скопление мигрантов в необорудованных для этого местах;
- внедрение онлайн-заявок на разрешения на трудоустройство. Перевод в онлайн-режим традиционных процедур и ходатайств будет улучшением, отражающим необходимость оставаться дома и соблюдать физическую дистанцию. Кроме того, это может сделать процедуры более быстрыми и эффективными для определенных категорий мигрантов, таких как сезонные и домашние работники;
- помощь в возвращении на родину. Вывозные рейсы должны организовываться консульствами стран СНГ и носить регулярный характер. Границы стран должны быть всегда открыты для собственных граждан, решивших вернуться на родину, и для иностранцев, решивших покинуть страну;

- социальные гарантии. Работодатели не должны увольнять мигрантов во время действия ограничительных мер, так как в данной ситуации найти новую работу бывает невозможно, а нехватка денежных средств ставит работников в бедственное положение;

- медицинскую помощь. В сложившейся ситуации многих мигрантов силой закрывали на карантин в огромных общежитиях, что небезопасно, так как с больными могли находиться и здоровые люди. Соответственно, мигранты с подозрением на COVID-19 должны получать всю необходимую медицинскую помощь с предоставлением безопасного места для прохождения периода самоизоляции, если у них такого не имеется.

Очевидно, что с учетом постоянно изменяющейся обстановки в связи с ограничительными мерами невозможно полностью минимизировать риски для мигрантов. Тем не менее без данных действий мы можем ожидать негативных последствий для экономики, увеличения преступности и нарастания социальной напряженности как в странах-донорах, так и в странах-реципиентах. Недовольство населения экономической ситуацией в странах СНГ может также спровоцировать конфликты как внутри стран, так и между ними для отвлечения населения от тяжелой экономической ситуации. Это может привести к появлению уже не трудовых мигрантов, а беженцев, что еще более усугубит непростую ситуацию кризиса в регионе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта N 20 04 60479.

Список литературы

1. Рязанцев С.В., Брагин А.Д., Рязанцев Н.С. Положение трудовых мигрантов в регионах мира: вызовы пандемии COVID-19 и реакция правительств // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. 2020. № 3. С. 7—21. doi: 10.26653/2076-4650-2020-3-01.

2. Рязанцев С.В., Хорие Н. Моделирование потоков трудовой миграции из стран Центральной Азии в Россию: экономико-социологическое исследование. М., 2011.

3. Вагнер В. Миграция и мобильность в Восточной Европе и Центральной Азии: чего ожидать во времена COVID-19? Информационная записка. 27 мая 2020 // Международный центр по развитию миграционной политики (ICMPD). URL: <https://www.pragueprocess.eu/ru/news-events/news/385-migratsiya-i-mobil-nost-v-vostochnoj-evrope-i-tsentral-noj-azii-chego-ozhidat-vo-vremena-covid-19> (дата обращения: 12.08.2020).

4. Ryzantsev S.V., Vazirov Z.K., Khramova M.N., Smirnov A.V. The impact of the COVID-19 Pandemic on the Position of Labor Migrants from Central Asia in Russia. Central Asia and the Caucasus // Journal of Social and Political Studies. 2020. Vol. 21, № 3. P. 58—70. doi: <https://doi.org/10.37178/ca-c.20.3.06>.

5. Рязанцев С.В., Вазиров З.К., Гарибова Ф.М. «Зависшие на границах» между Россией и Родиной: мигранты из стран Центральной Азии во время пандемии COVID-19 и реакция правительств // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. 2020. № 3. С. 45—58. doi: 10.26653/2076-4650-2020-3-04.

6. Плетнева Ю.Э., Очирова Г.Н. Влияние пандемии COVID-19 на положение иностранных студентов в России // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. 2020. № 3. С. 147—155. doi: 10.26653/2076-4650-2020-3-13.

7. Леденева В.Ю., Безвербная Н.А. Формирование образа мигранта в СМИ и социальных сетях на фоне эпидемии COVID-19 (по результатам контент-анализа интернет-изданий) // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. 2020. № 3. С. 95—105. doi: 10.26653/2076-4650-2020-3-08.

8. Сивоплясова С.Ю. Женская трудовая миграция в период пандемии COVID-19 (по результатам контент-анализа интернет-изданий) // Научное обозрение. Сер. 1. Экономика и право. 2020. № 3. С. 106—113. doi: 10.26653/2076-4650-2020-3-09.

9. Варшавер Е., Иванова Н., Рочева А. Положение мигрантов в России во время пандемии коронавируса (COVID-19): результаты опроса. Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Июль, 2020 г., РАНХиГС, Москва. URL: http://mer-center.ru/_id/1/169_06-07-2020-vars.pdf (дата обращения: 07.08.2020).

10. *Зубаревич Н.* Региональные риски нового кризиса для занятости и бюджетов регионов // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 7 (109). С. 3—13. URL: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2020-71011.pdf> (дата обращения: 22.07.2020).
11. *Флоринская Ю.* Трудовая миграция в РФ на этапе закрытия границ // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 7 (109). С. 14—19. URL: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2020-7-1011.pdf> (дата обращения: 22.07.2020).
12. *Ларионова М., Шелепов А., Васильковский С. и др.* Мониторинг действий ключевых международных институтов по противодействию COVID-19 и его последствиям // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 7 (109). С. 48—64. URL: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2020-7-1011.pdf> (дата обращения: 03.08.2020).
13. *Денисенко М., Мукомель В.* Трудовая миграция во время коронакризиса // ЭКОНС: Экономический разговор. 29.07.2020. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/trudovaya-migratsiya-vo-vremya-koronakrizisa/> (дата обращения: 01.09.2020).
14. *Czaika M., Haas de H.* The globalization of migration: Has the world become more migratory? // *International Migration Review*. 2014. Vol. 48, № 2. P. 283—323. doi: <https://doi.org/10.1111/imre.12095>.
15. *Castles S., Haas de H., Miller M.J.* The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World (5th ed.). Basingstoke, 2013.
16. *Massey D.S.* The political economy of migration in an era of globalization // *International Migration and Human Rights: The Global Repercussions of US Policy*. Vol. 11. Berkeley, 2009. P. 23—43.
17. *İçduygu A.* The Politics of International Migratory Regimes: Transit Migration Flows in Turkey // *International Social Science Journal*. 2000. Vol. 52, № 165. P. 357—367. doi: <https://doi.org/10.1111/1468-2451.00265>.
18. *Düvell F.* Irregular migration: A global, historical and economic perspective // *Irregular Migration in Europe, Beyond Control* (ed. F. Düvell). L., 2006. P. 14—39.
19. *Sahin-Mencutek Z.* Immigration Control in Transit States: The Case of Turkey // *European Journal of Economic and Political Studies*. 2012. Vol. 5, № 1. P. 137—163.
20. *Triandafyllidou A., Maroukis T.* Migrant Smuggling // *Irregular Migration from Asia and Africa to Europe*. L., 2012.
21. *Lara-Valencia F., Agulló J., García-Pérez H. et al.* COVID-19 and cross-border mobility. Arizona, 2020.
22. *Haas de H., Natter K., Vezzoli S.* Growing restrictiveness or changing selection? The nature and evolution of migration policies // *International Migration Review*. 2016. Vol. 50, № 3. P. 1—44.
23. *Collyer M., Düvell F., Haas de H.* Critical Approaches to Transit Migration // *Population, Space and Place*. 2012. Vol. 18, № 4. P. 407—414.
24. *Spencer S.* The Migration Debate. University of Bristol, 2011.
25. *Triandafyllidou A.* Introduction in *Handbook on Migration and Globalization*. Cheltenham, UK, 2018.
26. *Homer-Dixon T.F.* Environment Scarcities and Violence Conflict // *International Security*. 1994. Vol. 19, № 1. The MIT Press, 1994. P. 5—40. doi: <https://doi.org/10.2307/2539147>.
27. *Cohen J.H.* Editorial: Modeling Migration, Insecurity and COVID-19 // *Migration Letters*. 2020. Vol. 17, № 3. P. 405—409. <https://doi.org/10.33182/ml.v17i3.986>.
28. *İçduygu A.* Stranded irregular migrant workers during the COVID-19 crisis: The question of repatriation // *COVID-19 and the transformation of migration and mobility globally*. August 2020. URL: <https://publications.iom.int/books/covid-19-and-transformation-migration-and-mobility-globally-stranded-irregular-migrant-workers> (дата обращения: 10.09.2020).

29. *Moroz H., Shrestha M. and Testaverde M.* Potential responses to the COVID-19 outbreak in support of migrant workers // World Bank Group. «Living Paper» Version 10. June 19. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/428451587390154689/pdf/Potential-Responses-to-the-COVID-19-Outbreak-in-Support-of-Migrant-Workers-May-26-2020.pdf>. (дата обращения: 10.09.2020).
30. *Lau L.S., Samari G., Moresky R.T. et al.* COVID-19 in humanitarian settings and lessons learned from past epidemics // *Nature Medicine*. 2020. № 26. P. 647—648. <https://doi.org/10.1038/s41591-020-0851-2>.
31. *Kathiravelu L., Heller A.* Transnational mobilities of COVID discourse: The question of return// COMPAS Coronavirus and Mobility Forum. URL: www.compas.ox.ac.uk/2020/transnational-mobilities-of-covid-discourse-the-question-of-return/ (дата обращения: 10.09.2020).
32. *Хасанова Р.Р., Малева Т.М., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.* Проактивная демографическая политика: 10 лет спустя // Эффекты, инструменты, новые цели: научные доклады (19/1). М., 2019.
33. *Олимова С.* Работа становится совсем неэффективной // *Российская миграция*. 2009. № 5-6 (36—37).
34. *Миграция и демографический кризис в России / под ред. Ж.А. Зайончковской, Е.В. Тюрюкановой.* М., 2010.
35. *Tilly C.* The impact of the economic crisis on international migration: a review // *Work, Employment and Society*. 2011. Vol. 25, № 4. P. 675—692. <https://doi.org/10.1177/0950017011421799>.
36. *Kuypsch C.* The Economic Crisis and Labour Migration Policy in European Countries // *Comparative Population Studies*. 2012. Vol. 37, № 1—2.
37. *Lafleur J.M., Stanek M.* EU Migration and the Economic Crisis: Concepts and Issues // *South-North Migration of EU Citizens in Times of Crisis*. Springer, 2017.
38. *Кузнецова О.В.* Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // *Федерализм*. 2020. № 2. С. 20—38. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-2-20-38>.
39. *Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г.* Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х годов // *Региональные исследования*. 2020. № 2. С. 4—17. doi: 10.5922/1994-5280-2020-2-1.
40. *Гимпельсон В., Капелюшников Р.* «Ковидизация» российского рынка труда // Эконс: аналитический портал. URL: <https://econs.online/articles/opinions/kovidizatsiya-rossiyskogo-rynka-truda/> (дата обращения: 11.09.2020).
41. *Hodgson G.* Migration and the Platform Economy. Policy Brief. Vienna, 2020.
42. *Мау В.* Шок спроса и шок предложения // *Ведомости: электронное периодическое издание*. 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/03/31/826664-shok-sprosa> (дата обращения: 07.07.2020).
43. *Молодикова И.Н.* Противодействие незаконной миграции и торговле людьми в странах СНГ. Пражский процесс. Вена, 2020. URL: <https://www.pragueprocess.eu/ru/migration-observatory/publications/document?id=251> (дата обращения: 05.10.2020).
44. *Ивахнюк И.В.* Предложения по миграционной стратегии России до 2035 г. Миграционная стратегия России, М., 2017. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/predlozheniya-k-migratsionnoy-strategii-rossii-do-2035-goda/> (дата обращения 05.10.2020)
45. *Варшавер Е.А.* Иностранцы трудовые мигранты в России в условиях пандемии и экономического кризиса // *Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития*. 2020. № 11 (113). С. 135—140. URL: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2020-11-1020.pdf> (дата обращения: 09.07.2020).
46. *Варшавер Е.А.* Положение иностранных трудовых мигрантов в России во время пандемии коронавируса // *Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития*. 2020. № 11 (113). С. 4—11. URL: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2020-11-1020.pdf> (дата обращения: 11.08.2020).

Об авторах

Сергей Васильевич Рязанцев, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики, МГИМО МИД, Россия.

E-mail: riazan@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5306-8875>

Ирина Николаевна Молодикова, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия.

E-mail: molodikova@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8926-9679>

Алексей Дмитриевич Брагин, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия.

E-mail: alexbragin562@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4065-3546>

THE EFFECT OF COVID-19 ON LABOUR MIGRATION IN THE CIS

S. V. Ryazantsev¹

I. N. Molodikova²

A. D. Bragin²

¹ MGIMO University
76 Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia

² Institute for Demographic Research Federal Centre for Theoretical
and Applied Sociology Russian Academy of Sciences
6 Fotievoy St. Moscow, 119333, Russia

Received 12 October 2020

doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-2

© Ryazantsev, S. V., Molodikova, I. N.
Bragin, A. D., 2020

This study responds to the need for measures to mitigate the effects of national actions to slow the spread of COVID-19. National responses are dynamic processes and thus an elusive, albeit important, object of study. The governments of most CIS countries acted promptly and decisively in countering the pandemic. The comprehensive measures have had a serious impact on citizens' mobility and employment situation. Among the affected are millions of migrants working in the CIS. This article offers a comparative analysis, followed by synthesis, of the negative effects of the COVID-19 pandemic as seen through the prism of employment and the situation of migrant workers in the CIS. Another focus is the restriction and support measures and how they have affected migrants. A range of qualitative and quantitative data was collated

on the situation of migrant workers during COVID-19 restriction in the Russian Federation and across the CIS. The findings suggest that the lack of international coordination in tackling COVID-19 has complicated the situation of migrant workers, who suffer from the closure of borders and the absence of adequate social support. The article explores problems faced by migrant workers in the current crisis and proposes measures to alleviate them.

Keywords:

COVID-19, pandemic, CIS, migration flows, migrant workers, migrant crisis, remittances

References

1. Ryazantsev, S.V., Bragin, A.D., Ryazantsev, N.S. 2020, Situation of labor migrants in the regions of the world: challenges of the COVID-19 pandemic and the response of governments, *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo* [Scientific Review. Series 1. Economics and Law], no. 3, p. 7—21. doi: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-01> (in Russ).
2. Ryazantsev, S.V., Khorie, N. 2011, *Modelirovanie potokov trudovoi migratsii iz stran Tsentral'noi Azii v Rossiiu: ekonomiko-sotsiologicheskoe issledovanie* [Modeling labor migration flows from Central Asian countries to Russia: economic and sociological research], Moscow, 189 p. (in Russ.).
3. Wagner, V. 2020, Migration and Mobility in Eastern Europe and Central Asia: What to Expect in the Time of COVID-19? Information note. May 27, 2020. International Center for Migration Policy Development (ICMPD), *Secretariat of the Prague Process at ICMPD*, available at: <https://www.pragueprocess.eu/ru/news-events/news/385-migratsiya-i-mobil-nost-v-vostochnoj-evrope-i-tsentral-noj-azii-chego-ozhidat-vo-vremena-covid-19> (accessed 12.08.2020) (in Russ).
4. Ryazantsev, S.V., Vazirov, Z.K., Khramova, M.N., Smirnov, A.V. 2020, The impact of the COVID-19 Pandemic on the Position of Labor Migrants from Central Asia in Russia. Central Asia and the Caucasus, *Journal of Social and Political Studies*, vol. 21, no. 3, p. 58—70. doi: <https://doi.org/10.37178/ca-c.20.3.06>.
5. Ryazantsev, S.V., Vazirov, Z.K., Garibova, F.M. 2020, «Stranded on the borders» between Russia and the homeland: migrants from Central Asia countries during the COVID-19 pandemic, *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo* [Scientific Review. Series 1. Economics and Law], no. 3, p. 45—58. doi: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-04> (in Russ.).
6. Pletneva, Yu.E., Ochirova, G.N. 2020, The impact of the COVID-19 pandemic on the status of foreign students in Russia, *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo* [Scientific Review. Series 1. Economics and Law], no. 3, p. 147—155. doi: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-13> (in Russ.).
7. Ledeneva, V.Yu., Bezverbnaya, N.A. 2020, Forming the image of a migrant in the media and social networks against the background of the COVID-19 epidemic (Based on the results of content analysis of online publications), *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo* [Scientific Review. Series 1. Economics and Law], no. 3, p. 95—105. doi: <https://doi.org/110.26653/2076-4650-2020-3-08> (in Russ.).
8. Sivoplyasova, S.Yu. 2020, Female labor migration in condition of pandemic COVID-19, *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo* [Scientific Review. Series 1. Economics and Law], no. 3, p. 106—113. doi: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-09> (in Russ.).
9. Varshaver, E., Ivanova, N., Rocheva, A. 2020, *Polozhenie migrantov v Rossii vo vremya pandemii koronavirusa (COVID-19)* [The situation of migrants in Russia during the coronavirus (COVID-19) pandemic], survey results, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, July, 2020, Moscow, available at: http://mer-center.ru/_ld/1/169_06-07-2020-vars.pdf (accessed 07.08.2020) (in Russ.).

10. Zubarevich, N. 2020, Regional risks of a new crisis for employment and regional budgets. In: Gurevich, V.S., Kolesnikov, A.V. et al. (eds.) *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of social and economic development], no. 7 (109), April 2020, p. 3–13, Moscow, Institute for Economic Policy named after E.T. Gaidar (Gaidar Institute), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), available at <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2020-7-1011.pdf> (accessed 22.07.2020) (in Russ.).
11. Florinskaya, Yu. 2020, Labor Migration to the Russian Federation at the stage of border closure. In: Gurevich, V.S., Kolesnikov, A.V. In: Gurevich, V.S., Kolesnikov, A.V. et al. (eds.) *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of social and economic development], no. 7 (109), April 2020, p. 3–13, Moscow, Institute for Economic Policy named after E.T. Gaidar (Gaidar Institute), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), available at <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2020-7-1011.pdf> (accessed 22.07.2020) (in Russ.).
12. Larionova, M., Shelepov, A., Vasilkovsky, S., Ignatov, A., Kolmar, O., Popova, I., Sakharov, A. 2020, Monitoring the actions of key international institutions to counter COVID-19 and its consequences. In: Gurevich, V.S., Kolesnikov, A.V. et al. (eds.) *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of social and economic development], no. 7 (109), April 2020, p. 3–13, Moscow, Institute for Economic Policy named after E.T. Gaidar (Gaidar Institute), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), available at <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2020-7-1011.pdf> (accessed 03.08.2020) (in Russ.).
13. Denisenko, M., Mukomel, V. 2020, Labor migration during the coronavirus crisis Es KONS: *Ekonomicheskii razgovor* [ECONS: Economic conversation], 29.07.2020, available at: <https://econs.online/articles/ekonomika/trudovaya-migratsiya-vo-vremya-koronakrizisa/> (accessed 01.09.2020) (in Russ.).
14. Czaika, M., Haas de, H. 2014, The globalization of migration: Has the world become more migratory? *International Migration Review*, vol. 48, no. 2, p. 283–323. doi: <https://doi.org/10.1111/imre.12095>.
15. Castles, S., Haas de, H., Miller, M. J. 2013, The Age of Migration: In: *International Population Movements in the Modern World*, 5th Ed., Basingstoke, Palgrave Macmillan.
16. Massey, D.S. 2009, The political economy of migration in an era of globalization. In: Martínez, S. *International Migration and Human Rights: The Global Repercussions of US Policy*, vol. 11, University of California Press, Berkeley, p. 23–43.
17. İcduygu, A. 2000, The Politics of International Migratory Regimes: Transit Migration Flows in Turkey, *International Social Science Journal*, vol. 52, no. 165, p. 357–367. doi: <https://doi.org/10.1111/1468-2451.00265>.
18. Düvell, F. 2006, Irregular migration: A global, historical and economic perspective. In: Düvell, F. *Irregular Migration in Europe, Beyond Control*, Palgrave Macmillan, London, p. 14–39.
19. Sahin-Mencutek, Z. 2012, Immigration Control in Transit States: The Case of Turkey, *European Journal of Economic and Political Studies*, vol. 5, no. 1, p. 137–165.
20. Triandafyllidou, A., Maroukis, T. 2012, Migrant Smuggling. In: *Irregular Migration from Asia and Africa to Europe*, Palgrave Macmillan, London.
21. Lara-Valencia, F., Agulló, J., García-Pérez, H.; Oliveras, X., Trillo, J.M. 2020, *COVID-19 and cross-border mobility*, Arizona State University, Transborder Policy Lab, Tempe, Arizona.
22. Haas de, H., Natter, K. Vezzoli, S. 2016, Growing restrictiveness or changing selection? The nature and evolution of migration policies, *International Migration Review*, vol. 50, no. 3, p. 1–44.

23. Collyer, M., Düvell, F., Haas de, H. 2012, Critical Approaches to Transit Migration, *Population, Space and Place*, vol. 18, no. 4, p. 407—414.
24. Spencer, S. 2011, *The Migration Debate*. University of Bristol, The Policy Press.
25. Triandafyllidou, A. 2018, Introduction. In: Elgar, E. *Handbook on Migration and Globalization*, Cheltenham, UK.
26. Homer-Dixon, T.F. 1994, Environment Scarcities and Violence Conflict, *International Security*, vol. 19, no. 1, Summer, 1994, The MIT Press, p. 5—40. doi: <https://doi.org/10.2307/2539147>.
27. Cohen, J.H. 2020, Editorial: Modeling Migration, Insecurity and COVID-19, *Migration Letters*, vol. 17, no. 3, p. 405—409. doi: <https://doi.org/10.33182/ml.v17i3.986>
28. İçduygu, A. 2020, Stranded irregular migrant workers during the COVID19- crisis: The question of repatriation in COVID19- and the transformation of migration and mobility globally. In: *Migration snapshot*, August 2020.
29. Moroz, H., Shrestha, M., Testaverde, M. 2020, Potential responses to the COVID-19 outbreak in support of migrant workers, *World Bank Group*. “Living Paper”, Version 10, June 19, available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/428451587390154689/pdf/Potential-Responses-to-the-COVID-19-Outbreak-in-Support-of-Migrant-Workers-May-26-2020.pdf>. (accessed 10.09.2020).
30. Lau, L.S., Samari, G., Moresky, R.T., Casey, S.E., Kachur, S.P., Roberts, L.F., Zard, M. 2020, COVID-19 in humanitarian settings and lessons learned from past epidemics, *Nature Medicine*, no. 26, p. 647—648. doi: <https://doi.org/10.1038/s41591-020-0851-2>.
31. Kathiravelu, L., Heller, A. 2020, Transnational mobilities of COVID discourse: In: *The question of return*. COMPAS Coronavirus and Mobility Forum, 13 May, Oxford University, available at: www.compas.ox.ac.uk/2020/transnational-mobilities-of-covid-discourse-the-question-of-return/ (accessed 10.09.2020).
32. Khasanova, R.R., Maleva, T.M., Mkrtchyan, N.V., Florinskaya, Yu.F. 2019, *Proaktivnaya demograficheskaya politika: 10 let spustya. Effekty, instrumenty, novye tseli* [Proactive Demographic Policy: 10 Years Later. Effects, tools, new targets], Moscow, 57 p. (in Russ.).
33. Olimova, S. Work becomes completely ineffective 2009, *Rossiiskaya migratsiya* [Russian migration], no. 5-6 (36—37). Aug.—Sept., p. 36 (in Russ.).
34. Zayonchkovskaya, Zh.A., Tyuryukanovaya, E.V. (eds.) 2010, *Migratsiya i demograficheskii krizis v Rossii* [Migration and demographic crisis in Russia], Moscow (in Russ.).
35. Tilly, C. 2011, The impact of the economic crisis on international migration: a review, *Work, Employment and Society*, vol. 25, no. 4, p. 675—692. doi: <https://doi.org/10.1177/0950017011421799>.
36. Kuptsch, C. 2012, The Economic Crisis and Labour Migration Policy in European Countries, *Comparative Population Studies*, vol. 37, no. 1—2.
37. Lafleur, J.M., Stanek, M. 2017, EU Migration and the Economic Crisis: Concepts and Issues. In: *South-North Migration of EU Citizens in Times of Crisis*.
38. Kuznetsova, O.V. 2020, Vulnerability of Regional Economies’ Structure in Crisis Conditions, *Federalism*, no. 2, p. 20—38. doi: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-2-20-38> (in Russ.).
39. Zubarevich, N.V., Safronov, S.G. 2020, Regions of Russia in the acute phase of the COVID crisis: differences from previous economic crises of the 2000s, *Regionalnye issledovaniya* [Regional studies], no. 2, p. 4—17. doi: <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-2-1> (in Russ.).
40. Gimpelson, V., Kapelyushnikov, R. 2020, “Covidization” of the Russian labor market, *Econs*, available at: <https://econs.online/articles/opinions/kovidizatsiya-rossiyskogo-rynka-truda/> (accessed 11.09.2020) (in Russ.).
41. Hodgson, G. 2020, *Migration and the Platform Economy*, Policy Brief, Vienna, Prague Process Secretariat.

42. Mau, V. 2020, Demand Shock and Supply Shock, *Vedomosti*, available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/03/31/826664-shok-sprosa> (accessed 07.07.2020) (in Russ.).

43. Molodikova, I.N. 2020, Countering illegal migration and human trafficking in the CIS countries, *Prazhskii protsess* [Prague process], Vienna, International Center for Migration Policy Development (ICMPD), 29 September 2020, available at: <https://www.pragueprocess.eu/ru/migration-observatory/publications/document?id=251> (accessed 05.10.2020) (in Russ.).

44. Ivakhnyuk, I.V. 2017, *Predlozheniya po migratsionnoi strategii Rossii do 2035 g. Migratsionnaya strategiya Rossii* [Proposals for the Migration Strategy of Russia until 2035 Migration Strategy of Russia], Moscow, Center for Strategic Research. 25 September 2017, available at: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/predlozheniya-k-migratsionnoy-strategii-rossii-do-2035-goda/> (accessed 05.10.2020) (in Russ.).

45. Varshaver, E.A. 2020, Foreign labor migrants in Russia amid a pandemic and economic crisis. In: Gurevich, V.S. and Kolesnikov, A.V. (eds.) *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of social and economic development], Moscow, Institute for Economic Policy named after E.T. Gaidar (Gaidar Institute), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), no. 11 (113), May 2020, p. 135–140, available at: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2020-11-1020.pdf> (accessed 09.07.2020) (in Russ.).

46. Varshaver, E.A. 2020, The situation of foreign labor migrants in Russia during the coronavirus In: Gurevich, V.S. and Kolesnikov, A.V. (eds.) *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of social and economic development], Moscow, Institute for Economic Policy named after E.T. Gaidar (Gaidar Institute), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), no. 20 (122), July 2020, p. 4–11, available at: <https://www.iep.ru/files/RePEc/gai/monreo/monreo-2020-11-1020.pdf> (accessed 11.08.2020) (in Russ.).

The authors

Prof. Sergey V. Ryazantsev, Head of the Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO University, Russia.

E-mail: riazan@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5306-8875>

Dr Irina N. Molodikova, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Centre for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: molodikova@hotmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8926-9679>

Alexey D. Bragin, Junior Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Centre for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: alexbragin562@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4065-3546>

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ОРГАНИЗАЦИЮ РАБОЧЕГО И ЛИЧНОГО ВРЕМЕНИ ЛАТВИЙЦАМИ

З. Кришьяне
Э. Апсите-Берина
М. Берзиньш
Т. Скадинс
Г. Бургманис

Латвийский университет,
LV 1586, Латвия, Рига, бул. Райниса, 19

Поступила в редакцию 30.10.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-3

© Кришьяне З., Апсите-Берина Э., Берзиньш М.,
Скадинс Т., Бургманис Г., 2020

В статье рассматриваются особенности организации рабочего и личного времени в Латвии в режиме чрезвычайной ситуации. Во время пандемии COVID-19 многие правительства останавливали экономическую деятельность в своих странах. Введенные ограничения могли не только замедлить распространение вируса, но и нанести значительный ущерб благосостоянию населения. В контексте пандемии COVID-19 будет рассмотрено влияние социально-демографических факторов на модели поведения, установки, занятость и организацию рабочего и личного времени латвийцами; дана хронологическая картина пандемии на уровне страны; описан характер трудовой миграции в Латвию и из нее до начала эпидемии; показано географическое распределение подтвержденных случаев COVID-19. Кроме того, опасность COVID-19 будет проанализирована на глобальном и национальном уровнях, а также на уровне отдельных домохозяйств. В заключение формы занятости и организация рабочего и личного времени будут рассмотрены в разрезе географических зон и возрастных групп.

Ключевые слова:

пандемия COVID-19, организация рабочего и личного времени, Латвия, тип занятости, восприятие угроз

Введение

По всему миру непростые времена пандемии COVID-19 изменили общество и привычный жизненный уклад. Многие правительства останавливали экономическую деятельность в своих странах. Введенные ограничения могли не только замедлить распространение вируса, но и нанести значительный ущерб благосостоянию населения на разных географических уровнях. Возникла необходимость оценки особенностей и масштаба влияния социально-демографических факторов на пространственные модели поведения, установки и изменения в системе занятости. В Латвии заболевание распространялось географически неравномерно среди разных возрастных групп населения. Пандемия COVID-19 обернулась серьезными проблемами в области здравоохранения, социальной сфере и экономике. Многие из них непосредственно связаны с демографической структурой населения.

Для цитирования: Кришьяне З., Апсите-Берина Э., Берзиньш М., Скадинс Т., Бургманис Г. Влияние пандемии COVID-19 на организацию рабочего и личного времени латвийцами // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 4. С. 39–60. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-3.

У пожилых людей слабая иммунная система, поэтому они в большей степени подвержены хроническим и вирусным заболеваниям (таким как SARS-CoV-2) [1]. Тяжесть протекания пандемии COVID-19 зависит не только от эффективности национальной системы здравоохранения и вводимых ограничений, но и от возрастной структуры, региональных особенностей и социального поведения [2]. Демографы связывают широкое распространение случаев COVID-19 с городскими территориями, население которых имеет тесные социальные связи [3]. Согласно предварительным данным половозрастная структура населения и социально-экономический статус оказывают значительное влияние на подверженность заболеванию COVID-19 и смертность от него [2; 4]. Территориальные различия должны учитываться и при оценке воздействия демографических факторов на модели поведения и социально-экономические последствия пандемии COVID-19. Кроме того, демографические данные — ключ к анализу взаимодействий между разными возрастными группами, в свою очередь, проливающие свет на пути распространения вируса. Внимания заслуживают и сведения о совместном проживании и возрастных составах домохозяйств. Ограничения на передвижение и закрытие границ изменили характер миграции. Анализ возрастной структуры населения, в частности вклада наиболее уязвимых групп, позволяет прогнозировать динамику эпидемии, бремя острых заболеваний и потребность в медицинской и иной помощи [5]. Модели совместного проживания и возрастная структура домохозяйств играют здесь важную роль [6]. В ходе «коронакризиса» стало очевидным влияние экономического неравенства на распространение опасных заболеваний и сопротивляемость им среди разных групп. Исследования британских авторов показывают, что кризис вызвал рост «бедности социальных связей» (relational poverty), а также ситуационной бедности. Усилилось неравенство, основанное на признаках класса, гендера, расы и трудоспособности [7; 8]. Был опубликован ряд исследований психического здоровья индивидов и семей в период эпидемиологических ограничений. В них рассматривается непосредственное влияние пандемии на психическое здоровье и качество жизни в глобальном масштабе [9—14]. В последних публикациях предлагаются перспективные методики исследования и содержатся релевантные эмпирические данные. Тем не менее полученные результаты не являются исчерпывающими и зачастую противоречат друг другу. При этом культурное воздействие научных выводов может быть значительным.

Несколько публикаций помещают благосостояние домохозяйств в более широкий контекст [15]. Другие изучают последствия COVID-19 для раздельно проживающих семей [16], рост домашнего насилия во время пандемии и сокращение соответствующих мер поддержки [17]. Также делаются выводы об изменении полового поведения молодежи [18] и о склонности пар заводить детей в период пандемии [19].

По всему миру пандемия оказала влияние не только на психологическое состояние и социальные связи индивидов, но и на характер труда и образования. В последние годы проблема новых форм трудоустройства, в том числе основанных на применении ИКТ [20], широко обсуждается в Европе и Латвии.

Согласно недавним исследованиям во время пандемии 37% европейцев перешли на удаленную работу. «Коронакризис» обнаружил значительный и до последнего времени скрытый потенциал гибкой организации труда. Имеющиеся данные связывают удаленную работу с нарушениями сна и травмами, вызванными недостаточной эргономичностью домашнего рабочего места. Также на выполнение привычных заданий требуется больше времени, что объясняется тем, что дети тоже вынуждены оставаться дома [21]. В то же время нет четкой связи между наличием детей школьного возраста и переходом на удаленную работу. Доля сотрудников, не имеющих детей школьного возраста, среди временно работающих удаленно лишь незначительно превышает долю родителей школьников. Подтверждается предположение о том, что переход на удаленную работу зависел в большей степени от выполняемых задач и возможности такого перехода, чем от семейных обстоятельств сотрудников¹. Вы-

¹ *Living, working and COVID-19* // Eurofound. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2020/living-working-and-covid-19> (дата обращения: 16.10.2020).

званный пандемией кризис проявил и ранее существовавшие в Латвии возрастные, гендерные, социально-экономические и географические различия [22; 23]. В нескольких недавних исследованиях подчеркивается необходимость оптимальной организации рабочего и личного времени, а также несоответствие условий удаленной работы ожиданиям² [24; 25].

Цель данной статьи — рассмотреть изменения в организации рабочего и личного времени латвийцами во время кризиса, вызванного COVID-19.

Чтобы оценить влияние эпидемии на организацию рабочего и личного времени латвийцами, необходимо ответить на следующие вопросы:

1. Как хронологически развивалась ситуация с COVID-19 в Латвии?

2. Каков спектр личных отношений к угрозе в стране?

3. В какой степени эпидемия повлияла на организацию рабочего и личного времени и режимы занятости в начале 2020 года?

Статья состоит из трех разделов. Наряду с текущим состоянием дел описывается используемая методология. В разделе «Результаты», во-первых, рассматривается хронология кризиса, вызванного COVID-19, во-вторых, определяются особенности миграционной ситуации в Латвии, в-третьих, картируется распространение подтвержденных случаев COVID-19. В-четвертых, угроза COVID-19 оценивается на глобальном, национальном, региональном уровнях, а также на уровне домохозяйств. В-пятых, соотношение удаленного и традиционного режимов занятости анализируются в разных возрастных группах и регионах.

Данные и методы

В исследовании используется сочетание нескольких методов. Анализируется официальная статистика по подтвержденным случаям COVID-19, и их географическому распространению, а также применяются данные опроса, проведенного в середине 2020 года. В описании динамики подтвержденных случаев исследование опирается на официальные данные национального уровня — решения правительства³ и информацию, предоставляемую Латвийским центром профилактики и контроля заболеваемости (Slimību profilakses un kontroles centrs, ЦПКЗ). Эти данные публикуются Латвийским порталом открытых данных⁴.

В статье используются уникальные данные проведенного авторами опроса. В нем участвовало 1473 респондента. Исследование проходило в два этапа. На первом с 29 мая по 30 июня 2020 года 459 респондентов были опрошены сотрудниками факультета географии и наук о Земле университета Латвии. На втором этапе с 3 по 13 июля 2020 года 1014 респондентов приняли участие в опросе агентства маркетинговых и социологических исследований *Latvijas fakti*. В обоих случаях задавались одинаковые вопросы и применялась схожая методика (онлайн-опрос), респонденты опрашивались по всей стране.

Выборка была стратифицирована по полу и возрасту на региональном, городском и сельском уровнях. При анализе данных, полученных в ходе онлайн-опроса, учитывался тот факт, что не все респонденты пользуются Интернетом.

Важная часть анкеты касалась поведения, установок и изменений в характере трудоустройства. Полученные ответы могут быть использованы для изучения воздействия «коронакризиса» на мобильность и возможности удаленной работы. Достоинство точных данных о месте проживания респондентов обеспечивает применимость результатов опроса к теме данного исследования.

Часть вопросов касалась восприятия угрозы, а также карантинных мер, основных вызовов, стоящих перед населением и того, как карантин отразился на их достатке, бытовых и социальных контактах. Ответы респондентов позволили рассмотреть некоторые дополнительные аспекты.

² *Living, working and COVID-19* // Eurofound. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2020/living-working-and-covid-19> (дата обращения: 16.10.2020).

³ *COVID-19. Rikojums par ārkārtējās situācijas izsludināšanu Epidemioloģiskās drošības pasākumi Covid-19 infekcijas izplatības ierobežošanai* // Cabinet of Ministers. URL: <https://mk.gov.lv/lv/content/COVID-19> (дата обращения: 16.10.2020).

⁴ *COVID-19 apstiprināto gadījumu skaits un 14 dienu kumulatīvā saslimstība pa administratīvajām teritorijām* // Data.gov.lv. URL: <https://data.gov.lv/dati/lv/dataset/COVID-19-pa-adm-terit> (дата обращения: 16.10.2020).

При анализе полученных данных применялись методы описательной статистики. Критерии хи-квадрата и Краскела — Уоллиса использовались для оценки различий между группами. В таблице 1 показаны описательные характеристики выборки. Респонденты были разделены на группы по географическому признаку, а также социально-демографическим и социально-экономическим параметрам.

Таблица 1

Описательная характеристика выборки, %

Переменная	Городские территории	Сельские территории	Рига	Другие населенные пункты	Итого
<i>Пол</i>					
Мужчины	51,4	42,3	53,5	46,7	48,9
Женщины	48,6	57,7	46,5	53,5	51,1
<i>Возрастная группа</i>					
18 – 34	35,1	24,5	41,6	27,6	32,2
35 – 54	41,9	51,1	38,1	47,5	44,4
55 – 64	23,0	24,4	20,3	24,9	23,4
<i>Уровень образования</i>					
Максимум начальное	1,1	3,5	0,6	2,3	1,8
Среднее	11,7	11,0	9,8	12,3	11,5
Среднее профессионально	14,9	14,9	11,9	16,4	14,9
Высшее	72,3	70,6	77,7	68,9	71,8
<i>Статус занятости</i>					
Трудоустроенные	78,7	77,0	81,3	76,8	78,3
Безработные	6,5	5,6	6,4	6,1	6,2
Пенсионеры	3,8	6,7	3,1	5,3	4,6
Неработающие студенты и школьники	3,1	1,3	1,8	3,0	2,6
Иное	6,5	8,6	6,8	7,3	7,1
Отказ от ответа	1,4	0,8	0,6	1,5	1,2
<i>Изменение уровня доходов во время эпидемии COVID-19</i>					
Значительное снижение	8,9	9,4	10,5	8,3	9,0
Незначительное снижение	21,0	18,8	19,7	20,8	20,4
Без изменений	62,5	62,1	63,5	61,7	62,4
Незначительное увеличение	5,7	7,4	4,9	6,7	6,1
Значительное увеличение	1,2	1,3	1,0	1,4	1,2
Отказ от ответа	0,7	1,0	0,4	1,0	0,8
<i>Тип домохозяйства</i>					
Проживающие в одиночестве	19,1	12,9	18,9	16,8	17,4
Проживающие совместно	80,9	87,1	81,1	83,2	82,6

Источник: проведенный авторами опрос «Модели поведения и установки во время пандемии COVID-19 в Латвии», 2020 год, N = 1473.

За пределами Риги большую часть респондентов составили женщины. Во всех регионах, кроме Риги, самой многочисленной была возрастная группа «35—54». В столице самую большую группу респондентов составила молодежь, хоть и с незначительным перевесом. Разделения по другим признакам не имели четко выраженных географических различий. Большинство респондентов во всех регионах имело высшее образование и было трудоустроено. В том, что касается изменения доходов, наблюдалась некоторое разнообразие. Несмотря на то, что доходы респондентов в большинстве случаев не изменились, почти каждый пятый отметил умеренное их снижение.

Наконец, большинство респондентов проживало совместно с другими людьми. В сельской местности доля проживающих отдельно была еще ниже, чем в городах. Географический аспект учитывался при анализе полученных ответов. Сравнивались результаты, полученные в Риге и за ее пределами, а также ответы респондентов из разных возрастных групп.

Распространение COVID-19 в Латвии: хронология

Чрезвычайная ситуация была объявлена 12 марта 2020 г., чтобы предотвратить дальнейшее распространение вируса⁵ (табл. 2). Изначально предполагалось, что режим продлится до 7 апреля. Одновременно с объявлением ЧС был принят ряд мер. Например, все учебные заведения перевели на дистанционное обучение. Наряду с требованием соблюдения дистанции в два метра было запрещено собираться больше чем вдвоем как внутри помещений, так и на улице. Исключения предусматривались для совместно проживающих родителей и их детей, а также в случаях проведения работ и оказания услуг, требующих присутствия большего количества человек.

Таблица 2

Хронология основных события эпидемии COVID-19

Дата	Событие / решение
12.03.2020	Объявлен режим чрезвычайной ситуации
17.03.2020	Приостановка международных пассажирских перевозок — воздушных, водных, автобусных и железнодорожных
25.03.2020	Правительство Латвии вводит дополнительные ограничительные меры
26.03.2020	Правительством одобрены критерии для введения налоговых каникул и получения компенсаций
29.03.2020	Соблюдение дистанции становится обязательным
02.04.2020	Расширен круг лиц, имеющих право на получение компенсаций и налоговые каникулы
07.04.2020	Чрезвычайная ситуация продлевается до 12 мая
23.04.2020	Минимальный размер пособия, выплачиваемого временно оставшимся без работы, устанавливается на уровне 180 евро
30.04.2020	В связи с режимом ЧС изменяются правила сдачи выпускных экзаменов
06.05.2020	Открытие внутренних границ Балтийских стран и снятие ограничений на перемещение пассажиров назначено на 15 июня
07.05.2020	Начиная с 12 мая разрешены культурные мероприятия с небольшим числом участников (при соблюдении санитарно-эпидемиологических и иных норм)
14.05.2020	С 15 мая планируется возобновить международные пассажирские перевозки между Балтийскими странами
21.05.2020	С 1 июня разрешено проведение очных занятий, спортивных и культурных мероприятий
09.06.2020	Режим чрезвычайной ситуации отменен; при этом многие ограничения остаются в силе
10.07.2020	С 11 июля некоторые ограничительные меры введены заново
16.07.2020	Все прибывающие в Латвию регистрируются в обязательном порядке

Источник: составлено авторами на основе правительственных данных.

⁵ COVID-19. Rīkojums par ārkārtējās situācijas izsludināšanu Epidemioloģiskās drošības pasākumi Covid-19 infekcijas izplatības ierobežošanai // Cabinet of Ministers. URL: <https://mk.gov.lv/lv/content/COVID-19> (дата обращения: 16.10.2020).

Двенадцатого марта было объявлено, что начиная с 17 марта в качестве дополнительной профилактической меры будет прекращено международное пассажирское сообщение — воздушное, морское, автобусное и железнодорожное.

Целый пакет мер был принят 25 марта. По выходным и государственным праздникам запрещалась работа большинства торговых точек (за исключением продуктовых магазинов, аптек, строительных магазинов). Временно пришлось закрыться спортивным центрам и учреждениям дополнительного образования. В нескольких больницах прекратилось оказание плановой помощи. Двадцать шестого марта правительство определило правила получения компенсаций, связанных с вынужденным прекращением деятельности, а также действия налоговых каникул. Компенсации полагались работодателям, не нанимавшим новых сотрудников во время простоя.

С 29 марта и до снятия режима чрезвычайной ситуации были запрещены любые частные мероприятия, кроме похорон под открытым небом, проходящих с соблюдением санитарно-эпидемиологических правил. Культурные, развлекательные, спортивные и другие рекреационные организации могли работать только с 8.00 до 20.00. При этом из спортивных учреждений не были закрыты только расположенные на открытом воздухе.

Седьмого апреля режим чрезвычайной ситуации был продлен до 15 мая. Гражданам ЕС и лицам, имеющим разрешение на постоянное проживание на территории Евросоюза, было разрешено пересечение сухопутной латвийской границы через определенные пункты пропуска для возвращения в страну проживания.

С 12 мая были разрешены публичные мероприятия на открытом воздухе. Число участников не должно было превышать 25, продолжительность проводимых в помещениях мероприятий ограничивалось тремя часами.

С 1 июня были сняты некоторые ограничения в отношении образовательных, спортивных и культурных организаций. Разрешалась очная сдача выпускных и вступительных экзаменов в учреждениях начального, среднего и высшего образования. Также возобновлялись очные занятия на курсах повышения квалификации и дополнительного образования. Профессиональные спортсмены возобновили тренировки при соблюдении дистанции в два метра.

Чрезвычайное положение было отменено в Латвии 9 июня. Требование соблюдения дистанции в два метра было снято для спортивных мероприятий, занятий танцами и актерским мастерством. Аудитория проводимых в помещении культурных событий не должна была превышать 100 чел., а проходящих на открытом воздухе — 300.

С 11 июля были введены новые ограничительные меры. В заведениях общепита за одним столом могло собираться не более четырех человек в помещении и восьми на летней террасе. Исключение делалось только для гостей, проживающих совместно.

С 17 июля заполнение въездной анкеты стало обязательным не только для приехавших в Латвию иностранцев, но и для возвращающихся домой граждан страны. Таким образом, была обеспечена регистрация всех пребывающих из-за рубежа.

С 17 июля было разрешено одновременное нахождение до 1000 чел. в помещении и до 3000 — на открытом воздухе.

По данным Службы государственных доходов (*Valsts ieņēmumu dienests*), во время приостановки экономической деятельности с 12 марта до 30 июня 2020 года были выплачены 133 462 компенсации общим объемом 53,6 млн евро; 55 179 физических лиц, включая 2388 самозанятых, получили компенсации как минимум единой суммой⁶.

⁶ *Dikstāves pabalstu periodā teju 55 tūkstošiem cilvēku VID izmaksājis dikstāves pabalstus vairāk nekā 53 miljonu eiro apmērā // VID. URL: <https://www.vid.gov.lv/lv/dikstaves-pabalstu-perioda-teju-55-tukstosiem-cilveku-vid-izmaksajis-dikstaves-pabalstus-vairak-0> (дата обращения: 16.10.2020).*

В период осуществления выплат, связанных с вынужденным прекращением деятельности, среди работодателей, сотрудники которых получили компенсации, организации сферы розничной и оптовой торговли, а также ремонта автомобилей и мотоциклов составили 20%; гостиницы и рестораны — 13,9%; предприятия обрабатывающей промышленности — 9,5%; центры оказания экспертных и научно-технических услуг — 9,5%. Чаще всего компенсации получали работники торговли и гостиничной и ресторанной отраслей.

Когда режим чрезвычайной ситуации был снят, доля работающих удаленно снизилась. В июне 2020 года 15,5% сотрудников в возрасте 15—74 лет (117 100 чел.) работали удаленно, что на 2,7% (18 800 чел.) меньше, чем в мае; 70% женщин и 30% мужчин трудились дома. В июне каждый пятый сотрудник (20,9%) имел возможность не посещать место работы⁷.

Первый случай COVID-19 был зарегистрирован в Латвии 2 марта⁸. В дальнейшем число заболевших росло. Пик первой фазы был достигнут 1 апреля, когда в стране за день было зафиксировано 48 новых случаев. После этого началось снижение, число заболевших не превышало 27 чел. в день. Ситуация оставалась относительно стабильной, 5 мая и 1 июня не было ни одного нового случая. На рисунке 1 показана динамика подтвержденных случаев⁹.

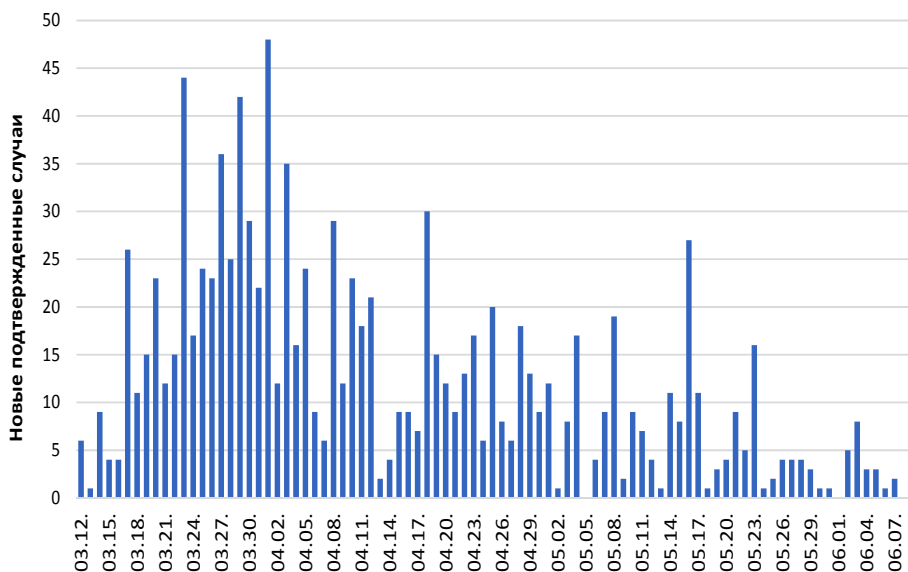

Рис. 1. Новые подтвержденные случаи во время действия режима чрезвычайной ситуации с 12 марта по 6 сентября 2020 года

Источник: составлено авторами на основе данных ЦПКЗ¹⁰.

⁷ Attālināti nodarbināto darbinieku skaits // CSB. URL: <https://www.csb.gov.lv/lv/statistika/COVID19/attalinati-nodarbinato-darbinieku-skaits> (дата обращения: 16.10.2020).

⁸ Latvijā apstiprināts pirmais koronavīrusa «COVID-19» gadījums // LSM.lv. URL: <https://www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/latvija-apstiprinats-pirmais-koronavirusa-COVID-19-gadijums.a349768/> (дата обращения: 16.10.2020).

⁹ Latvijā apstiprināts pirmais koronavīrusa «COVID-19» gadījums // LSM.lv. URL: <https://www.lsm.lv/raksts/zinas/latvija/latvija-apstiprinats-pirmais-koronavirusa-COVID-19-gadijums.a349768/> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁰ COVID-19 izmeklējumi, apstiprinātie gadījumi un iznākumi // The Latvian Open data portal. URL: <https://data.gov.lv/dati/lv/dataset/covid-19> (дата обращения: 16.10.2020).

Международная трудовая миграция в Латвию и из Латвии

В целом иммиграция в Латвию растет, а доля эмигрантов постепенно снижается. В большинстве случаев латвийцы иммигрируют в Великобританию, Германию, Ирландию, Норвегию и Нидерланды. В исследованиях географических аспектов трудовой миграции отмечается центр-периферийная дифференциация рынков труда, которая влияет на воспринимаемую привлекательность рабочих мест в Латвии и за ее пределами¹¹. В особенности это относится к молодежи [22].

Около 46% иммигрирующих в Латвию — это возвращающиеся мигранты. У кого-то из них есть латвийское гражданство, у кого-то нет. Согласно официальной статистике на начало 2020 года население Латвии составляло 1 млн 908 тыс. чел., 10,4% из которых — неграждане. Последнюю группу составляют преимущественно русскоязычные постоянные жители страны [26]. В последние годы обратная миграция росла. При этом возвращающиеся предпочитают селиться в Риге, других крупных городах и соседних муниципалитетах¹². Изменения в трудовом поведении и организации рабочего и личного времени в столичном регионе заслуживают особого внимания, так как внутренняя миграция оказывает значительное влияние на латвийский рынок труда.

Во время кризиса, вызванного пандемией COVID-19, в публичном дискурсе звучали призывы к стимулированию обратной миграции. Соответствующие инициативы стали приоритетом национальной и региональной политики¹³. После первой вспышки новой болезни и прекращения международного пассажирского сообщения 17 марта оставалось несколько возможностей вернуться на родину. По данным латвийского Министерства иностранных дел, около 5000 чел. вернулись в Латвию специальными рейсами, после чего им пришлось соблюдать самоизоляцию в течение десяти дней¹⁴. Среди прилетевших были не только туристы и те, кто находился за пределами страны в командировке, но и возвратившиеся мигранты. Эпидемия вернула домой тех, кто и ранее рассматривал такой шаг. Многим казалось, что в Латвии последствия эпидемии будут менее суровыми, чем в более густонаселенных областях.

Около 54% иммигрантов — это трудовые мигранты и иностранные студенты. Из-за принятых в 2019 году изменений в миграционное законодательство выросло число граждан третьих стран, работающих в Латвии по долгосрочной визе. Общее число легально трудоустроенных иностранцев выросло с 2500 чел. в 2012 году до 15 363 в 2019-м. Данная ситуация говорит о недостатке кадров в стране и привлекательности Латвии для трудовых мигрантов из Беларуси, Украины, России, Узбекистана и Индии. По данным последнего доклада о миграционной ситуации в Латвии и предоставлении убежища, число граждан третьих стран, работающих в стране на основании визы или временного вида на жительство, выросло на 63% за 2019 год. Большинство из них трудоустроено в 1) транспортной сфере, включая трубопроводный транспорт; 2) гражданском строительстве; 3) ИТ-отрасли; 4) строительстве специальных объектов. Вакансий поваров, строителей и водителей грузовиков становится все больше [27]. Во время режима чрезвычайной

¹¹ *Population migration databases // CSB.* URL: http://data1.csb.gov.lv/pxweb/en/iedz/iedz_migr/?tablelist=true (дата обращения: 16.10.2020).

¹² *Ibid.*

¹³ *COVID-19 pandēmijas laikā arvien vairāk cilvēku vēlas atgriezties uz dzīvi Latvijā // NRA.* URL: <https://nra.lv/latvija/328632-COVID-19-pandemijas-laika-arvien-vairak-cilveku-velas-atgrie-zties-uz-dzivi-latvija.htm> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁴ *Information for travellers to Latvia on the provisions for preventing the spread of COVID-19 // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia.* URL: <https://www.mfa.gov.lv/en/consular-information/news/66019-emergency-situation-in-latvia-to-restrict-the-spread-of-COVID-19> (дата обращения: 16.10.2020).

ситуации и приостановки пассажирского сообщения Латвийская железная дорога (*Latvijas Dzelzceļš*) пустила поезда по маршруту Киев — Рига — Киев. Этой возможностью воспользовались в том числе 500 трудовых мигрантов¹⁵.

География COVID-19 в Латвии

Первые муниципальные данные о заболеваемости появились 22 марта¹⁶. При этом, если количество подтвержденных случаев не превышало пять, в статистику включалось не точное число, а запись «1—5». На тот момент зарегистрированных случаев по стране было 139. В 28 из 119 муниципалитетов был подтвержден как минимум один случай. В Риге заболеваемость была гораздо выше, чем где-либо еще по стране. В 26 муниципалитетах число заболевших варьировалось от одного до пяти (рис. 2).

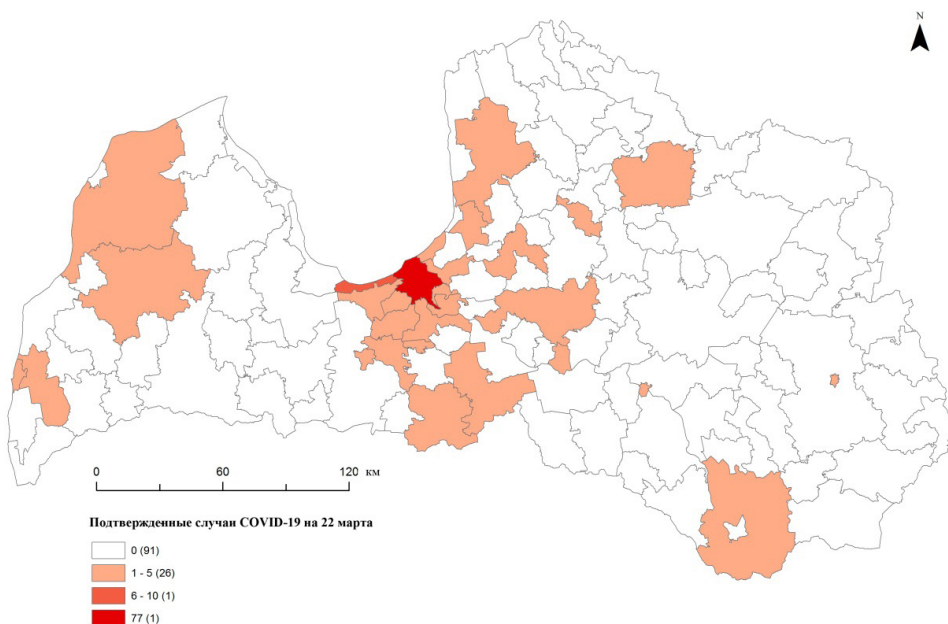

Рис. 2. Распространение подтвержденных случаев COVID-19 в Латвии на 22 марта 2020 года

Источник: составлено авторами на основе данных ЦПКЗ¹⁷.

Седьмого апреля, когда было принято решение о продлении режима чрезвычайного положения до 15 мая, уже в 55 муниципалитетах был хотя бы один заболевший. Больше всего случаев было по-прежнему в Риге — 295. Число заболевших росло в муниципалитетах Центральной Латвии и некоторых городах за ее пределами и достигло 577 чел.

¹⁵ “*Latvijas dzelzceļa*” un Ukrainas dzelzceļa repatriācijas reisu izmantojuši vairāk nekā pustūkstošis iedzīvotāju // Ministry of Transport. URL: <https://www.sam.gov.lv/lv/jaunums/latvijas-dzelzcela-un-ukrainas-dzelzcela-repatriācijas-reisu-izmantojusi-vairak-neka-pustukstotis-iedzivotaju> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁶ Aktualitātes par COVID-19 // SPKC. URL: <https://www.spkc.gov.lv/lv/aktualitates-par-COVID-19> (дата обращения: 16.10.2020).

¹⁷ COVID-19 apstiprināto gadījumu skaits un 14 dienu kumulatīvā saslimstība pa administratīvajām teritorijām // The Latvian Open data portal. URL: <https://data.gov.lv/dati/lv/dataset/covid-19-pa-adm-terit> (дата обращения: 16.10.2020).

Седьмого мая, когда правительство объявило об отмене части ограничительных мер, начиная с 12 мая как минимум один случай был подтвержден в 72 муниципалитетах. Был преодолен психологический барьер в 500 случаев. Самая высокая заболеваемость все еще наблюдалась в Центральной Латвии и в некоторых городах за ее пределами. Количество случаев росло в части северных муниципалитетов (рис. 3). Общее число заболевших достигло 909.

В день, когда был отменен режим чрезвычайной ситуации, — 9 июня — хотя бы один случай был подтвержден в почти 70% латвийских муниципалитетах (79). Снова наибольшее число заболевших было в Риге, но и там новых случаев становилось все меньше. В центральной части страны наметился рост числа заболевших. То же происходило и в нескольких муниципалитетах за ее пределами. Общее число случаев увеличилось до 1089.

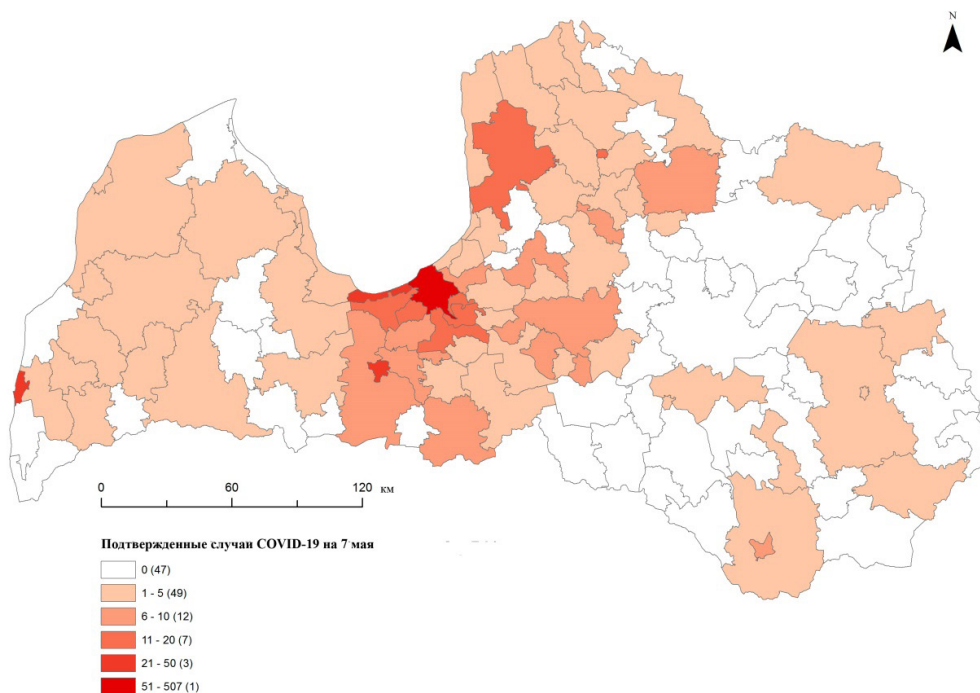

Рис. 3. Распространение подтвержденных случаев COVID-19 в Латвии на 7 мая 2020 года

Источник: составлено авторами на основе данных ЦПКЗ¹⁸.

Восприятие угроз, связанных с COVID-19

Оценивая степень угрозы на разных уровнях, респонденты чаще всего связывали наибольшие риски с ситуацией в глобальном масштабе. На национальном уровне угроза воспринималась как менее серьезная. Иные ответы были получены в Риге. Столичные жители отмечали, что в их городе угроза COVID-19 больше, чем где-либо в Латвии. При этом жители других населенных пунктов воспринимали угрозу на муниципальном уровне как менее значительную. За пределами Риги угрозу лично себе и своей семье респонденты оценивали ниже, чем опрошенные в столице (табл. 3).

¹⁸ COVID-19 apstiprināto gadījumu skaits un 14 dienu kumulatīvā saslimstība pa administratīvajām teritorijām // The Latvian Open data portal. URL: <https://data.gov.lv/dati/lv/dataset/covid-19-pa-adm-terit> (дата обращения: 16.10.2020).

Таблица 3

**Восприятие угроз, связанных с COVID-19
(1 (слабая угроза) — 4 (очень большая угроза))**

Место проживания	Основной показатель	Мир	Латвия	Муниципалитет	Семья	Респондент
Рига	Среднее	2,99	1,94	2,02	1,6	1,59
	N (выборка)	467	482	471	476	473
	Среднеквадр. отклонение	0,873	0,783	0,807	0,735	0,763
Другой населенный пункт	Среднее	2,9	1,99	1,61	1,5	1,54
	N (выборка)	939	956	938	954	951
	Среднеквадр. отклонение	0,837	0,772	0,707	0,689	0,735
Всего	Среднее	2,93	1,97	1,75	1,54	1,56
	N (выборка)	1406	1438	1409	1430	1425
	Среднеквадр. отклонение	0,85	0,776	0,766	0,706	0,745
	Критерий Краскела — Уоллиса	5,728*	2,010	100,122**	9,812**	3,621

Источник: проведенный авторами опрос «Модели поведения и установки во время пандемии COVID-19 в Латвии», 2020 год, N = 1473.

Примечание: статистически достоверно при *p < 0,05; **p < 0,01.

Сравнение воздействия COVID-19 на разные стороны жизни показывает, что больше всего изменилась трудовая деятельность респондентов (табл. 4). Здесь различия наблюдались не только по линии «Рига — другие населенные пункты», но и между возрастными группами. Жизнь респондентов 18—34 и 35—54 лет изменилась в большей степени, чем опрошенных старших возрастов (55—64 лет). При этом разные группы имеют схожие ценности и жизненные установки. Рижане отмечали, что пандемия изменила соотношение рабочего и личного времени. Их оценки значительно отличаются от мнений, высказанных жителями нестолических территорий. Значимы различия между более молодыми (18—34) и более пожилыми (55—64) респондентами.

Во время действия режима чрезвычайной ситуации 55,5% опрошенных рижан работали удаленно. За пределами столицы эта доля составила 41,4%. Между возрастными группами наблюдались значимые различия. Респонденты 35—54 лет чаще переходили на удаленный режим работы, чем опрошенные 54—64 лет.

О временном закрытии организации-работодателя во время приостановки экономической деятельности рассказали 12,2% опрошенных (табл. 5).

Таблица 4

**Влияние COVID-19 на разные стороны жизни респондентов
(1 (слабое влияние) — 4 (очень сильное влияние))**

Влияние COVID-19	Основной показатель	Место проживания			Возрастная группа			
		Рига	Другие населенные пункты	Критерий Краскелла—Уоллиса	18—34	35—54	55—64	Критерий Краскелла—Уоллиса
Соотношение рабочего и личного времени	Среднее	2,66	2,53	6,983*	2,65	2,62	2,38	14,093**
	N (выборка)	471	953		455	639	330	
	Среднеквадр. отклонение	0,999	0,995		1,027	0,984	0,963	
Ценности и жизненные установки	Среднее	2,44	2,46	0,000	2,45	2,46	2,46	0,794
	N (выборка)	474	956		456	637	337	
	Среднеквадр. отклонение	0,938	0,940		0,957	0,935	0,924	
Режим работы	Среднее	2,79	2,64	5,724*	2,78	2,78	2,40	27,329**
	N (выборка)	476	949		458	636	332	
	Среднеквадр. отклонение	1,072	1,120		1,102	1,078	1,120	

Источник: опрос «Модели поведения и установки во время пандемии COVID-19 в Латвии», 2020 год, N = 1473.

Примечание: статистически достоверно при *p < 0,05; **p < 0,01.

Чаще об этом говорили опрошенные из самой молодой возрастной группы (13,9%) и живущие за пределами Риги (12,4%). В случае молодых опрошенных причины такого положения дел могут быть теми же, что обуславливают предпочтения в режиме работы. Высокая же доля переведенных на удаленную работу за пределами Риги может объясняться как невозможностью физически добраться до рабочего места в столице, так и наличием стабильного доступа в Интернет.

Таблица 5

**Временное закрытие организации-работодателя
по месту проживания и возрастной группе, число / %**

Режим работы	Место проживания		Возрастная группа		
	Рига	Другие населенные пункты	18—34	35—54	55—64
Временное закрылись	58 / 11,9	122/12,4	66/13,9	78/11,9	36/10,5
Не закрывались	430 / 88,1	863/87,6	409/86,1	576/88,1	308/89,5

Источник: проведенный авторами опрос «Модели поведения и установки во время пандемии COVID-19 в Латвии», 2020, N = 1473.

Проблемы организации рабочего и личного времени

По данным опроса сотрудников латвийских организаций, проведенного Центральным статистическим бюро¹⁹, в апреле немногим более 22% работающих латвийцев 15—74 лет осуществляли свою деятельность в удаленном режиме. Во время чрезвычайной ситуации число работающих удаленно увеличилось в восемь раз — с 19 до 148,4 тыс. чел. Женщины работали удаленно чаще, чем мужчины. Разница составила 27 процентных пунктов (63,5 и 36,5% соответственно). Самая высокая доля работающих удаленно (24,3%) в апреле наблюдалась в возрастной группе «25—34», а самая низкая (16,7%) — среди респондентов 55—64 лет. В некоторой степени этот результат объясняется уровнем цифровой грамотности и возрастной сегментацией профессий. Для продавцов, строителей, парикмахеров и ряда других профессий переход на удаленный режим был очевидно невозможен. При этом государственные и муниципальные учреждения (Рижская дума, Министерство финансов и другие), а также крупные частные компании (например, *Latvijas Mobilais Telefons*) поощряли переход на удаленную работу. Малые и средние предприятия в меньшей степени пользовались удаленными возможностями, вероятно, из-за недоверия сотрудникам.

Согласно результатам опроса самые значительные изменения эпидемия COVID-19 вызвала в том, что касается соотношения личного и рабочего. Живущие одни респонденты, неработающие студенты и пенсионеры отмечали недостаток общения. У респондентов с хроническими заболеваниями и пожилых опрошенных наблюдались нарушения сна и тревога, что может объясняться принадлежность к группе риска. В большинстве случаев чрезвычайная ситуация негативно сказалась на самочувствии населения. Она повлияла на модели поведения и общения как в семье, так и в обществе в целом. Определенное воздействие оказывало дистанцирование и соблюдение санитарно-эпидемиологических требований. Быт родителей школьников и дошкольников претерпел значительные изменения. Им приходилось не только выполнять свои рабочие обязанности, но и организовывать

¹⁹ *In April 2020, 22% of employees in Latvia worked remotely // CSB. URL: <https://www.csb.gov.lv/en/statistics/statistics-by-theme/social-conditions/unemployment/search-in-theme/2854-april-2020-22-employees-latvia> (дата обращения: 16.10.2020).*

дистанционное обучение детей. В одном домохозяйстве одновременно работало несколько подключенных к Интернету устройств. В некоторых семьях возникали технические проблемы. Детям требовалась постоянная помощь.

Респонденты называли удаленную работы адекватным режимом занятости в период пандемии. Рижане чаще других опрошенных (31,8%) называли предпочтительной полную удаленную занятость, 35,5% респондентов 18—34 лет такой режим работы казался желательным, в то время как 23,5% опрошенных из старшей возрастной группы предпочли полный день на рабочем месте (табл. 6).

Таблица 6

Предпочтительный режим работы во время первой фазы эпидемии COVID-19, март — июнь 2020 года, %

Тип занятости	Возрастная группа						Место проживания			
	18—34		35—54		55—64		Рига		Другое	
	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг	%
Полный день на рабочем месте	2	27,1	2	24,5	1	23,5	2	25,5	2	25,0
Частичная занятость на рабочем месте	3	8,0	3	11,9	5	9,6	4	9,0%	3	10,6
Полная удаленная занятость	1	35,5	1	27,1	2	20,6	1	31,8	1	26,6
Частичная удаленная занятость	4	7,6	5	8,7	4	9,9	3	9,9	5	8,0
Работа по контракту	5	5,9	4	10,9	3	12,2	5	8,0	4	10,4

Источник: проведенный авторами опрос «Модели поведения и установки во время пандемии COVID-19 в Латвии», 2020 год, N = 1473.

Все респонденты, кроме представителей старшей возрастной группы, говорили о том, что удаленная работа — оправданная мера во время пандемии, при этом 23,5% опрошенных 55—64 лет назвали желательной работу полный день на рабочем месте. Такое отношение может объясняться как тем, что более взрослые опрошенные не обладают нужными цифровыми навыками, так и тем, что их занятость не может быть переведена на удаленный режим. Наиболее распространенной удаленная работа оказалась среди самой молодой возрастной группы и рижан. Причиной может быть то, что работа первой из этих двух категории опрошенных довольно просто переносится в онлайн. Во втором случае положительное отношение к удаленной работе может объясняться большим числом случаев COVID-19 в столице и введением дополнительных мер многими работодателями.

Обсуждение результатов и заключение

Цель этой статьи — изучить воздействие пандемии COVID-19 на организацию рабочего и личного времени латвийцами. Официальная статистика по подтвержденным случаям заболевания, постановления правительства и данные опроса используются для описания ситуации в Латвии в первый период пандемии в начале 2020 года.

Полученные результаты подтверждают эффективность принятых в начале года мер. Случай Латвии считается одним из самых успешных в Европе²⁰. Исследование медицинской стороны эпидемии в странах Северной Европы подтверждает, что в Латвии наблюдался один из самых низких уровней смертности от COVID-19 [28].

Так же, как и в предыдущие годы, сальдо миграции в Латвии остается отрицательным²¹. В [29—31] дается более полный разбор миграционной ситуации в стране. Было показано, что важную роль в географии латвийского трудоустройства играет маятниковая миграция [32]. Исследовалась и социальная защита местной и иностранной рабочей силы [33]. Наиболее защищенными являются обладатели статуса постоянного жителя, в то время как не имеющие страховки и проживающие в Латвии по временным разрешениям имеют меньше социальных гарантий.

Что касается географии распространения вируса, наибольшее число случаев отмечено в Риге, при этом в других регионах заболеваемость была гораздо ниже. Похожая ситуация наблюдалась в Польше и Италии, где количество случаев разнилось от региона к региону, с наибольшей концентрацией в городах [34; 35].

В ходе исследования были обнаружены некоторые интересные особенности общественного восприятия пандемии COVID-19. Были определены, как обстоятельства макроуровня влияют на поведенческие модели и установки микроуровня [36; 37]. На индивидуальном уровне угроза оценивается как умеренная, при этом при переходе на уровень домохозяйства опасения усиливаются [38]. Также было показано, что существует географическая градация угрозы. Риски, связанные с пандемией, кажутся более серьезными на глобальном уровне. Тем не менее рижане оценивают угрозу на местном уровне выше, чем жители других территорий, что может объясняться большей плотностью населения. Предположительно, оптимистический уклон [39] и убеждение, что другие больше подвержены рискам [40], сохраняется, пока сам индивид не столкнется с диагнозом. Было показано [39], что преобладающей эмоцией во время пандемии является страх. Многие латвийцы были озабочены не только организацией рабочего и личного времени, но и новыми семейными проблемами и дистанционным обучением детей. Участились случаи родительского выгорания [41] и семейного насилия [17].

Согласно полученным данным латвийцы считают удаленную работу предпочтительной во время чрезвычайной ситуации. Такую точку зрения высказали 32% рижан, преимущественно из младшей возрастной группы. Предпочтения так же зависели от позиции работодателя и отрасли. Отдельным важным фактором является и забота о детях. В последние годы проблема новых форм трудоустройства, в том числе основанных на применении ИКТ [20], широко обсуждается в Европе и Латвии. Понятия «удаленная работа» и «самозанятость» стали общепринятыми в сфере защиты труда. Согласно недавним исследованиям 37% европейцев работали удаленно во время вызванного эпидемией кризиса. В Латвии на удаленную работу перешли около 40% сотрудников. Удовлетворенность таким режимом во много

²⁰ *First phase of COVID-19 response successful in Latvia* // LSM.lv. URL: <https://eng.lsm.lv/article/politics/politics/karins-first-phase-of-COVID-19-response-successful-in-latvia.a363059/> (дата обращения: 16.10.2020).

²¹ *Population migration databases* // CSB. URL: http://data1.csb.gov.lv/pxweb/en/iedz/iedz_migr/?tablelist=true (дата обращения: 16.10.2020).

определялась социально-демографическими характеристиками. «Коронакризис» обнаружил значительный и до последнего времени скрытый потенциал гибкой организации труда. Имеющиеся данные связывают удаленную работу с нарушениями сна и травмами, вызванными недостаточной эргономичностью домашнего рабочего места. Также на выполнение привычных заданий работающими удаленно требовалось больше времени, чем обычно. Это объясняется тем, что и дети были вынуждены оставаться дома [21].

Наконец, было обнаружено, что самой большой проблемой является организация личного и рабочего времени. Наиболее остро она встала перед родителями школьников и людьми, проживающими отдельно. Кроме того, значительным рискам оказались подвержены старшие группы населения.

Исследование выполнено при поддержке гранта 1.1.1.2/ВИАА/1/16/184 Европейского фонда регионального развития и проекта № VPP-IZM-2018/1-0015 Национальной исследовательской программы.

Список литературы

1. Dowd J.B., Andriano L., Brazel D.M. et al. Demographic science aids in understanding the spread and fatality rates of COVID-19 // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2020. Vol. 117, № 18. P. 9696—9698. <https://doi.org/10.1073/pnas.2004911117>.
2. Kashnitsky I., Aburto J.M. The pandemic threatens aged rural regions most // OSF Preprints. 2020. URL: <https://ideas.repec.org/p/osf/osfxxx/abx7s.html> (дата обращения: 08.09.2020).
3. Mogi R., Spijker J. The influence of social and economic ties to the spread of COVID-19 in Europe // SocArXiv. 2020. <https://doi.org/10.31235/osf.io/sb8xn>.
4. Raifman M.A., Raifman J.R. Disparities in the population at risk of severe illness from COVID-19 by race/ethnicity and income // American Journal of Preventive Medicine. 2020. Vol. 59, № 1. P. 137—139. <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2020.04.003>.
5. Verhagen M.D., Brazel D.M., Dowd J.B. et al. Mapping hospital demand: demographics, spatial variation, and the risk of “hospital deserts” during COVID-19 in England and Wales. OSF Preprints, 2020 doi: 10.31219/osf.io/g8s96.
6. Esteve A., Permanyer I., Boertien D., Vaupel J.W. National age and co-residence patterns shape COVID-19 vulnerability // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2020. Vol. 117, № 28. P. 16118—16120. <https://doi.org/10.1073/pnas.2008764117>.
7. Buheji M., Cunha K. The Extent of COVID-19 Pandemic Socio-Economic Impact on Global Poverty // A Global Integrative Multidisciplinary Review. 2020. Vol. 10, № 4. P. 213—224. <https://doi.org/10.5923/j.economics.20201004.02>.
8. Nassif-Pires L., de Lima Xavier L., Masterson T. et al. Pandemic of inequality (Economics public policy brief archive). N. Y., 2020.
9. Brooks S.K., Webster R.K., Smith L. et al. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence // The Lancet. 2020. № 10227 (395). P. 912—920. [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(20)30460-8).
10. Chan J.F.W., Yuan S., Kok K.H. et al. A familial cluster of pneumonia associated with the 2019 novel coronavirus indicating person-to-person transmission: A study of a family cluster // The Lancet. Vol. 395, № 10223. P. 514—523. [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(20)30460-8).
11. Pummerer L., Sassenberg K. Conspiracy Theories in Times of Crisis and their Societal Effects: Case “Corona”. PsyarXiv. URL: <https://psyarxiv.com/ye3ma/download/?format=pdf> (дата обращения 10.09.2020)
12. Šrol J., Mikušková E.B., Cavojoja V. When we are worried, what are we thinking? Anxiety, lack of control, and conspiracy beliefs amidst the COVID-19 pandemic // PsyarXiv. 2020. <https://doi.org/10.31234/osf.io/f9e6p>.
13. Swami V., Barron D. Analytic Thinking, Rejection of Coronavirus (COVID-19) Conspiracy Theories, and Compliance with Mandated Social-Distancing: Direct and Indirect Relationships in a Nationally Representative Sample of Adults in the United Kingdom. OSF Preprints, 2020. <https://doi.org/10.31219/osf.io/nmx9w>.

14. Zhang Y., Ma F.Z. Impact of the COVID-19 Pandemic on Mental Health and Quality of Life among Local Residents in Liaoning Province, China: A Cross-Sectional Study // *Int. J. Environ. Res. Public Health*. 2020. Vol. 17, № 7. P. 2381. <https://doi.org/10.3390/ijerph17072381>.
15. Prime H., Wade M., Browne D.T. Risk and resilience in family well-being during the COVID-19 pandemic // *American Psychologist*. 2020. Vol. 75, № 5. P. 631—643. <https://doi.org/10.1037/amp0000660>.
16. Smyth B., Moloney L., Brady J. et al. COVID-19 in Australia: Impacts on Separated Families // *Family Court Review*. 2020. Vol. 58, № 4. P. 1022—1039. <https://doi.org/10.1111/fcre.12533>.
17. Usher K., Bhullar N., Durkin J. et al. Family violence and COVID-19: Increased vulnerability and reduced options for support // *International Journal of Mental Health Nursing*. 2020. Vol. 29, № 4. P. 549—552. <http://dx.doi.org/10.1111/inm.12735>.
18. Li W., Li G., Xin C. et al. Challenges in the Practice of Sexual Medicine in the Time of COVID-19 in China // *The Journal of Sexual Medicine*. 2020. Vol. 17, № 7. P. 1225—1228. <https://doi.org/10.1016/j.jsxm.2020.04.380>.
19. Cito G., Micelli E., Cocci A. et al. Paternal Behaviors in the Era of COVID-19 // *The World Journal of Men's Health*. 2020. Vol. 38, № 3. P. 251—253. <https://doi.org/10.5534/wjmh.200071>.
20. Mandl I., Biletta I. Overview of new forms of employment — 2018 update. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2018. URL: <https://digitalcommons.ilr.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1649&context=intl> (дата обращения: 27.07. 2020).
21. Vargas-Llave O., Mandl I., Weber T., Wilkens M. Telework and ICT-based Mobile Work: Flexible Working in the Digital Age. Luxembourg, 2020. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef19032en.pdf (дата обращения: 27.07. 2020).
22. Krišjāne Z., Krūmiņš J. (eds.). Tautas ataudze Latvijā un sabiedrības atjaunošanas izaicinājumi (Population Reproduction and Challenges for Renewal of Society in Latvia). Rīga, 2019.
23. Apsīte-Beriņa E., Burgmanis G., Prusakova L. Regional Human Capital Disequilibria: The Case of Youth Migration in Latvia // *Folia Geographica*. 2020. № 1 (18). doi: 10.22364/fg.18.4.
24. Baert S., Lippens L., Moens E. et al. The COVID-19 Crisis and Telework: A Research Survey on Experiences, Expectations and Hopes // *IZA Discussion Paper*. 2020. № 13229. Institute of Labor Economics. URL: https://www.researchgate.net/publication/341272740_The_COVID-19_Crisis_and_Telework_A_Research_Survey_on_Experiences_Expectations_and_Hopes (дата обращения: 06.08. 2020).
25. Raišienė A.G., Rapuano V., Varkulevičiūtė K., Stachová K. Working from Home — Who is Happy? A Survey of Lithuania's Employees during the COVID-19 Quarantine Period // *Sustainability*. 2020. Vol. 13, № 13. P. 5332. <https://doi.org/10.3390/su12135332>.
26. Apsīte-Beriņa E., Burgmanis G., Krišjāne Z. Return Migration Trends in Latvia: Re-attracting the Main Human Resource for Sustainable Regional Development // *Proceedings of the 12th International Scientific and Practical Conference*. 2018. Vol. 1. P. 16. <https://doi.org/10.17770/etr2019vol1.4117>.
27. Silina-Osmāne I., Ieviņa I. Policy report on migration and asylum policy in Latvia reference year 2018. Rīga, 2019. URL: http://www.emn.lv/wp-content/uploads/ARM_2018_part2_LATVIA_Final_EN.pdf (дата обращения: 08.09.2020).
28. Piuhola J., Kerkelä R., Laine M. et al. Lower ST-elevation myocardial infarction incidence during COVID-19 epidemic in Northern Europe // *Scandinavian Cardiovascular Journal*. 2020. <https://doi.org/10.1080/14017431.2020.1820563>.
29. Kaša R., Mieriņa I. (eds.). The Emigrant Communities of Latvia. National Identity, Transnational Belonging, and Diaspora Politics. Springer, 2019. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-12092-4>.
30. Krišjāne Z., Apsīte-Beriņa E., Bērziņš M. Circularity within the EU: the return intentions of Latvian migrants // *Return Migration and Regional Development in Europe: Mobility Against the Stream*. L., 2016. P. 215—240. https://doi.org/10.1057/978-1-137-57509-8_10.
31. McCollum D., Apsīte-Beriņa E., Bērziņš M., Krišjāne Z. Overcoming the crisis: the changing profile and trajectories of Latvian migrants // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2017. Vol. 43, № 9. P. 1508—1525. <https://doi.org/10.1080/1369183x.2016.1232161>.
32. Krišjāne Z., Bērziņš M., Ivlevs A., Bauls A. Who are the typical commuters in the post-socialist metropolis? The case of Riga, Latvia // *Cities*. 2012. Vol. 29, № 5, P. 334—340.
33. Kamenska A., Tumule J. Migrants' Access to Social Protection in Latvia // *Migration and Social Protection in Europe and Beyond*. Vol. 1. Springer, 2020. P. 257—270. https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_17.

34. *Krzysztofik R., Kantor-Pietraga I., Spórna T.* Spatial and functional dimensions of the COVID-19 epidemic in Poland // *Eurasian Geography and Economics*. 2020. P. 1—14. <https://doi.org/10.1080/15387216.2020.1783337>.

35. *Ruiu M.L.* Mismanagement of COVID-19: lessons learned from Italy // *Journal of Risk Research*. 2020. <https://doi.org/10.1080/13669877.2020.1758755>.

36. *Hedström P., Swedberg R.* *Social Mechanisms: An Analytical Approach to Social Theory*. Cambridge, 1998.

37. *Kittel B., Kritzinger S., Boomgaarden H. et al.* The Austrian Corona Panel Project: monitoring individual and societal dynamics amidst the COVID-19 crisis // *European Political Science*. 2020. <https://doi.org/10.1057/s41304-020-00294-7>.

38. *Bodas M., Peleg K.* Self-Isolation Compliance In The COVID-19 Era Influenced By Compensation: Findings From A Recent Survey In Israel // *Health Affairs*. 2020. Vol. 39, № 6. P. 936—941. <https://doi.org/10.1377/hlthaff.2020.00382>.

39. *Van Bavel J.J., Baicker K., Boggio P.S. et al.* Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response // *Natural Human Behaviour*. 2020. Vol. 4, № 5. P. 460—471. doi: <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0884-z>.

40. *Sharot T.* The optimism bias // *Current Biology*. 2011. Vol. 21, № 23. P. 941—945. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2011.10.030>.

41. *Griffith A.K.* Parental burnout and child maltreatment during the COVID-19 pandemic // *Journal of Family Violence*. <https://doi.org/10.1007/s10896-020-00172-2>.

Об авторах

Зайга Кришьяне, профессор, факультет географии и наук о Земле, Латвийский университет, Латвия.

E-mail: zaiga.krissjane@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0002-3422-1958>

Элина Апсите-Берина, старший научный сотрудник, факультет географии и наук о Земле, Латвийский университет, Латвия.

E-mail: elina.apsite-berina@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0001-5537-5879>

Марис Берзиньш, доцент, факультет географии и наук о Земле, Латвийский университет, Латвия.

E-mail: maris.berzins@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0002-5773-3307>

Томс Скадинс, научный сотрудник, факультет географии и наук о Земле, Латвийский университет, Латвия.

E-mail: toms.skadins@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0002-6837-4426>

Гиртс Бургманис, исследователь, факультет географии и наук о Земле, Латвийский университет, Латвия.

E-mail: girts.burgmanis@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0001-5903-2283>

WORK-LIFE BALANCE DURING THE COVID-19 OUTBREAK: THE CASE OF LATVIA

Z. Krisjane
E. Apsite-Berina
M. Berzins
T. Skadins
Ģ. Burgmanis

The University of Latvia
19 Raiņa bulvāris, Rīga, LV-1586, Latvia

Received 10 October 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-3
© Krisjane, Z., Apsite-Berina, E., Berzins, M.,
Skadins, T., Burgmanis, Ģ., 2020

This paper aims to shed light on work-life balance in Latvia during the state of emergency. The COVID-19 outbreak has led many governments to introduce lockdowns. While imposed restrictions may help to contain the spread of the virus, they may also result in substantial damage to population well-being. The COVID-19 outbreak in Latvia demonstrates the extent and ways in which socio-demographics factors have determined different patterns of behaviour, attitudes, employment changes and harmonised work and life balance. The study describes the chronological development of COVID-19 in the country. It describes labour migration to and from Latvia before the COVID-19 outbreak. It provides geographical features of the distribution of confirmed COVID-19 cases. The extent of the COVID-19 threat at different levels is assessed focusing on the global, national, regional and intra-family level. Finally, work forms and work-life balance are analysed according to geography and age groups.

Keywords:

COVID-19 outbreak, work-life balance, Latvia, type of employment, perception of threats

References

1. Dowd, J.B., Andriano, L., Brazel, D.M., Rotondi, V., Block, P., Ding, X., Liu, Y., Mills, M.C. 2020, Demographic science aids in understanding the spread and fatality rates of COVID-19, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 117, no. 18, p. 9696–9698. doi: <https://doi.org/10.1073/pnas.2004911117>.
2. Kashnitsky, I., Aburto, J.M. 2020, The pandemic threatens aged rural regions most, *OSF Preprints*, preprint, available at: <https://ideas.repec.org/p/osf/osfxxx/abx7s.html> (accessed 08.09.2020).
3. Mogi, R., Spijker, J. 2020, The influence of social and economic ties to the spread of COVID-19 in Europe, *SocArXiv*, preprint. doi: <https://doi.org/10.31235/osf.io/sb8xn>.
4. Raifman, M.A., Raifman, J.R. 2020, Disparities in the population at risk of severe illness from COVID-19 by race/ethnicity and income, *American Journal of Preventive Medicine*, vol. 59, no. 1, p. 137–139. doi: <https://doi.org/10.1016/j.amepre.2020.04.003>.
5. Verhagen, M.D., Brazel, D.M., Dowd, J.B., Kashnitsky, I., Mills, M. 2020, Mapping hospital demand: demographics, spatial variation, and the risk of “hospital deserts” during COVID-19 in England and Wales, *OSF Preprints*, preprint. doi: [10.31219/osf.io/g8s96](https://doi.org/10.31219/osf.io/g8s96).

To cite this article: Krisjane, Z., Apsite-Berina, E., Berzins, M., Skadins, T., Burgmanis, Ģ. 2020, Work-life balance during the COVID-19 outbreak: the case of Latvia, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no. 4, p. 39–60. doi: [10.5922/2079-8555-2020-4-3](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-3).

6. Esteve, A., Permanyer, I., Boertien, D., Vaupel, J.W. 2020, National age and co-residence patterns shape COVID-19 vulnerability, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 117, no. 28, p. 16118—16120. doi: <https://doi.org/10.1073/pnas.2008764117>.
7. Buheji, M., Cunha, K. 2020, The Extent of COVID-19 Pandemic Socio-Economic Impact on Global Poverty, *A Global Integrative Multidisciplinary Review*, vol. 10, no. 4, p. 213—224. doi: <https://doi.org/10.5923/j.economics.20201004.02>.
8. Nassif-Pires, L., de Lima Xavier, L., Masterson, T., Nikiforos, M., Rios-Avila, F. 2020, *Pandemic of inequality (Economics public policy brief archive)*, New York, Levy Economics Institute.
9. Brooks, S.K., Webster, R.K., Smith, L., Woodland, L., Wessely, S., Greenberg, N., Rubin, G.J. 2020, The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence, *The Lancet*, no. 10227 (395), p. 912—920. doi: [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(20)30460-8).
10. Chan, J.F.W., Yuan, S., Kok, K.H., To, K.K.W., Chu, H., Yang, J., Xing, F., Liu, J., Yip, C.C.Y., Poon, R.W.S., Tsoi, H.W. 2020, A familial cluster of pneumonia associated with the 2019 novel coronavirus indicating person-to-person transmission: A study of a family cluster, *The Lancet*, vol. 395, no. 10223, p. 514—523. doi: [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(20)30460-8).
11. Pummerer, L., Sassenberg, K. 2020, Conspiracy Theories in Times of Crisis and their Societal Effects: Case “Corona”, *PsyarXiv*, preprint, available at: <https://psyarxiv.com/ye3ma/download/?format=pdf> (accessed 10.09. 2020).
12. Šrol, J., Mikušková, E.B., Cavojoja, V. 2020, When we are worried, what are we thinking? Anxiety, lack of control, and conspiracy beliefs amidst the COVID-19 pandemic, *PsyarXiv*, preprint, available at <https://psyarxiv.com/f9e6p/> (accessed 20.08. 2020). doi: [doi: 10.31234/osf.io/f9e6p](https://doi.org/10.31234/osf.io/f9e6p).
13. Swami, V., Barron, D. 2020, Analytic Thinking, Rejection of Coronavirus (COVID-19) Conspiracy Theories, and Compliance with Mandated Social-Distancing: Direct and Indirect Relationships in a Nationally Representative Sample of Adults in the United Kingdom, *OSF Preprints*, available at: <https://osf.io/nmx9w/> (accessed 17.08. 2020). doi: [10.31219/osf.io/nmx9w](https://doi.org/10.31219/osf.io/nmx9w).
14. Zhang, Y., Ma, F.Z. 2020, Impact of the COVID-19 Pandemic on Mental Health and Quality of Life among Local Residents in Liaoning Province, China: A Cross-Sectional Study, *Int. J. Environ. Res. Public Health*, vol. 17, no. 7, p. 2381. doi: <https://doi.org/10.3390/ijerph17072381>.
15. Prime, H., Wade, M., Browne, D.T. 2020, Risk and resilience in family well-being during the COVID-19 pandemic, *American Psychologist*, vol. 75, no. 5, p. 631—643. doi: <https://doi.org/10.1037/amp0000660>.
16. Smyth, B., Moloney, L., Brady, J., Harman, J.J., Esler, M. 2020, COVID-19 and Separated Families, *Family Court Review*, preprint. doi: [10.1111/fcre.12533](https://doi.org/10.1111/fcre.12533).
17. Usher, K., Bhullar, N., Durkin, J., Gyamfi, N., Jackson, D. 2020, Family violence and COVID-19: Increased vulnerability and reduced options for support, *International Journal of Mental Health Nursing*, vol. 29, no. 4, p. 549—552. doi: <http://dx.doi.org/10.1111/inm.12735>.
18. Li, W., Li, G., Xin, C., Wang, Y., Yang, S. 2020, Challenges in the Practice of Sexual Medicine in the Time of COVID-19 in China, *The Journal of Sexual Medicine*, vol.17, no. 7, p. 1225—1228. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jsxm.2020.04.380>.
19. Cito, G., Micelli, E., Cocci, A., Polloni, G., Coccia, M.E., Carini, M., Minervini, A., Natali, A. 2020, Paternal Behaviors in the Era of COVID-19, *The World Journal of Men's Health*, vol. 38, no. 3, p. 251—253. doi: <https://doi.org/10.5534/wjmh.200071>.
20. Mandl, I., Biletta, I. 2018, *Overview of new forms of employment — 2018 update*, Luxembourg, Publications Office of the European Union, available at: <https://digitalcommons.ilr.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1649&context=intl> (accessed 27.07. 2020).
21. Vargas-Llave, O., Mandl, I., Weber, T., Wilkens, M. 2020, *Telework and ICT-based Mobile Work: Flexible Working in the Digital Age*, Luxembourg, Publications Office of the European Union, available at: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef19032en.pdf (accessed 27.07. 2020).
22. Krišjāne, Z., Krūmiņš, J. (eds.) 2019, *Tautas ataudze Latvijā un sabiedrības atjaunošanas izaicinājumi* [Population Reproduction and Challenges for Renewal of Society in Latvia], Riga, LU Akadēmiskais apgāds (In Latv.).

23. Apsīte-Beriņa, E., Burgmanis, Ģ., Prusakova, L. 2020, Regional Human Capital Disequilibria: The Case of Youth Migration in Latvia, *Folia Geographica*, in print, no. 1 (18). https://www.geo.lu.lv/fileadmin/user_upload/LU.LV/Apaksvietnes/Fakultates/www.gzzf.lu.lv/Folia_Geographica/FG_raksti_2020/4-Apsite-Berina_et_al_pp.28-35_.pdf (дата обращения 10.10. 2020)
24. Baert, S., Lippens, L., Moens, E., Sterkens, P., Weytjens, J. 2020, The COVID-19 Crisis and Telework: A Research Survey on Experiences, Expectations and Hopes, *IZA Discussion Paper*, no. 13229, Institute of Labor Economics, available at: https://www.researchgate.net/publication/341272740_The_COVID-19_Crisis_and_Telework_A_Research_Survey_on_Experiences_Expectations_and_Hopes (accessed 06.08. 2020).
25. Raišienė, A.G., Rapuano, V., Varkulevičiūtė, K., Stachová, K. 2020, Working from Home — Who is Happy? A Survey of Lithuania's Employees during the COVID-19 Quarantine Period, *Sustainability*, vol. 13, no. 13, p. 5332. doi: <https://doi.org/10.3390/su12135332>.
26. Apsīte-Beriņa, E., Burgmanis, Ģ., Krišjāne, Z. 2018, Return Migration Trends in Latvia: Re-attracting the Main Human Resource for Sustainable Regional Development, *Proceedings of the 12th International Scientific and Practical Conference*, vol. 1, p. 16. doi: <https://doi.org/10.17770/etr2019vol1.4117>.
27. Silina-Osmane, I., Ieviņa, I. 2019, *Policy report on migration and asylum policy in Latvia reference year 2018*, Rīga, PMLP, available at: http://www.emn.lv/wp-content/uploads/ARM_2018_part2_LATVIA_Final_EN.pdf (accessed 08.09. 2020).
28. Piuholu, J., Kerkelä, R., Laine, M., Andersen, G.Ø., Ērglis, A., Kumsārs, I., Thuesen, L., Sinisalo, J., Niemelä, M., Junttila, M.J. 2020, Lower ST-elevation myocardial infarction incidence during COVID-19 epidemic in Northern Europe, *Scandinavian Cardiovascular Journal*. doi: <https://doi.org/10.1080/14017431.2020.1820563>.
29. Kaša, R., Mieriņa, I. (eds.) 2019, *The Emigrant Communities of Latvia: National Identity, Transnational Belonging, and Diaspora Politics*, Cham, Springer. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-12092-4>.
30. Krišjāne, Z., Apsīte-Beriņa, E., Bērziņš, M. 2016, Circularity within the EU: the return intentions of Latvian migrants. In: *Return Migration and Regional Development in Europe: Mobility Against the Stream*, London, Palgrave Macmillan UK. p. 215—240. doi: https://doi.org/10.1057/978-1-137-57509-8_10.
31. McCollum, D., Apsīte-Beriņa E., Bērziņš M., Krišjāne Z. 2017, Overcoming the crisis: the changing profile and trajectories of Latvian migrants, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 43, no. 9, p. 1508—1525. doi: <https://doi.org/10.1080/1369183x.2016.1232161>.
32. Krišjāne, Z., Bērziņš, M., Ivlevs, A., Bauls, A. 2012, Who are the typical commuters in the post-socialist metropolis? The case of Riga, Latvia, *Cities*, vol. 29, no. 5, p. 334—340.
33. Kamenska, A., Tumule, J. 2020, Migrants' Access to Social Protection in Latvia, *Migration and Social Protection in Europe and Beyond*, vol.1, Cham, Springer, p. 257—270. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-030-51241-5_17.
34. Krzysztofik, R., Kantor-Pietraga, I., Spórna, T. 2020, Spatial and functional dimensions of the COVID-19 epidemic in Poland, *Eurasian Geography and Economics*, p. 1—14. doi: <https://doi.org/10.1080/15387216.2020.1783337>.
35. Ruiu, M.L. 2020, Mismanagement of COVID-19: lessons learned from Italy, *Journal of Risk Research*. doi: <https://doi.org/10.1080/13669877.2020.1758755>.
36. Hedström, P., Swedberg, R. 1998, *Social Mechanisms: An Analytical Approach to Social Theory*, Cambridge, Cambridge University Press.
37. Kittel, B., Kritzinger, S., Boomgaarden, H., Prainsack, B., Eberl, J.M., Kalleitner, F., Lebernegg, N.S., Partheymüller, J., Plescia, C., Schiestl, D.W., Schlogl, L. 2020, The Austrian Corona Panel Project: monitoring individual and societal dynamics amidst the COVID-19 crisis, *European Political Science*. doi: <https://doi.org/10.1057/s41304-020-00294-7>.
38. Bodas, M., Peleg, K. 2020, Self-Isolation Compliance In The COVID-19 Era Influenced By Compensation: Findings From A Recent Survey In Israel: Public attitudes toward the COVID-19 outbreak and self-isolation: a cross sectional study of the adult population of Israel, *Health Affairs*, vol. 39, no. 6, p. 936—941. doi: <https://doi.org/10.1377/hlthaff.2020.00382>.

39. Van Bavel, J.J., Baicker, K., Boggio, P.S., Capraro, V., Cichocka, A., Cikara, M., Crockett, M.J., Crum, A.J., Douglas, K.M., Druckman, J.N. Drury, J. 2020, Using social and behavioural science to support COVID-19 pandemic response, *Natural Human Behaviour*, vol. 4, no. 5, p. 460—471. doi: <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0884-z>.

40. Sharot, T. 2011, The optimism bias, *Current Biology*, Vol. 21, no. 23, p. 941—945. doi: <https://doi.org/10.1016/j.cub.2011.10.030>.

41. Griffith, A.K. 2020, Parental burnout and child maltreatment during the COVID-19 pandemic, *Journal of Family Violence*. doi: <https://doi.org/10.1007/s10896-020-00172-2>.

The authors

Prof. Zaiga Krisjane, Faculty of Geography and Earth Sciences, University of Latvia, Latvia.

E-mail: zaiga.krissjane@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0002-3422-1958>

Dr Elina Apsite Berina, Senior Researcher, Faculty of Geography and Earth Sciences, University of Latvia, Latvia.

E-mail: elina.apsite-berina@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0001-5537-5879>

Dr Maris Berzins, Associate Professor, Faculty of Geography and Earth Sciences, University of Latvia, Latvia.

E-mail: maris.berzins@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0002-5773-3307>

Toms Skadins, Research Assistant, Faculty of Geography and Earth Sciences, University of Latvia, Latvia.

E-mail: toms.skadins@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0002-6837-4426>

Dr Girts Burgmanis, Researcher, Faculty of Geography and Earth Sciences, University of Latvia, Latvia.

E-mail: girts.burgmanis@lu.lv

<https://orcid.org/0000-0001-5903-2283>

РЫНОК ТРУДА ЭКСКЛАВНОЙ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

**Л. Л. Емельянова,
А. В. Лялина**

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 26.10.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-4
© Емельянова Л. Л., Лялина А. В., 2020

Пандемия коронавируса COVID-19, охватившая весь мир, стала серьезным вызовом для функционирования российского рынка труда. Цель исследования — изучить последствия пандемии в эксклавном регионе России — Калининградской области — и ответить на вопрос, как территориальная обособленность рынка труда, его небольшие объемы в условиях кризиса локдауна реагируют на столь резкие изменения занятости, доходов населения и снижение потребления; в какой степени обычно насыщенный трудовыми мигрантами рынок труда справляется со стремительно возникшим дисбалансом спроса и предложения. Проведенный мониторинг официальных статистических данных регионального правительства и подведомственных ему учреждений показал, что рынок труда российского эксклава на Балтике достаточно жестко отреагировал на изменения, вызванные остановкой работы предприятий и организаций в первую очередь в самых уязвимых секторах экономики: промышленность, гостиничная индустрия, предприятия общественного питания, туризм, деятельность по операциям с недвижимым имуществом, транспортировка и хранение. Выросла безработица, и ее значения выше, чем среднероссийские, растет задолженность по зарплате, количество вакансий снижается. Сохранение на прежнем уровне привлекаемой из-за рубежа и других регионов страны рабочей силы может ухудшить ситуацию. Принимаемые региональными властями антикризисные меры показывают свою эффективность, но в условиях обособленности рынка труда, на наш взгляд, являются недостаточными.

Ключевые слова:

кризис локдауна, COVID-19, пандемия, миграция, рынок труда, безработица, трудовые мигранты, Калининградская область, Россия

Введение

Опубликованный в апреле 2020 г. доклад Международного валютного фонда (МВФ) под названием «Великий локдаун»¹ дает ряд определений кризису, который наступил в результате распространения коронавирусной инфекции по всему миру. Эксперты МВФ отмечают его непохожесть ни на какой другой кризис, неопределенность

¹ World Economic Outlook: The great lockdown. Washington: International Monetary Fund, 2020. 158 p.

Для цитирования: Емельянова Л. Л., Лялина А. В. Рынок труда эксклавной Калининградской области в условиях пандемии COVID-19 // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 4. С. 61–82.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-4.

относительно продолжительности и интенсивности, сложность в выработке предложений стимулирования экономической активности и выявления роли экономической политики. По мнению экспертов, выход из кризиса потребует двух этапов — сначала этапа сдерживания и стабилизации, за которым последует этап восстановления. Частичное восстановление мировой экономики МВФ прогнозирует на 2021 год, при этом отмечается также, что уровень ВВП будет оставаться ниже предкризисного тренда².

Данный экономический кризис, хоть и отличается от предыдущих, является одним из череды кризисов XXI века, которые в значительной степени трансформируют рынки труда по всему миру, повышая, как правило, их гибкость. Гибкость рынка труда, в свою очередь, позволяет ему адаптироваться к изменениям в экономике, в том числе через рост безработицы. Проведенные исследования [1; 2] доказывают, что влияние кризиса на рынок труда неомогенно, что определяется его сегментацией по разным характеристикам — по полу, возрасту, образованию, гражданству, способу заключения трудового договора и др. Как доказали ученые на примере Италии [3] и других стран ОЭСР [4; 5], повышенная гибкость рынка труда подвергает риску безработицы в первую очередь молодежь и наименее квалифицированных (временных) работников как наименее защищенные категории работников. Существует и другой путь адаптации рынка труда к потрясениям без существенного высвобождения рабочей силы — через сокращение, задержку или невыплату заработной платы [6; 7]. Указанные последствия, как доказывают сегодня ученые, приводят к дальнейшему расслоению общества и нарастанию неравенства [8].

На данный момент масштабное сдерживание мобильности населения спровоцировало кризис предложения рабочей силы, в то время как во время прежних экономических потрясений главной проблемой рынка труда было падение спроса на рабочую силу [9]. Введение режимов самоизоляции практически повсеместно стимулировало развитие платформенной экономики и краткосрочных контрактов с постепенным «перетоком» туда иностранных работников низкой квалификации [10; 11]. Кроме того, важной особенностью локдауна стал разрыв хозяйственных связей по всему миру вследствие закрытия границ, что поставило под вопрос дальнейшую глобализацию всего мира и актуализировало вопрос о возврате к национальным государствам [12]. Такой шок предложения подтолкнул рынок труда к дальнейшей цифровизации рабочих процессов и трансформации реальной миграции в виртуальную, предоставив преимущества тем экономикам и странам, где уровень развития информационно-коммуникационных технологий выше³ [10; 13; 14]. Коронавирусный кризис в наибольшей степени затронул непроизводственные виды экономической деятельности, в то время как в другие кризисы наиболее пострадавшим был производственный сектор [15].

Российский рынок труда, по мнению экспертов, избежал взрывного роста безработицы и падения занятости населения [16–18]. Такой сценарий развития ситуации, согласно шестому отчету Международной организации труда, в целом соответствует общемировым тенденциям⁴. Экономисты Высшей школы экономики В. Гимпельсон и Р. Капелюшников, опираясь на серию проведенных в мае и июне 2020 года опросов, направленных на изучение последствий «ковидизации» российского рынка труда, заключают, что наиболее сложная ситуация сложилась в апреле — мае, в июне наметились тенденции стабилизации. Авторы исследования от-

² *World Economic Outlook: The great lockdown*. Washington : International Monetary Fund, 2020. 158 p.

³ *Teleworking during the COVID-19 pandemic and beyond. A practical guide*. Geneva: ILO. 2020. 47 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms_751232.pdf (дата обращения: 13.10.2020).

⁴ *ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Sixth edition. Updated estimates and analysis*. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_755910.pdf (дата обращения: 22.09.2020).

мечают, что зарплатная реакция в российских регионах объясняется традиционно высокой институциональной гибкостью зарплатообразования и определенными административными и финансовыми сложностями стремительного увольнения работников. В то же время в малом бизнесе и на микропредприятиях возможностей для увольнения сотрудников больше, поэтому регионы с высокой долей малого и микропредпринимательства в экономике в большей степени подвержены росту безработицы, чем регионы, экономика которых базируется на крупном бизнесе. Опрос показал, что наиболее уязвимыми отраслями здесь оказались промышленность, строительство, транспорт, торговля и услуги. Это подтверждают также исследования, построенные на анализе официальных статистических данных⁵ [15].

Наиболее устойчивыми к принятым ограничениям стали сферы информационно-коммуникационных технологий, бюджетная и финансы, которые в том числе смогли перейти на удаленный режим работы. Дополнительно не ощутили изменений на рынке труда работники сельского хозяйства, государственного и муниципального управления, полиции, а также крупных организаций.

Согласно официальным данным Росстата, в целом российский рынок труда отреагировал на изменения в экономике лишь незначительным сокращением занятости с 59,1% в марте 2020 года до 58,3% в августе 2020 года и соответствующим ростом общей безработицы с 4,7 до 6,4% при падении ВВП на 8% в пик коронавирусных ограничений в апреле — мае 2020 года. В последующем отмечались позитивные тенденции, в числе которых рост занятости⁶.

Закрытие государственной границы РФ с другими странами и ограничения международного транспортного сообщения значительно повлияли на объем и структуру предложения иностранной рабочей силы. Проведенные ранее исследования указывают на то, что очень часто международная трудовая миграция используется в качестве инструмента политики «гибкозащитности» [19]. Вместе с тем мигранты в большей степени подвержены вероятности быть уволенными или переведенными на неполный рабочий день, у них выше риск остаться без оплаты труда в отличие от работников из числа местного населения. Согласно данным различных соцопросов, проведенных среди мигрантов в России в апреле — мае 2020 г., от 20% до 65% трудящихся-мигрантов в России остались без работы. При этом максимальное падение занятости (40%) характерно для Московской агломерации, где ограничения оказались самыми жесткими и были введены раньше, чем в других регионах [20; 21]. В приграничных регионах особую озабоченность вызывают «застрявшие» на границе безработные мигранты, не имеющие возможности вернуться на родину [20].

Кроме того, эксперты отмечают, что иностранные работники по всему миру оказались «заложниками» ситуации, поскольку в большинстве своем одни потеряли доход и возможность вернуться на родину, другие — возможность приехать на заработки в «дачный сезон» [22]. В России первые составляют наиболее уязвимую группу. Для них в пик кризиса были актуальны две проблемы — отсутствие заработка и окончание срока действия разрешительных документов. Голос правозащитников и диаспоральных организаций был услышан, и соответствующие меры для решения указанных проблем были приняты⁷.

⁵ *Экономические и социальные последствия коронавируса в России и в мире: аналитический бюллетень Высшей школы экономики.* 2020. № 10. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/381715657.pdf> (дата обращения: 22.09.2020).

⁶ *Подтверждений* мрачным прогнозам не видно // *Огонек.* 2020. № 33. С. 14.

⁷ *О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)* : указ Президента РФ от 18 апреля 2020 г. № 274. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Невозможность использования иностранной рабочей силы наиболее жестко ударила по сельскому хозяйству, привлекающему в основном сезонных работников, но также в несколько меньшей степени по сфере строительства и ЖКХ, куда российские граждане трудоустраиваться не стремятся⁸. Остались также не востребовавшими иностранные работники в сферах услуг (парикмахерские, клининг, транспортные услуги, няни, репетиторы и др.), общественного питания, гостиничного бизнеса [23]. В ряде стран (к числу которых не относится Россия), где отмечается высокая отраслевая зависимость от импорта рабочей силы, были приняты меры, поддерживающие занятость мигрантов [24]. В Сингапуре отменены ежемесячные сборы за иностранных работников для работодателей (англ. *foreign worker levy*), а в Республике Корея иностранные рабочие, подпадающие под систему разрешений на трудоустройство, включаются в налоговые меры по поддержке малых и средних предприятий. Послабляющие (иногда даже стимулирующие) административные меры были приняты также в странах, где потребность в мигрантах в период кризиса чрезвычайно выросла — это, например, работники сельского хозяйства, здравоохранения, ИТ в Германии, Италии, Великобритании и др.⁹ [25]

Что касается межрегиональной трудовой миграции, исследователи прогнозируют ее рост после прохождения пика пандемии, прежде всего по направлению из российской глубинки в крупные экономические центры [26].

Аналізу последствий на калининградском рынке труда, в том числе с учетом изменившихся возможностей замещения рабочей силы извне, посвящена данная статья. В первой части исследования представлены основные меры по противодействию распространения новой коронавирусной инфекции и поддержке социально-экономической сферы, оказавшие большое влияние на функционирование рынка труда и сферы миграции, систематизированные на этапы в соответствии с очередностью их введения. Вторая часть содержит анализ важнейших изменений на рынке труда в первом полугодии 2020 года и в период с января по август 2020 года. Наконец в третьей части приводятся результаты анализа трансформации объемов и структуры внешней и внутренней постоянной миграции, особенностей привлечения иностранной рабочей силы в Калининградскую область в первом полугодии 2020 года. В заключение авторами сформулированы выводы об эффективности принятых мер по поддержке регионального рынка труда и сферы миграции, предложены некоторые рекомендации по их совершенствованию.

Характеристика условий и ограничений, оказавших влияние на рынок труда и миграцию трудовых ресурсов в Калининградской области

Анализ принятых ограничительных мер по противодействию распространения новой коронавирусной инфекции в России и мер по поддержке социально-экономической сферы демонстрирует четкую стратификацию на этапы. На первом этапе — в январе — марте — решалась задача ограничения взаимодействия на внешнем контуре страны. С этой целью с 30 января 2020 года была закрыта государственная граница

⁸ *Россия: сокращение числа трудовых мигрантов бьет по экономике?* // ИноСМИ.Ru: новостной портал. 2020. URL: <https://inosmi.ru/economic/20200720/247779693.html> (дата обращения: 21.09.2020).

⁹ *International Migration Outlook 2020*. P: OECD Publishing, 2020. 369 p. doi: <https://doi.org/10.1787/ec98f531-en>.

с Китаем, а с 18 марта — въезд иностранных граждан в Россию. Важно отметить, что Калининградская область как приграничный регион, тесно взаимодействующий со своими соседями, у которых первые случаи заболевания коронавирусом были зафиксированы раньше, чем в России, одной из первых столкнулась с ограничительными мерами. Уже с 16 марта она оказалась фактически в транспортной изоляции, когда Польша и Литва закрыли свои границы для въезда иностранных граждан.

На втором этапе — в апреле—мае — постепенно вводились максимальные ограничительные меры, которые параллельно сопровождались максимальной поддержкой пострадавших отраслей экономики и населения в целом. С 27 марта было приостановлено авиасообщение с иностранными государствами. В Калининградской области с 20 апреля был введен режим обязательной самоизоляции для всех прибывающих из-за рубежа. Для смягчения миграционной ситуации в стране были приняты меры по приостановлению в период с 15 марта по 15 сентября течения срока ряда разрешительных документов для трудовых мигрантов (патента, разрешения на работу и разрешения на привлечение иностранных работников, разрешения на временное и постоянное проживание, вида на жительство, временное пребывание). Мигранты могли продлевать патенты без выезда из России. Кроме того, на этот же срок был объявлен запрет на принятие решений, которые ограничивают права пребывания в России в период пандемии мигрантов и участников Государственной программы переселения соотечественников.

Одними из самых кардинальных экономических ограничительных мер были те, которые устанавливали в стране нерабочие дни с 30 марта по 11 мая. Для поддержания экономики на федеральном уровне были разработаны меры в отношении системообразующих организаций. С этой целью был установлен перечень наиболее пострадавших в период пандемии отраслей экономики и системообразующих организаций, имеющих большое значение для функционирования экономики. Среди принятых мер — бюджетные субсидии в целях возмещения затрат, отсрочка (рассрочка) по уплате налогов, гарантии по кредитам или облигационным займам; субсидии для малого и среднего предпринимательства, социально ориентированных НКО. В Калининградской области зарегистрировано 237 социально ориентированных НКО. Из них, по данным Правительства Калининградской области на 01.07.2020¹⁰, 91 организация получила субсидию. На субсидирование социально ориентированных НКО в 2020 году было затрачено региональных средств более чем на 36 млн руб.

Помимо мер федеральной поддержки в Калининградской области с 14 апреля была установлена региональная субсидия малому и среднему бизнесу в размере от 15 до 100 тыс. руб. в зависимости от организационной формы предприятия и количества наемных работников. Кроме того, с этого срока была установлена финансовая помощь в размере 50 тыс. руб. жителям региона на открытие собственного дела и принято решение о субсидировании отдельных юридических лиц и ИП со среднесписочной численностью работников до 15 чел. Федеральный центр разработал ряд финансово-кредитных мер для пострадавших организаций: предоставление промышленным предприятиям займов от 5 до 30 млн руб., «кредитных каникул» ИП, малому и среднему бизнесу, выдача кредитов по ставке 0% для выплат заработных плат работникам, освобождение от уплаты налогов некоторым категориям плательщиков, упрощение требований к льготному кредитованию под 8,5% годовых. В Калининградской области для целей льготного кредитования бизнеса были задействованы средства Центра поддержки предпринимательства по ставке 0,1% на срок от трех до шести месяцев. Кроме того,

¹⁰ *Реестр* СОНКО // Официальный портал Правительства Калининградской области. URL: https://nko39.ru/razdel_nko/reestr.php (дата обращения: 21.10.2020).

с 1 апреля были продлены сроки уплаты региональных и местных налогов для бизнеса, деятельность которого была приостановлена в связи с ограничительными мероприятиями.

Вслед за принятыми федеральными мерами, устанавливающими гарантии для арендаторов (субъектов малого и среднего предпринимательства) государственного, муниципального или частного имущества, в Калининградской области для предприятий малого и среднего бизнеса были перенесены сроки уплаты неимущественных налогов, которые будут начислены за I квартал (аренда земли) и в период с 1 марта по 31 мая текущего года, на 10 октября текущего года. В отношении предприятий и организаций с 14 апреля объявлен запрет на проведение плановых проверок, а также введен мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов с 6 апреля по 6 октября.

Меры социальной поддержки на втором этапе касались различных категорий граждан. С 15 апреля федеральный центр назначил дополнительные выплаты медицинским и социальным работникам. На апрель — июль установлены дополнительные выплаты на детей. В отношении безработных граждан принято решение об увеличении с 12 апреля по 1 сентября пособия по безработице. Региональные власти с 10 апреля установили для безработных единовременную доплату в размере 10 тыс. руб. Для граждан старше 65 лет, не перешедших на удаленную работу и не находящихся в отпуске, назначены выплаты пособий по нетрудоспособности. Принято решение о «кредитных каникулах» для физических лиц и запуске программы льготной ипотеки под 6,5% на кредиты, выданные с 16 апреля по 1 ноября текущего года.

Третий этап, который начался в июне 2020 года, связан со смягчением ограничительных мер и сохранением поддерживающих. С 1 июня была открыта государственная граница и возобновлено авиасообщение с рядом стран, но при этом с 15 июля введен режим обязательной 14-дневной самоизоляции для иностранных граждан, прибывших в Россию для работы. Что касается экономической сферы, в Калининградской области с 7 июня были сняты ограничения на работу организаций и учреждений региона в сфере торговли и услуг. Для прибывающих в область из других регионов РФ с 22 июня снят режим обязательной самоизоляции, с 1 июля возобновлено железнодорожное сообщение с другими регионами страны. Такого рода смягчения длились до 1 октября. На момент написания статьи в связи с ухудшением эпидемиологической ситуации был повторно введен ряд ограничений на деятельность кафе, ресторанов, игровых зон для детей. Поддерживающие социальную сферу меры третьего этапа были связаны с установлением доплат на детей для безработных граждан в июне — сентябре, снижением размера первоначального взноса с 20 до 15% по программе льготной ипотеки под 6,5%. Экономические рычаги поддержки выражались в установлении субсидии на профилактику борьбы с коронавирусом для малого и среднего бизнеса и социально ориентированных НКО, предоставлении кредитов по ставке 2% для социально ориентированных НКО и других представителей бизнеса с июня по 1 ноября текущего года.

В сфере миграционного регулирования произошли следующие изменения: с 25 июня был разрешен однократный въезд высококвалифицированным иностранным специалистам¹¹, возобновлено течение сроков разрешений на работу, разрешений на привлечение иностранных работников и патентов, начиная с 16 июня.

Порядок введения различных мер абсолютно четко отражается на показателях рынка труда. Так, расширение государством системы поддержки безработных в апреле 2020 года вызвало подъем уровня официальной безработицы¹². В то же

¹¹ *Распоряжение от 25 июня 2020 года № 1671-р.* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² *Подтверждений* мрачным прогнозам не видно. Сверхбезработица отменяется // *Огонек.* 2020. № 33. С. 14.

время наложение условий по получению льготных кредитов для бизнеса (под 2% годовых) в зависимости от сохранения штатного состава ограничило рост реальной безработицы на рынке труда. Большинство мер поддержки направлено на смягчение условий функционирования наиболее уязвимых в период борьбы с коронавирусом малых и средних предприятий и организаций. Однако, по мнению ряда экспертов, опирающихся на данные опросов предпринимателей и менеджеров, предлагаемыми послаблениями воспользовалась только треть хозяйствующих субъектов, что объясняется некоторыми неточностями в законодательстве, а также отчасти неясными перспективами выживаемости бизнеса в условиях ограничений¹³.

Изменения на рынке труда

Введенные на федеральном и региональном уровнях ограничения в эксклавном регионе РФ — Калининградской области — имели более значительный мультипликативный эффект, чем в других регионах страны, существенно снизив в целом уровень безопасности региона. Причин этому несколько. Экономика региона функционирует в условиях высокой зависимости от импорта и транзита сырья и товаров. Дисбаланс спроса и предложения на мировых рынках не мог не сказаться на импортозависимых секторах региональной экономики, особенно в условиях закрытия государственных границ.

Кроме того, рынок труда Калининградской области имеет ряд особенностей, которые проявили себя в полной мере в условиях кризиса. В первую очередь это его небольшие объемы. При численности населения 1012,5 тыс. чел. (на 1 января 2020 году) численность рабочей силы, по данным за 2019 год, составила 535,8 тыс. чел, из них количество занятых в экономике 512 тыс. чел. Для региона характерна высокая степень занятости в сфере малого бизнеса. Предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, включая фермерские хозяйства, в 2018 году было занято 101,4 тыс. чел. — пятая часть всей рабочей силы региона. Развита сфера услуг, где сосредоточено две трети занятых. В 2000-х годах получила развитие обрабатывающая промышленность, в особенности пищевая и производство транспортных средств, которые концентрируют 27 тыс. работников (6% занятых в экономике и 39% — в обрабатывающих производствах). В условиях снижения уровня потребления, закрытия границ, ухудшения мировой конъюнктуры и внутреннего спроса ведущая отрасль региона — производство автотранспортных средств — в большей степени, чем другие обрабатывающие производства, ощутила на себе последствия кризиса, что привело к общему снижению всех социально-экономических показателей. По данным региональной статистики, производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов в январе — августе 2020 года составило 64% от аналогичного периода 2019 года¹⁴. Следует согласиться с Н. Зубаревич и С.Г. Сафроновым, которые отнесли регионы, специализирующиеся на автопроме и экспортно-импортных операциях, к группе наиболее пострадавших в условиях борьбы с пандемией [9].

В области работает небольшое количество крупных предприятий, что в целом затрудняет организацию целевой подготовки специалистов и вызывает достаточ-

¹³ Эксперты РЭУ о влиянии коронавируса на экономику // Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. URL: <https://www.rea.ru/ru/koronavirus/Pages/koronavirus-experti.aspx> (дата обращения: 25.09.2020).

¹⁴ Социально-экономическое положение Калининградской области в январе — августе 2020 года: оперативный доклад / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Калининградской области. Калининград, 2020.

но острые проблемы, связанные с диспропорцией спроса и предложения рабочей силы. В структуре занятости по роду занятий большой удельный вес приходится на категории должностей, требующих высшего образования. Согласно данным выборочного обследования рабочей силы в IV квартале 2019 года среди 518 тыс. занятых насчитывается 30,7 тыс. руководителей и 135,9 тыс. специалистов высшей квалификации. Это означает, что по меньшей мере 32,1% работников должны иметь высшее образование. Если исходить из ежегодной замены по разным причинам 3% кадров, каждый год требуется 5 тыс. новых специалистов с высшим образованием. При этом калининградские вузы в 2019 году выпустили только 3,7 тыс. бакалавров, специалистов, магистров, причем часть бакалавров продолжила обучение в магистратуре. Даже если учитывать имеющиеся для других регионов прогнозы, которые указывают на снижение в ближайшей перспективе спроса на рабочую силу, в том числе на кадры с высшим образованием, региональная подготовка кадров недостаточна для потребностей экономики, и без общероссийского перераспределения рабочей силы области не обойтись. Особенно остро в последние годы стоит вопрос с обеспечением потребности в медицинских работниках всех категорий, особенно врачей узких специализаций, которых регион не готовит. В условиях борьбы с пандемией нехватка медицинских работников вызвала необходимость привлекать к работе студентов-медиков, которые входили в бригады скорой медицинской помощи¹⁵. Существует также недостаток педагогических кадров. Так, по оперативным данным регионального Министерства социальной политики, в марте 2020 года потребность в педагогах различных направлений составила 243 работника. Трудности дистанционного обучения и высокая доля среди педагогов лиц старших возрастов также послужили причиной увольнения в начале учебного 2020 года свыше 300 педагогов, о чем сообщила министр образования Калининградской области С. Трусенева¹⁶.

Среди определяющих факторов функционирования рынка труда региона в условиях распространения коронавирусной инфекции и принятых ограничительных мер наибольшее влияние оказала его территориальная обособленность от общероссийского. Рынок труда области оказался в полной изоляции, что определило худшие по сравнению с другими российскими регионами показатели. В условиях закрытия государственных границ, невозможности перераспределения высвободившихся в результате потери работы кадров в другие регионы страны участники рынка труда имели крайне незначительный маневр и возможности для регулирования социально-трудовых отношений. Таким образом, спад всех показателей рынка труда в Калининградской области оказался более серьезным по сравнению, например, с другими регионами Северо-Запада (рис. 1). Экономика Калининградской области продемонстрировала в первом полугодии 2020 года по сравнению с аналогичным периодом 2019 года максимальное по сравнению с другими регионами СЗФО РФ снижение потребности в работниках (62%), заявленной работодателями, существенный рост незанятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на учете в органах службы занятости (в 5,8 раза), один из самых высоких в округе рост нагрузки незанятого населения, зарегистрированного в органах службы занятости населения, в расчете на 100 вакансий (в 9,4 раза).

¹⁵ «Ребята, спасибо всем, мы пойдем»: министр здравоохранения рассказал, почему в Калининграде 350 медиков отказались работать с коронавирусом // Комсомольская правда. 2020. 4 мая. URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/27123/4211005/> (дата обращения: 25.09.2020).

¹⁶ В Калининградской области накануне нового учебного года уволились свыше 300 педагогов // Клопс.ру: новостной портал. 2020. 25 авг. URL: <https://klops.ru/news/2020-08-25/219133-v-kaliningradskoy-oblasti-nakanune-novogo-uchebnogo-goda-uvolilis-svyshe-300-pedagogov> (дата обращения: 19.09.2020).

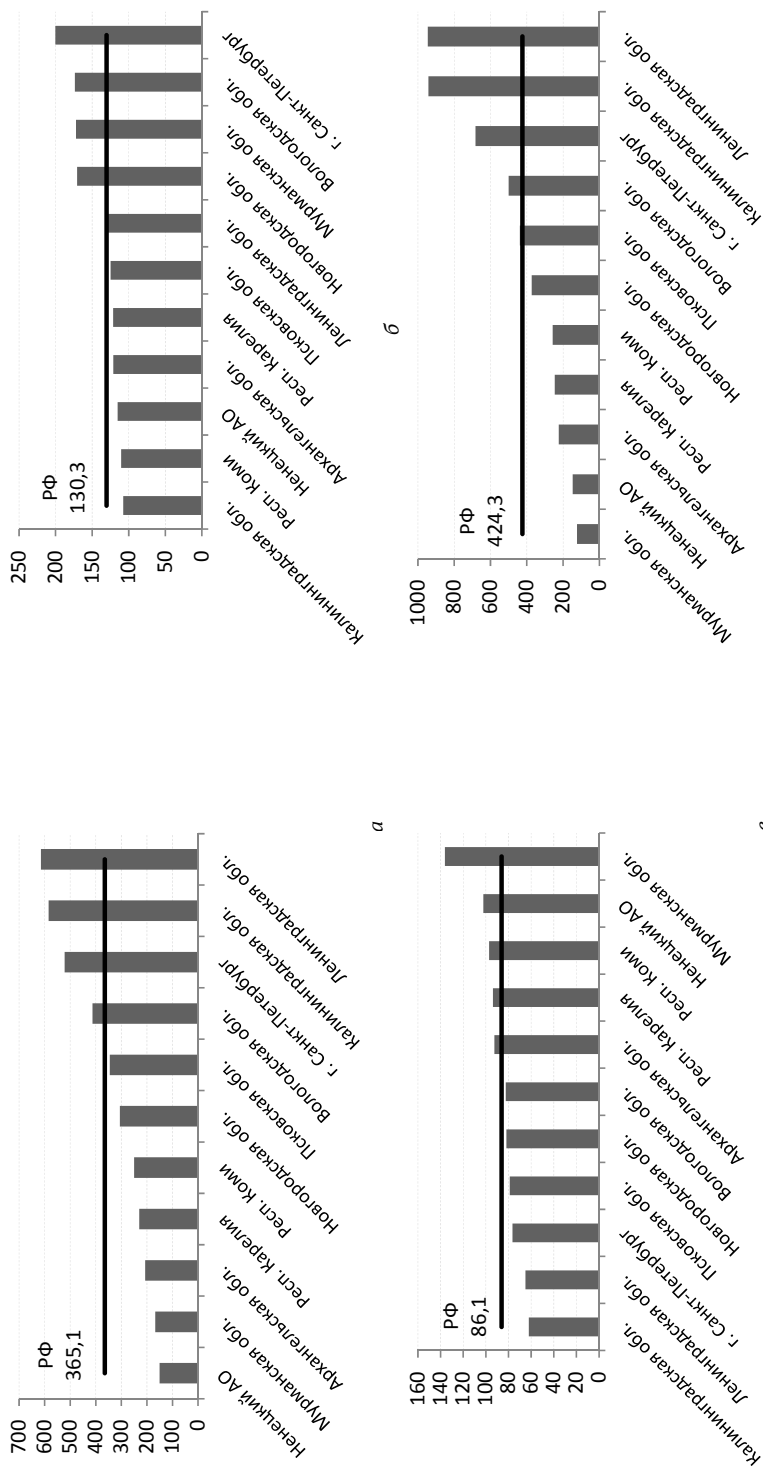

Рис. 1. Показатели рынка труда в регионах Северо-Западного федерального округа РФ в первом полугодии 2020 года, % к аналогичному периоду 2019 года:

а — численность незанятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на учете в органах службы занятости на конец июня 2020 года; *б* — численность безработных в возрасте 15 лет и старше; *в* — потребность в работниках, заявленная работодателями в органы службы занятости населения; *г* — нагрузка незанятого населения, зарегистрированного в органах службы занятости населения, на 100 заявленных вакансий

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Анализ оперативной информации по рынку труда за январь — август 2020 года показывает устойчивый рост числа незанятых трудовой деятельностью граждан, особенно в летние месяцы. Превышение данного показателя в августе по сравнению с мартом 2020 года — в 7,9 раза, превышение количества безработных за тот же период — в 8,6 раза. При этом снижение потребности в работниках произошло почти на треть, а рост нагрузки на одну заявленную вакансию в августе по сравнению с мартом 2020 года — в 10,3 раза (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели рынка труда в Калининградской области
в марте — августе 2019 и 2020 годов, чел.**

Месяц	Число незанятых трудовой деятельностью граждан		Число зарегистрированных безработных		Потребность в работниках		Нагрузка на одну заявленную вакансию	
	2019	2020	2019	2020	2019	2020	2019	2020
Март	5200	4937	4558	4222	15590	17800	0,3	0,3
Апрель	5119	16248	4612	13441	16136	17072	0,3	1,0
Май	4991	23522	4435	20839	17563	13235	0,3	1,8
Июнь	4985	29132	4417	27095	17151	10639	0,3	2,7
Июль	5017	34983	4351	32714	17526	10999	0,3	3,2
Август	4948	38866	4323	36343	17665	12701	0,3	3,1
Август к марту, раз	1,0	7,9	0,9	8,6	1,1	0,7	1,0	10,3

Источник: составлено авторами по данным Калининградстата.

Первый существенный рост обращений в службу занятости региона был зафиксирован в середине апреля, но ситуация находилась под контролем, так как количество вакансий в тот период почти в три раза превышало количество обращений. Ухудшение ситуации произошло во второй половине апреля и особенно в мае. К концу мая сложилась ситуация превышения количества безработных над количеством вакансий на 5 тыс. Наиболее пострадавшие сферы — торговля, деятельность по операциям с недвижимым имуществом, транспортировка и хранение, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, строительство, туризм. Вместе с тем с введением режима самоизоляции потребность в рабочей силе сохранялась в таких отраслях, как обрабатывающие производства, здравоохранение. В летние месяцы количество безработных граждан неуклонно росло, при этом потребность в работниках постоянно снижалась. Как показывают данные службы занятости, увеличение численности безработных более чем в 10 раз по сравнению с мартом 2020 года произошло в том числе и за счет категорий граждан, длительно (более 1 года) не работающих и впервые ищущих работу. Можно предположить, что нынешняя ситуация с введением ограничений на деятельность хозяйствующих субъектов выявила теневую занятость, и в большей степени в сфере услуг. В первую очередь пострадали те, кто был неофициально устроен, с прекращением теневой занятости им пришлось обратиться за поиском работы. Уровень регистрируемой безработицы к концу мая был 3,5%, что выше аналогичного периода прошлого года в 4,4 раза. На конец августа 2020 года уровень регистрируемой безработицы составил 6,8% от рабочей силы. Таким образом, ситуация с показателями рынка труда в условиях локдауна, вызванного пандемией, в эксклавном регионе России отличается существенно от среднероссийской и не в полной мере соответствует эксперт-

ным оценкам¹⁷. Ее улучшения в летние месяцы не произошло и быстрого выхода из кризиса тоже. Последствием кризиса для населения региона стал спад промышленного производства — 88,6% в январе — августе 2020 года к аналогичному периоду 2019 года, а также рост потребительских цен. По данным оперативной статистики, в августе 2020 года цены на продовольственные товары с начала года повысились на 4% (в августе 2019 года с начала года выросли на 0,1%), на непродовольственные товары за этот же период цены выросли в 2020 году на 3,1% (в августе 2019 года увеличение с начала года произошло на 1,6%). Несмотря на то, что статистика по замещению рабочих мест (число замещенных рабочих мест в организациях, которое определяется как суммарное количество среднесписочной численности работников, средней численности внешних совместителей и средней численности работников, выполнявших работы по договорам гражданско-правового характера), в июле 2020 года в % к аналогичному периоду 2019 года в целом по экономике не показывает сокращения занятости (100,6%), по ряду видов экономической деятельности наблюдается существенное снижение. В первую очередь это касается деятельности, связанной с операциями с недвижимым имуществом (88,6%), в обрабатывающих производствах (94,6%), в различного рода услугах (95,8%), гостиничном бизнесе и на предприятиях общественного питания (95,8%), в торговле (99,2%). При этом, по данным Калининградстата, произошло увеличение занятости в административной деятельности и предоставлении дополнительных видов услуг (119,6%), в деятельности в области информации и связи (106,2%), в добыче полезных ископаемых (106,1%).

В результате экономического спада, принятых ограничительных мер рынок труда региона отреагировал уже во II квартале 2020 года превышением количества выбывших из списочного состава работников предприятий и организаций (без субъектов малого предпринимательства) над количеством принятых работников на 3,6 тыс. чел.

Сальдо принятых и выбывших работников организаций по видам экономической деятельности в % к среднесписочной численности работников во II квартале 2020 года в среднем по России и Калининградской области показано на рисунке 2. Перечень отраслей с наиболее высокой долей сокращения работников аналогичен среднему по России. В то же время на региональном рынке труда есть отрасли с чрезвычайно высокой долей сокращения работников, значительно превосходящей средние значения по стране. Это прежде всего операции с недвижимым имуществом, образование, обрабатывающие производства, транспортировка и хранение. Максимальная доля сокращения работников характерна для операций с недвижимым имуществом, где ощущался избыток рабочей силы, и самоизоляция «подстегнула» освобождение отрасли от него. Весьма чувствительная для населения региона проблема нехватки работников образования и здравоохранения в период кризиса обострилась еще сильнее. Превышения над среднероссийскими значениями также обозначились в торговле, обеспечении электрической энергией, газом и паром и кондиционировании воздуха, деятельности в области информации и связи, финансовой и страховой деятельности, предоставлении прочих услуг. В то же время имело место перераспределение рабочей силы между отраслями. Выросла доля прироста числа работников в строительстве, сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве и рыбодоводстве, профессиональной, научной и технической деятельности, административной деятельности.

Таким образом, принимаемые меры по сдерживанию сокращения рабочих мест и сохранению заработных плат оказались не столь эффективными. Это подтверждается и результатами анализа Центра трудовых исследований ВШЭ в июне 2020 года, согласно которому после введения режима самоизоляции работу потеряли почти 10% россиян из тех, у кого она была в докарантинный период¹⁸.

¹⁷ Подтверждений мрачным прогнозам не видно // Огонек. 2020. № 33. С. 14.

¹⁸ *Teleworking during the COVID-19 pandemic and beyond. A practical guide.* Geneva: ILO. 2020. 47 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-ed_protect/-protrav/-travail/documents/publication/wcms_751232.pdf (дата обращения: 13.10.2020).

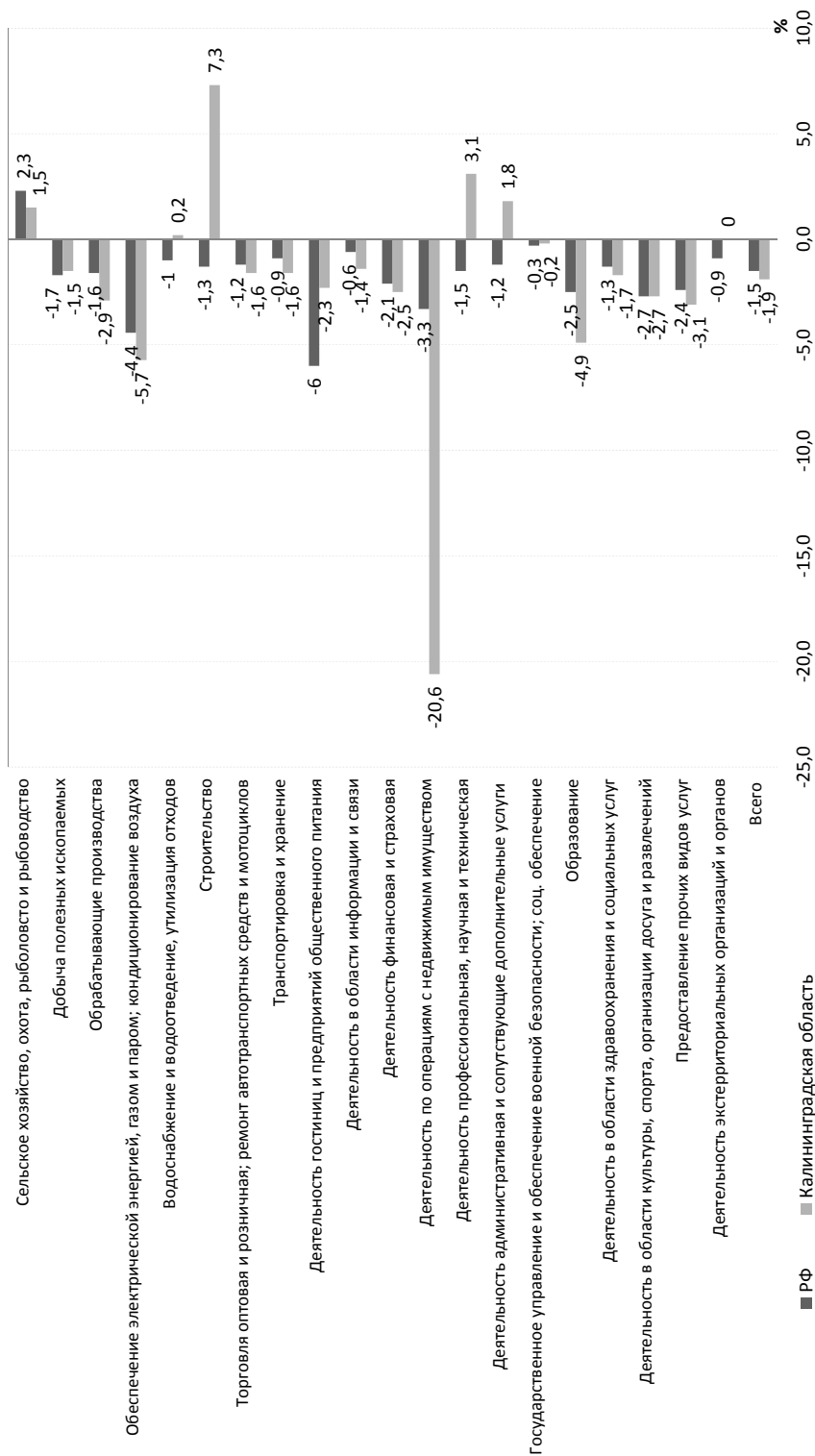

Рис. 2. Сальдо принятых и вышедших работников организаций (не относящихся к субъектам малого предпринимательства), % к среднесписочной численности работников во II квартале 2020 года в среднем по России и по Калининградской области

Миграция трудовых ресурсов

Международная постоянная миграция демонстрировала постепенное снижение интенсивности обмена относительно аналогичного периода предыдущего года, начиная уже с февраля 2020 года (табл. 2). В разрезе отдельных стран негативная ситуация сложилась во взаимодействии с Узбекистаном, Индией, Польшей, где положительное сальдо миграции сменилось отрицательным. Что касается других стран, имеющих большое значение для формирования миграционного прироста региона (Казахстан, Киргизия, Украина, Беларусь), здесь также отмечается сокращение положительного сальдо миграции на 45—75%.

Сальдо межрегиональной миграции, напротив, показывало рост в первые семь месяцев 2020 года по отношению к аналогичному периоду 2019 года в 117%, что было достигнуто прежде всего за счет сокращения выбытий внутренних мигрантов из-за локдауна на 12% при сохранении числа прибытий примерно на том же уровне. Это свидетельствует о сложившемся в последние годы тренде наращивания объемов миграционного взаимодействия с основной территорией России. Положительную, хоть и не определяющую, роль в этом тренде играет утвержденная в 2018 году подпрограмма «Повышение мобильности трудовых ресурсов» государственной программы Калининградской области «Социальная поддержка населения» (Постановление Правительства Калининградской области от 18 ноября 2013 года № 848), согласно которой переселенцам предоставляется компенсация за переезд в регион и субсидия на покупку жилья. Она ориентирована на привлечение в регион работников информационно-коммуникационной сферы, сферы научных исследований и разработок, инжиниринговой отрасли, производства лекарственных средств и медицинских изделий, судостроения, автомобилестроения, радиоэлектронной промышленности, сельского хозяйства. Так, на 2020—2021 годы в Программе приняли участие шесть работодателей региона, планирующих привлечь суммарно 150 сотрудников за два года.

В 2020 году можно ожидать качественное изменение структуры миграционного прироста, где доля межрегиональной миграции станет фактически определяющей в замещении естественной убыли населения. Если в январе — июне 2019 года на межрегиональную миграцию приходилось около половины всего миграционного прироста, то в 2020-м — уже 79%.

Возрастная структура входящего миграционного потока в целом положительна для населения Калининградской области, однако стабилизация численности трудоспособного населения в течение 2011—2019 годов все же не наблюдается [22]. Ограничение мобильности населения в период противодействия распространению новой коронавирусной инфекции COVID-19, вероятно, приведет к существенному сокращению имеющихся объемов трудовых ресурсов и дальнейшему обострению проблемы их дефицита. Этому процессу в период пандемии способствовало также снижение интенсивности внутренней мобильности населения на 17% за январь — июль 2020 года по отношению к январю — июлю 2019 года. Пик пришелся на период максимальных ограничительных мер в апреле (20%) и мае (23%).

Негативные изменения во временной трудовой миграции также приходятся на II квартал 2020 года. Если в январе — марте 2020 года массового сокращения числа временных иностранных работников не наблюдалось, а напротив, отмечался рост в 136% по Калининградской области и в 121% по РФ, то в апреле — июне произошло падение значений показателя. Обусловлено это тем, что подавляющее большинство иностранных работников в регионе — выходцы из стран с безвизовым режимом въезда в РФ, запрет на выезд коснулся их только во второй половине марта. По Калининградской области спад оказался меньше, чем в целом по стране, — на уровне значений 2018 года, или 70% по отношению к апрелю — июню 2019 года (рис. 3).

Таблица 2

Оперативные данные о динамике числа прибывших, выбывших и saldo миграции в Калининградской области в январе — июле 2020 года

Поток миграции	Прибывшие, чел.		Выбывшие, чел.		Миграционный прирост, чел.		Уровень замещения естественной убыли населения, %*		Миграционный прирост, 2020 год, % к 2019 году						
	2019	2020	2019	2020	2019	2020	2019	2020	Январь	Январь — февраль	Январь — март	Январь — апрель	Январь — май	Январь — июнь	Январь — июль
Внутрирегиональная	12149	10084	12149	10084	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Межрегиональная	10132	10043	6230	5494	5902	4549	225,7	248,6	189,2	154,8	154,2	122,1	108,1	124,2	116,6
Международная	6757	4933	2979	3701	3778	1232	218,5	67,3	111,6	83,4	54,9	31,1	27,3	28,2	32,6

Примечание: * рассчитывается как отношение миграционного прироста к естественной убыли (по модулю), %.

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата и Калининградстата.

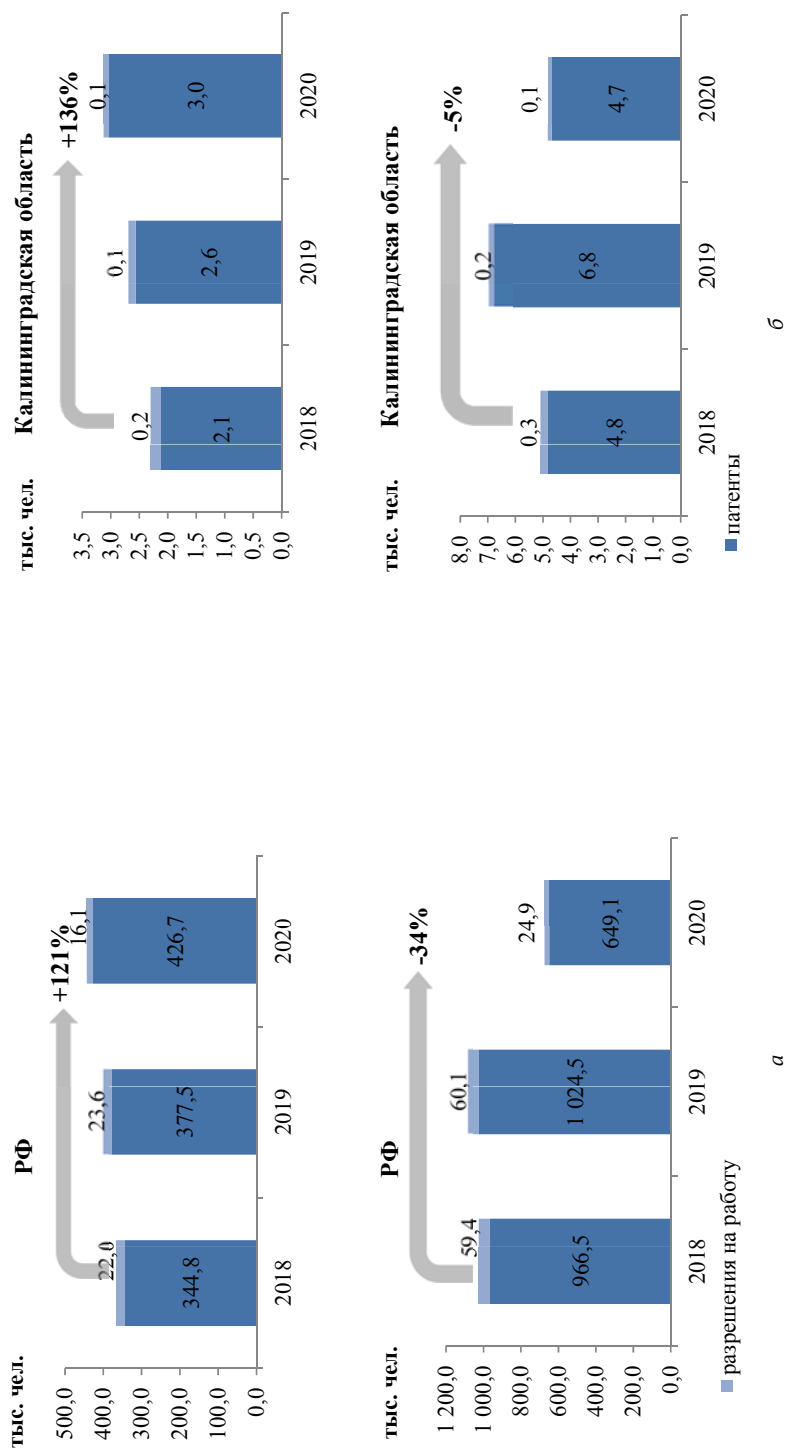

Рис. 3. Оперативные данные о динамике численности иностранной рабочей силы в Калининградской области и в РФ в первом полугодии 2018 — 2020 годов:

а — январь — март, б — январь — июнь

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

В настоящее время на территории региона находятся около 13 тыс. трудовых мигрантов. Девять из десяти иностранных работников в Калининградской области — это выходцы из Узбекистана, остальные — граждане Таджикистана, Азербайджана, Украины и Молдавии. Подавляющее большинство временных работников — это специалисты с начальным и средним профессиональным образованием, трудоустраивающиеся на региональном рынке труда в качестве рабочих. Спрос на них определяется как отсутствием необходимых квалифицированных рабочих среди местного населения вследствие сокращения их подготовки в 1990-е годы, так и нежеланием имеющихся специалистов работать на предлагаемых работодателем условиях (как правило, с более низкой оплатой труда) [27].

С учетом снижения в первом полугодии 2020 года относительно 2019 года численности жителей Калининградской области, выехавших за рубеж для работы, общее сальдо временной трудовой миграции в регионе сложилось положительное — на уровне 1 тыс. чел. Согласно данным Калининградстата из региона в 2019 году выехали за рубеж на заработки 10,9 тыс. чел., подавляющая часть которых — специалисты сферы морского рыболовства и судоходства, спрос на которых в регионе в нынешних условиях не может быть обеспечен [27]. Оценить динамику потоков трудящихся-мигрантов из других регионов России не представляется возможным ввиду отсутствия оперативных данных. Согласно последним данным Калининградстата российские внутренние временные трудящиеся-мигранты успешно замещают иностранных на тех же рабочих местах, что определено курсом, взятым региональными властями¹⁹.

В условиях особого эксклавного положения региона ограничение транспортной доступности негативно сказывается и на взаимосвязях с соседними странами, которые имеют исключительную важность не только на уровне региона, но и страны в целом, поскольку Калининградская область сегодня концентрирует 19% всей валовой постоянной миграции России с Литвой и 13% — с Польшей (хоть объемы эти крайне невелики) [28]. Временные приграничные миграционные потоки имеют преимущественно экономические причины, а также культурные и туристические. Данные о пересечениях государственной границы России и Польши демонстрируют сокращение их числа в I квартале 2020 года на 14% по отношению к аналогичному периоду 2019 года, а в первом полугодии — уже на 60%²⁰.

Выводы и рекомендации

Принятые меры федерального уровня поддержки системообразующих предприятий и организаций, населения, жизненно важных социальных сфер, в первую очередь здравоохранения, в целом для России показали свою эффективность. Снижение занятости не было стремительным, удалось сдержать сокращения работников, поддержать работающих и социально уязвимые группы населения. Вместе с тем, как показал проведенный анализ, отдельные российские регионы отреагировали на кризис локдауна более остро. И среди таких регионов находится Калининградская область, в первую очередь в силу своего особого эксклавного экономико-географического положения и специфичных условий формирования спроса и предложения рабочей силы. Исследование выявило, что принимаемые региональными властями антикризисные меры, которые вводились синхронно федеральным мерам, на первых

¹⁹ О Государственной программе Калининградской области «Социальная поддержка населения»: постановление Правительства Калининградской области от 18 ноября 2013 г. № 848. Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ *Statystyki Straz Graniczna // Komenda Główna Straz Granicznej*. URL: <https://www.strazgraniczna.pl/pl/granica/statystyki-sg/2206,Statystyki-SG.html> (дата обращения: 27.08.2020).

этапах показывали свою своевременность и эффективность, но в условиях фактически изоляции регионального рынка труда от российского оказались недостаточными.

Региональные особенности кризиса в Калининградской области выразились в более затяжном и отложенном по времени проявлении характере, чем в среднем по РФ, в усилении структурной безработицы, снижении доходов населения, росте инфляции. Специфическая черта экономики области, обусловленная высокой долей малого и среднего предпринимательства, в условиях кризиса стала «слабым» местом ее рынка труда. Эффективность принимаемых мер по поддержке малого и среднего бизнеса оказалась невысока. Это говорит о малой изученности механизмов функционирования таких хозяйствующих субъектов в период кризисов и несовершенной проработке предлагаемых мер, недостаточности шагов по информированию бизнеса о мерах поддержки.

Небольшие объемы рынка труда и его региональная «самоизоляция» не создали условий для перераспределения участников рынка труда между видами экономической деятельности. Сокращение занятости коснулось не только торговли и в целом сферы услуг, но и обрабатывающих производств. Исследование подтвердило предыдущие выводы специалистов о том, что неблагоприятная с точки зрения последствий кризиса структура занятости самого западного региона страны актуализирует вопросы реструктуризации экономики, а именно необходимости снижения занятости в сфере услуг, прежде всего в торговле, и расширения отраслей занятости за счет открытия новых видов промышленного производства и предприятий с высокой добавленной стоимостью и инновационно емких и социально значимых услуг. Важно активизировать финансово-экономические рычаги регулирования рынка труда через стимулирование инвестиционной деятельности крупного и среднего бизнеса в региональной экономике, в том числе за счет внедрения новых технологий взамен импорта трудовых ресурсов, с целью ее диверсификации и усложнения.

Среди последствий ковидизации регионального рынка труда выбытие части персонала в сфере образования и здравоохранения — тех видов экономической деятельности, которые имеют давние структурные несоответствия между спросом и предложением рабочей силы. В этой связи крайне важно обратить внимание на спектр образовательной подготовки кадров в регионе. В свете растущей диджитализации рынка труда необходимо наращивать компонент обучения по применению компьютерной техники и цифровой среды в целом и по другим направлениям подготовки.

С другой стороны, увеличение роли межрегиональной миграции в замещении естественной убыли населения и сокращения численности трудовых ресурсов Калининградской области актуализирует необходимость расширения финансовых и организационных возможностей действия программ, связанных с привлечением необходимых кадров на постоянную основу. Дополнительно должна быть выстроена оперативная работа по распространению информации среди безработных о вакантных рабочих местах в других регионах РФ, о чем сегодня также заявляет глава Минтруда А.О. Котяков²¹. Нам представляется, что именно переселение имеет более высокую эффективность и повышенный потенциал для областного рынка труда, чем временная трудовая миграция, поскольку в межрегиональной временной трудовой миграции у региона сохраняется отрицательное сальдо. Более того, механизмы стимулирования временной занятости высвобождающихся работников в других регионах страны могут не работать для Калининградской области в силу эксклавности и достаточно высокой финансовой затратности перемещения через границы. Ожидается, что эти механизмы только поспособствуют наращиванию числа выбытий из региона для временной занятости в другие субъекты РФ.

²¹ Котяков: Безработным надо предлагать также вакансии в других регионах // Российская газета. 2020. 31 авг. URL: <https://rg.ru/2020/08/31/kotikov-bezrabotnym-nado-predlagat-takzhe-vakansii-v-drugih-regionah.html> (дата обращения: 19.09.2020).

Важную роль в поиске решений указанных проблем регионального рынка труда играют практики стимулирования занятости и управления трудовой миграцией за рубежом. Так, в условиях нехватки младшего медицинского и обслуживающего персонала представляется целесообразным «ослабить» административное регулирование привлечения и использования таких работников и, возможно, даже временно «заморозить» систему патентов.

Повсеместное распространение в период кризиса форм цифровой и платформенной занятости, сопровождающееся в том числе виртуальной высококвалифицированной миграцией, требует разработки нормативно-правовой основы ее регулирования, но первоначально — тщательного научного обоснования с использованием международного опыта.

Список литературы

1. *Brada J.C., Marelli E., Signorelli M.* Introduction: young people and the labor market: key determinants and new evidence // *Comp. Econ. Stud.* 2014. Vol. 56, № 4. P. 556—566. <https://doi.org/10.1057/ces.2014.30>.
2. *Fadda S., Tridico P. (eds.)* Varieties of Economic Inequality. N.Y., 2016.
3. *Liotti G.* Labour market flexibility, economic crisis and youth unemployment in Italy // *Structural Change and Economic Dynamics.* 2020. Vol. 54. P. 150—162. doi:10.1016/j.strueco.2020.04.011.
4. *Verick S.* The Impact of the Global Financial Crisis on Labour Markets in OECD Countries: Why Youth and Other Vulnerable Groups Have Been Hit Hard // *From the Great Recession to Labour Market Recovery* / I. Islam, S. Verick (eds.). L., 2011. P. 119—145. https://doi.org/10.1057/9780230295186_5.
5. *Sharma S., Winkler H.* The labour market effects of financial crises // *Economics of transition and Institutional change.* 2018. Vol. 26, № 1. P. 35—60. <https://doi.org/10.1111/ecot.12141>.
6. *Elsby M.W.L., Shin D., Solon G.* Wage Adjustment in the Great Recession and Other Downturns: Evidence from the United States and Great Britain // *Journal of Labor Economics.* 2016. Vol. 34, № S1, p. 2. P. 249—291 <https://doi.org/10.1086/682407>.
7. *Doris A., O’Neill D., Sweetman O.* Wage flexibility and the great recession: the response of the Irish labour market // *IZA Journal of European Labor Studies.* 2015. Vol. 4, art. № 18. <https://doi.org/10.1186/s40174-015-0041-2>.
8. *Galasso V., Foucault M.* Working during COVID-19. Cross-country evidence from real-time survey data. P., 2020. <https://doi.org/10.1787/34a2c306-en>.
9. *Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г.* Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // *Региональные исследования.* 2020. № 2 (68). С. 4—17. 10.5922/1994-5280-2020-2-1.
10. *Hodgson G.* Migration and the Platform Economy. Policy brief. Vienna, 2020.
11. *Bahar D.* The Gig Economy: A Lifeline for Latin American Migrants — or a Dead End? // *Americas Quarterly. The Migration Issue.* 2020. Vol. 14, № 2. URL: <https://www.americasquarterly.org/article/the-gig-economy-a-lifeline-for-latin-american-migrants-or-a-dead-end/> (дата обращения: 22.09.2020).
12. *May B.* Шок спроса и шок предложения // *Ведомости: электронное периодическое издание.* 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/03/31/826664-shok-sprosa> (дата обращения: 25.09.2020).
13. *Ходжсон Г.* Возможное влияние COVID-19 на спрос на высококвалифицированных мигрантов в ЕС. Вебинар. 16 апреля 2020 года. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zUawng3dLdM> (дата обращения: 26.09.2020).
14. *Triandafyllidou A., Nalbandian L.* Covid-19 and the transformation of migration and mobility globally — “Disposable” and “essential”: Changes in the global hierarchies of migrant workers after COVID-19. Geneva, 2020.
15. *Кузнецова О.В.* Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // *Федерализм.* 2020. № 2. С. 20—38. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-2-20-38>.

16. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Карантинная экономика и рынок труда // Эконс: аналитический портал. 2020. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/karantinnaya-ekonomika-i-gynok-truda/> (дата обращения: 13.09.2020).

17. Гимпельсон В., Капелюшников Р. «Ковидизация» российского рынка труда // «Эконс»: аналитический портал. URL: <https://econs.online/articles/opinions/kovidizatsiya-rossiyskogo-gynka-truda/> (дата обращения: 13.09.2020).

18. Ляшок В., Бурдяк А. Рынок труда в условиях коронавируса // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 15 (117). Июнь. С. 138—148.

19. Meardi G., Artiles A.M., Remo O.M., A. Van den Berg. Migration & Labour Market Uncertainty in the Light of the Crisis Segregation and Social Sustainability in Three European Countries and Two Sectors. Philadelphia, 2012.

20. Рязанцев С.В., Вазиров З.К., Гарибова Ф.М. «Зависшие на границах» между Россией и родиной: мигранты из стран Центральной Азии во время пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 45—58. doi: 10.26653/2076-4650-2020-3-04.

21. Denisenko M., Mukomel V. Labour Migration during the Corona Crisis // Econs.online. 2020. URL: <https://econs.online/en/articles/economics/labour-migration-during-the-corona-crisis/> (дата обращения: 22.09.2020).

22. Рязанцев С.В., Брагин А.Д., Рязанцев Н.С. Положение трудовых мигрантов в регионах мира: вызовы пандемии COVID-19 и реакция правительств // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 7—21. doi: 10.26653/2076-4650-2020-3-01.

23. Шевцова Е. Сегодня и завтра миграционного обмена между российскими регионами и странами ЕАЭС в условиях пандемии: аналитический доклад экспертного клуба «Сибирь-Евразия». 2020. URL: https://siu.ranepa.ru/news/img/Новый%20сайт/Аналитический%20доклад_миграция_Сибирь-Евразия.pdf (дата обращения: 21.09.2020).

24. Yeoh B.S.A. Temporary migration regimes and their sustainability in times of COVID-19. Geneva, 2020.

25. Anderson B., Poeschel F., Ruhs M. COVID-19 and systemic resilience: What role for migrant workers? Geneva, 2020.

26. Poletaev D. Migration Consequences of the “Perfect Storm”: What Effect Will the Coronavirus Pandemic Have on Migration Issues? // The Russian International Affairs Council. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/migration-consequences-of-the-perfect-storm-what-effect-will-the-coronavirus-pandemic-have-on-migrat/> (дата обращения: 21.09.2020).

27. Лялина А.В. Межрегиональные и межстрановые «перетоки» трудовых ресурсов в Калининградскую область: факторы и векторы в современном евразийском контексте // Вестник БФУ им. И. Канта. 2018. Вып. 4. С. 47—64.

28. Лялина А.В. Миграционные процессы в Юго-Восточной Прибалтике // Калининградская область в новых координатах Балтийской геополитики: монография / под ред. И.Н. Тарасова, Г.М. Федорова. Калининград, 2020. С. 189—221.

Об авторах

Лариса Леонидовна Емельянова, кандидат географических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: larissaemel@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6242-7825>

Анна Валентиновна Лялина, кандидат географических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

THE LABOUR MARKET OF RUSSIA'S KALININGRAD EXCLAVE AMID COVID-19

L. L. Yemelyanova
A. V. Lyalina

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 10 October 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-4
© Yemelyanova, L. L. Lyalina, A. V., 2020

The COVID-19 pandemic, which has swept across the globe, is a serious challenge to the Russian labour market. This article examines the consequences of COVID-19 for Russia's Kaliningrad exclave and how its territorially isolated and lockdown-affected small labour market responds to drastic changes in employment, income, and consumption. Another question is how the immigrant-rich labour market will rebalance the supply-demand equation. Official statistics from the regional government and its subordinate bodies shows that the Kaliningrad regional labour market has been severely battered by shutdown measures. This particularly applies to organisations operating in the most sensitive industries: manufacturing, hospitality, tourism, estate, transport, and warehousing. The unemployment has gone up, reaching a level above the national average; the number of vacancies is dwindling. Keeping the proportion of out-of-the-region workforce at the usual level may aggravate the situation. Although effective, the measures taken by the regional authorities seem insufficient for an isolated regional labour market.

Keywords:

great lockdown, COVID-19, pandemic, migration, labour market, unemployment, migrant workers, Kaliningrad region, Russia

References

1. Brada, J.C., Marelli, E., and Signorelli, M. 2014, Introduction: young people and the labor market: key determinants and new evidence, *Comp. Econ. Stud.*, vol. 56, no. 4, p. 556—566. doi: <https://doi.org/10.1057/ces.2014.30>.
2. Fadda, S., Tridico, P. (eds.) 2016, *Varieties of Economic Inequality*, NY, Routledge.
3. Liotti, G. 2020, Labour market flexibility, economic crisis and youth unemployment in Italy, *Structural Change and Economic Dynamics*, no. 54, p. 150—162. doi:10.1016/j.strueco.2020.04.011.
4. Verick, S. 2011, The Impact of the Global Financial Crisis on Labour Markets in OECD Countries: Why Youth and Other Vulnerable Groups Have Been Hit Hard. In: Islam, I., Verick, S. *From the Great Recession to Labour Market Recovery*, p. 119—145. doi: https://doi.org/10.1057/9780230295186_5.
5. Sharma, S., Winkler, H. 2018, The labour market effects of financial crises, *Economics of transition and Institutional change*, vol. 26, no. 1, p. 35—60. doi: <https://doi.org/10.1111/ecot.12141>.
6. Elsby, M.W.L., Shin, D., Solon, G. 2016, Wage Adjustment in the Great Recession and Other Downturns: Evidence from the United States and Great Britain, *Journal of Labor Economics*, vol. 34, S. 1, Part 2, p. 249—291. doi: <https://doi.org/10.1086/682407>.
7. Doris, A., O'Neill, D., Sweetman, O. 2015, Wage flexibility and the great recession: the response of the Irish labour market, *IZA Journal of European Labor Studies*, vol. 4, Article № 18. doi: <https://doi.org/10.1186/s40174-015-0041-2>.

8. Galasso, V., Foucault, M. 2020, *Working during COVID-19. Cross-country evidence from real-time survey data*, OECD Publishing, Paris. doi: <https://doi.org/10.1787/34a2c306-en>.
9. Zubarevich, N.V., Safronov, S.G. 2020, Regions of Russia in the acute phase of the COVID crisis: differences from previous economic crises of the 2000s, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], no. 2 (68), p. 4—17. doi: <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-2-1> (in Russ.).
10. Hodgson, G. 2020, *Migration And The Platform Economy. Policy Brief*, Vienna, Prague Process Secretariat.
11. Bahar, D. 2020, The Gig Economy: A Lifeline For Latin American Migrants — Or A Dead End? *Americas Quarterly*, The Migration Issue, no. 14 (2), available at: <https://www.americasquarterly.org/article/the-gig-economy-a-lifeline-for-latin-american-migrants-or-a-dead-end/> (accessed 22.09.2020).
12. Mau, V. 2020, Shok Sprosa I Shok Predlozheniya, *Vedomosti*, available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/03/31/826664-shok-sprosa> (accessed 25.09.2020) (in Russ.).
13. Hodgson, G. 2020, *The possible impact of COVID-19 on the EU's demand for high-skilled migrants*, Webinar, April 16, 2020, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=zUawng-3dLdM> (accessed 26.09.2020).
14. Triandafyllidou, A., Nalbandian, L. 2020, *Covid-19 and the transformation of migration and mobility globally — “Disposable” and “essential”: Changes in the global hierarchies of migrant workers after COVID-19*, Geneva, IOM.
15. Kuznetsova, O.V. 2020, Vulnerability of Regional Economies' Structure in Crisis Conditions, *Federalism*, no. 2, p. 20—38. doi: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-2-20-38> (in Russ.).
16. Kapelyushnikov, R., Gimpelson, V. 2020. *Karantinnaya Ekonomika I Rynok Truda*. [online] *Econs.online*. Available at: <https://econs.online/articles/ekonomika/karantinnaya-ekonomika-i-rynok-truda/> [Accessed 13 September 2020] (in Russ.).
17. Kapelyushnikov, R., Gimpelson, V. 2020, “Covidization” of the Russian labor market, *Econs.online*, available at: <https://econs.online/articles/opinions/kovidizatsiya-rossiyskogo-rynka-truda/> (accessed 13.09.2020) (in Russ.).
18. Lyashok, V., Burdyak, A. 2020, Rynok truda v usloviyakh koronavirusa, *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of social and economic development], no. 15 (117), June, p. 138—148 (in Russ.).
19. Meardi, G., Artiles, A., Remo, O. van den Berg, A. 2012, *Migration & Labour Market Uncertainty in the Light of the Crisis Segregation and Social Sustainability in Three European Countries and Two Sectors*, ILERA World Congress 2012, Track 1. Transnational Movement of Labour & Growing Diversity in the Workforce, available at: https://warwick.ac.uk/fac/soc/wbs/research/irru/publications/recentconf/gm_-_ilera2012_3.pdf (accessed 15.09.2020).
20. Ryazantsev, S.V., Vazirov, Z.K., Garibova, F.M. 2020, Stranded on the borders' between Russia and the homeland: migrants from Central Asia countries during the covid-19 pandemic, *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Jekonomika i parvo* [Scientific Review. Series 1. Economics and Law], no. 3, p. 45—58. doi: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-04> (in Russ.).
21. Denisenko, M., Mukomel, V. 2020, Labour Migration During The Corona Crisis, *Econs.online*, available at: <https://econs.online/en/articles/economics/labour-migration-during-the-corona-crisis/> (accessed 22.09.2020).
22. Ryazantsev, S.V., Bragin, A.D., Ryazantsev, N.S. 2020, Situation of labor migrants in the regions of the world: challenges of the covid-19 pandemia and the response of governments, *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Jekonomika i parvo* [Scientific Review. Series 1. Economics and Law], no. 3, p. 7—21. doi: <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-01> (in Russ.).
23. Shevtsova, E. 2020, *Segodnya I Zavtra Migratsionnogo Obmena Mezhdru Rossiiskimi Regionami I Stranami EAES V Usloviyakh Pandemii* [Today And Tomorrow Migration Exchange Between Russian Regions And EAEU Countries In A Pandemic], Analytical report, Expert club 'Sibir-Eurasia' (in Russ.).
24. Yeoh, B.S.A. 2020, *Temporary migration regimes and their sustainability in times of COVID-19*, Geneva, IOM.

25. Anderson, B., Poeschel, F., Ruhs, M. 2020, *COVID-19 and systemic resilience: What role for migrant workers?* Geneva, IOM.

26. Poletaev, D. 2020, Migration Consequences of the “Perfect Storm”: What Effect Will the Coronavirus Pandemic Have on Migration Issues? *The Russian International Affairs Council*, available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/migration-consequences-of-the-perfect-storm-what-effect-will-the-coronavirus-pandemic-have-on-migrat/> (accessed 21.09.2020).

27. Lialina, A.V. 2018, Interregional and cross-country flows of labor resources in the Kaliningrad region: factors and vectors in the contemporary Eurasian context, *Vestnik BFU im. I. Kanta. Seriya: Estestvennye i meditsinskie nauki* [VESTNIK IKBFU. NATURAL AND MEDICAL SCIENCES], no. 4, p. 47–64 (in Russ.)

28. Lialina, A.V. 2020, Migratsionnye protsessy v Yugo-Vostochnoi Pribaltike. In: Tarasov, I.N., Fedorov, G.M. (eds.) *Kaliningradskaya oblast' v novykh koordinatakh Baltiiskoi geopolitiki* [Kaliningrad region in the new coordinates of the Baltic geopolitics], Kaliningrad, IKBFU Publishing, p. 189–221 (in Russ.).

The authors

Dr Larisa L. Yemelyanova, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: larissaemel@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6242-7825>

Dr Anna V. Lyalina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

БОРЬБА С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ВИРУСА И ЗАКРЫТИЕ ВНУТРЕННИХ ГРАНИЦ ЕС ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19: ПРИМЕР ФИНЛЯНДИИ

Й. Вирккунен

Университет Восточной Финляндии,
FI-80101, Финляндия, Йоэнсуу

Поступила в редакцию 15.10.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-5
© Вирккунен Й., 2020

В статье анализируется ситуация с закрытием внутренних границ ЕС во время пандемии COVID-19 на примере Финляндии. Особое внимание уделяется цели правительства «защитить население и обеспечить безопасность функционирования общества» путем ограничения миграции и мобильности на разных границах Финляндии. По «неудовлетворительным» причинам были прекращены полеты и поездки из стран, не входящих в Шенген, а также, за некоторыми исключениями, ограничены поездки на работу и ежедневные трансграничные коммуникации между Финляндией и шенгенскими соседями — Швецией, Норвегией и Эстонией. Эти меры осложнили функционирование туристической отрасли и отраслей, зависящих от мигрантов, а также жизнь семей мигрантов. В то время как закрытие границы между Эстонией и Россией не вызывает никаких дискуссий в финском обществе, закрытие финско-шведской пограничной территории, которая было полностью открыта с 1950-х годов, привело к дебатам о конституционных правах граждан и даже к актам гражданского неповиновения — к полулегальным пересечениям границы.

Ключевые слова:

граница, COVID-19, пандемия, внутренние границы ЕС, Эстония, Финляндия, Швеция

Введение

Пандемия COVID-19 изменила геополитическую карту мира за считанные месяцы — ограничения поездок и путешествий приобрели глобальный характер, все страны закрыли свои границы, авиа- и железнодорожные перевозчики прекратили свои операции и получили распоряжение помещать въезжающих в страну на карантин. Карантин и меры по контролю за эпидемиологической ситуацией не являются новыми в борьбе с инфекционными заболеваниями, но в контексте глобализованного мира с открытыми границами, чрезвычайно высокой социальной, экономической и политической взаимозависимостью эти новые практики установления границ оказали серьезное влияние на наши представления о роли государства и о глобальной интеграции, изменили повседневный порядок внутренних и зарубежных путешествий. Данная ограничительная мера — одна из важных составляющих эффективной борьбы с распространением инфекции и контроля над национальной безопасностью, но именно эта мера подвергается наибольшей критике в силу ограничений, которые накладываются на возможность людей действовать в глобализованном мире.

Для цитирования: Вирккунен Й. Борьба с распространением вируса и закрытие внутренних границ ЕС во время пандемии COVID-19: пример Финляндии // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 4. С. 83–102. doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-5.

В статье рассматривается вопрос закрытия внутренних границ ЕС во время пандемии COVID-19 и то, как этот процесс отразился на Финляндии. На время пандемии финское правительство ограничило авиаперелеты и путешествия не только из стран, не входящих в Шенген, таких как Россия, Китай и Таиланд, но, за некоторыми исключениями, поездки на работу и ежедневные поездки через границы со Швецией, Норвегией и Эстонией. В статье анализируются ситуация с закрытием сухопутной границы Финляндии со Швецией и морской границы с Эстонией, а также социальные и экономические последствия введения границ на внутренних интегрированных приграничных территориях Европейского союза. Границы Финляндии со Швецией и Эстонией представляют собой две разные приграничные области с разной историей и разной степенью трансграничной интеграции. В результате плодотворного сотрудничества стран Северной Европы с 1950-х годов граница Финляндии со Швецией практически перестала существовать, поэтому в нынешних условиях пандемии изоляция привела к тому, что граждане стали требовать соблюдения своих конституционных прав на свободное передвижение, в результате чего были зафиксированы акты гражданского неповиновения в виде полуправовых пересечений границы. В Эстонии, где многие семьи и предприятия зависят от туризма и работают с Финляндией, решение Финляндии об сокращении приграничного передвижения серьезно повлияло на экономику Эстонии и семьи эстонских мигрантов, выезжающих на работу.

Геополитика борьбы с инфекционными заболеваниями — явление не новое. Вопросы общественного и мирового здравоохранения, а также пространственного управления вирусными инфекциями занимали центральное место в политической, правовой и коммерческой истории национализма, колониализма и интернационализма. В своем анализе истории борьбы с болезнями Э. Башфорд [1] утверждает, что борьба с инфекционными заболеваниями осуществляется не только в пределах юрисдикции суверенных государств, но также в результате формальных и неформальных действий за пределами государства. Она связывает рост глобального общественного здравоохранения и регулирования распространения болезней с контекстом колонизации и деколонизации, с одной стороны, и возникновением идеи «национального» и «интернационального» — с другой. В контексте своих национальных императивов территориальной обороны колониальные державы были заняты «интернациональным здоровьем», то есть колониальной и тропической медициной в своих колониях. Геополитика профилактики заболеваний, как утверждает в [1, р. 6], была тесно связана с национализмом и контролем над суверенной территорией. По мере увеличения интенсивности путешествий, инспекции и досмотру в гаванях и на сухопутных границах стали подвергаться прибывающие товары, суда, животные, документы, сами путешествующие и состояние их здоровья. Фактически, проверка документов и медицинские осмотры, включая осмотр самих иммигрантов на наличие каких-либо признаков болезней, появились до формирования современной системы удостоверения личности — паспортов или виз, и сделали границы пунктами пропуска. Международные торговые конвенции и соглашения по борьбе с болезнями сместили фокус с колониального здравоохранения на международное и «медицинскую помощь», что способствовало развитию программ здравоохранения в странах «третьего мира».

Инфекционные болезни и борьба с их распространением представляют собой в первую очередь предмет изучения медицинских дисциплин, но это также важные вопросы истории, государственного управления, социологии и социальной политики. География здоровья¹, тесно связанная с медицинской географией и ге-

¹ С. Эллиот считает, что география здоровья «занимается изучением ключевых факторов и причин, процессов распределения и распространения в области здоровья и здравоохранения населения Земли» [3]. Она также занимается изучением здоровья и здравоохранения в пространственной перспективе, что позволяет рассматривать предмет на разных уровнях — от локального до глобального.

ографией здравоохранения населения, — это междисциплинарная наука на стыке географии и медицины, однако такие вопросы, как мобильность, пограничный контроль и изоляция, не являются предметом изучения [2, р. 316]. Фокус настоящего исследования, которое вносит вклад в развитие узких областей изучения политической географии и приграничных исследований, направлен на взаимосвязь между распространением заболевания, пространством и структурами власти. Эта взаимосвязь рассматривается сквозь призму глобализации, глобальной политической экономики, здоровья нации как элемента геополитической стабильности и потенциального влияния распространения заболеваний на государственный суверенитет во взаимосвязанном мировом контексте. Вопросы всеобщего здоровья стали предметом критического анализа экологической безопасности и повесткой дня в области безопасности в 1990-х годах [4, р. 38].

Глобализация, стремительное перемещение людей и товаров и осознание глобальности характера инфекционных заболеваний изменили принципы современного здравоохранения, превратив его из системы, основанной на колониальной и международной медицине, в глобальную систему «пост-вестфальского» администрирования. Целый ряд негосударственных субъектов и глобальных инициатив в области здравоохранения, таких как государственно-частные партнерства, фонды, международные организации, «Большая восьмерка» и общественные объединения, стали ключевыми акторами, определяющими глобальную повестку дня в области здравоохранения, мобилизации ресурсов и предоставлении услуг [5, р. 3; 6; 7, р. 240, 256; 8, р. 161 — 164]. Кроме того, границы стали неотъемлемыми компонентами дискурса безопасности, технологий управления и политики общественного здравоохранения, направленными на защиту населения страны от внешних угроз [4; 6; 8; 9]. Концепция политики общественного здравоохранения по-прежнему основывается на идеях геополитики и национальных интересах. Несмотря на то, что безопасность здоровья одной нации зависит от здоровья всех остальных, национальные (или групповые) интересы по-прежнему преобладают в сфере общественного здравоохранения [10]. В Европейском союзе совместная политика всеобщего здравоохранения и борьба с инфекционными заболеваниями реализуются в рамках понятий «безопасность здоровья» и «трансграничные угрозы здоровью» [11, р. 347, 361 — 363]. Как заключают Л. Бенгтссон и М. Райнард, смещение внимания ЕС в сторону социальной безопасности и кризисного управления означает, что «серьезные трансграничные угрозы здоровью» рассматриваются как качественно отличающиеся от обычных угроз распространения инфекционных заболеваний [11, р. 363].

В современных обществах практика пограничного скрининга в целях профилактики распространения заболеваний вызвана острыми вспышками быстро распространяющихся вирусных и бактериальных инфекционных заболеваний, таких как ВИЧ / СПИД и туберкулез. В контексте новых «повторно возникающих заболеваний и экономической глобализации», задолго до появления пандемии, А. Башфорд пишет о переходе от «международного» здравоохранения к «глобальному» [1, р. 10 — 13]. Угрозы биотерроризма, вспышки птичьего гриппа, атипичной пневмонии и других инфекционных заболеваний носят глобальный характер и, таким образом, влияют также и на общества «первого мира». Интернет и информационные и коммуникационные технологии, глобальные социальные сети, транснациональность, интенсивная трансграничная мобильность и финансовый капитализм «лишены места» и, соответственно, подрывают основы национального суверенитета и сфер влияния государства. При этом процесс борьбы с глобальными пандемиями коронавируса в 2003 году (SARS) и 2020 году (COVID-19) наглядно демонстрирует доминирование национальных государств в борьбе с заболеваниями, делая глобальное и европейское управление чрезвычайно слабым.

В случае с пандемией COVID-19, как пишут С. Радил, Дж. Пинос и Т. Птак [12], внезапное возобновление пограничного контроля является наиболее значимой политической стратегией сдерживания распространения вируса и управления кризисом. Быстрое возрождение национальных государств и территориальных границ предусматривает возобновление функционирования контрольно-пропускных пунктов и сил безопасности, ограничивающих международное, а в некоторых случаях и внутреннее перемещение людей. Новые и чрезвычайно жесткие ограничения передвижения выступают в качестве основных инструментов контроля, сдерживания рисков для здоровья и национальной безопасности и, таким образом, вводят ограничения не только на повседневную мобильность и общественные места, такие как магазины и общественный транспорт, но и серьезно ограничивают поездки и транснациональную деятельность. А. Пааси упоминает, что, несмотря на то, что многие государства вводят пограничный режим в качестве основного способа решения «проблемы», прерывание глобальных сетей и производственно-сбытовых цепей не позволяет считать эти меры оптимальным решением [13]. Как оптимист он предлагает другой вариант: пандемия должна стимулировать трансграничное и долгосрочное сотрудничество в области прогнозирования и обеспечения готовности к будущим пандемиям и в области разработки лекарств.

Границы Финляндии во время пандемии

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) 11 марта 2020 года объявила распространение в мире COVID-19 глобальной пандемией. Через несколько дней, 16 марта, на пленарном заседании правительство Финляндии впервые в мирное время объявило о введении трехмесячного чрезвычайного положения. Применение Закона о чрезвычайных полномочиях и Закона об инфекционных заболеваниях позволило компетентным органам издавать и применять целый ряд постановлений, ограничивающих основные права людей, закрепленные в конституции. Чтобы «предотвратить серьезную опасность для жизни и здоровья», правительство также регламентировало посещение жилищных служб и свободное передвижение пожилых людей и людей из других групп риска, доступ в государственные учреждения (школы, университеты), культурные объекты (библиотеки, в том числе передвижные, центры досуга и развлечений, музеи) и спортивные сооружения. Субъекты частного и негосударственных секторов, а также религиозные общины также должны были выполнять соответствующие предписания.

Согласно разделу 9 Конституции Финляндии, финским гражданам не должно быть запрещено въезжать в Финляндию, и каждый гражданин имеет право покинуть Финляндию. Однако законом могут быть предусмотрены ограничения права на выезд из страны, если они необходимы для обеспечения судебного разбирательства или исполнения наказаний или для реализации мер по национальной обороне².

Эта цитата из инструкций Пограничной службы Финляндии для пассажиров в отношении въезда в Финляндию указывает на один из ключевых принципов и методов пограничного контроля, установленных Законом о чрезвычайных полномочиях во время пандемии 2020 года, — способность ограничивать конституционное право людей на свободное передвижение внутри Финляндии и за ее пределами. На основании постановления правительства, Закона о пограничной охране и Шенгенского пограничного кодекса ЕС правительство 19 марта 2020 года ввело новые требования к въезду и утвердило ограничения приграничного движения. Пассажирское движение было ограничено на «восточной» границе и на «внутрен-

² *The instructions of the Finnish Border Guard to passengers regarding entry to Finland // RAJA 100. URL: https://www.raja.fi/current_issues/guidelines_for_border_traffic (дата обращения: 10.10.2020).*

них» границах Финляндии⁵. Правительство рекомендовало судоходным компаниям, работающим с Швецией, Эстонией и Германией, прекратить продажу билетов для пассажирских перевозок до середины мая, за исключением грузовых перевозок и обеспечения возвращения финских граждан и лиц, проживающих в Финляндии. Финским гражданам и лицам, проживающим в Финляндии, было рекомендовано немедленно вернуться в Финляндию и не выезжать за границу. «Основные поездки» для работы и доступа к другим «необходимым услугам» были тем не менее разрешены через северные и западные границы. Гражданам, возвращающимся в Финляндию из-за границы по суше, морю и воздуху, рекомендовалось оставаться в условиях, эквивалентных карантину, в течение 14 дней.

Финляндия граничит с четырьмя государствами: Эстонией, Швецией, Норвегией и Российской Федерацией. История Финляндии и изменения геополитической обстановки в регионе наглядно демонстрируют тот факт, что отношения с каждым из приграничных государств, а также с различными сегментами границ этой страны различны. Приведенные выше определения «восточные» или «внешние» границы относятся к границе с Россией, «внутренние» границы означают границы Шенгенского соглашения и свободное передвижение со Швецией, Норвегией и Эстонией. Указание на «основные поездки» и «необходимые услуги» относится к некоторым исключениям в отношении приграничных территорий на время действия Закона о чрезвычайных полномочиях. Эти политически сложные исключения, а также их реализация финской пограничной службой позволили осуществлять пересечение границ Финляндии некоторым пассажиропотокам. Однако расплывчатое определение «основных» и конституционных прав приводит к обсуждению фактической законности пограничной политики правительства, с одной стороны, и к гражданскому неповиновению и полулегальному пересечению границы — с другой.

Наблюдаются различия в числе зарегистрированных случаев COVID-19 и случаев смерти в Финляндии, Швеции и Эстонии (табл. 1). Благодаря более либеральной политике общее количество случаев заболевания, смертей, связанных с COVID-19, и число новых случаев на 100 тыс. населения в Швеции было намного выше, чем в двух других странах. Эта разница в эпидемиологической ситуации оказала непосредственное влияние на то, что финские и эстонские политики, а также пограничные органы здравоохранения рассматривали свободное передвижение на границе со Швецией как высокий риск. В то время как Эстония создала «балтийский пузырь» для свободного передвижения с Латвией и Литвой, Финляндия ужесточила «несущественную» мобильность со всеми своими соседями на севере (Швеция, Норвегия), на юге (Эстония) и на востоке (Россия).

Восточная граница Финляндии с Россией значительно отличается от границ Шенгенского соглашения со Швецией, Норвегией и Эстонией. Это внешняя граница Европейского союза, и, следовательно, она соответствует общим шенгенским правилам пограничного контроля, руководящим принципам ЕС и принципам обмена информацией. Когда 19 марта вступили в силу ограничения приграничного движения, пассажирские перевозки были строго регламентированы, и помимо грузов только некоторые обладатели двойного гражданства, приезжающие в Финляндию студенты и члены семей финских граждан могли пересекать границу. Следовательно, количество ежедневных пересечений границы в пограничном округе Юго-Восточной Финляндии упало с 8 000—15 000 пассажиров до 1 000—1 500 чел., около 80% из них составляли профессиональные водители грузовых автомобилей [14].

⁵ *Finnish border traffic to be restricted as of 19 March 2020* // RAJA 100. URL: https://www.raja.fi/current_issues/facts/news_from_the_border_guard/1/0/finnish_border_traffic_to_be_restricted_as_of_19_march_2020_79144 (дата обращения: 10.10.2020); *Matkailija*, palaa Suomeen. URL: https://um.fi/ajankohtaista/-/asset_publisher/gc654PySnjTX/content/ulkoministeri-c3-b6-c3-a41-c3-a4-matkusta-ulkomaille- (дата обращения: 10.10.2020).

Новые правила разрешали перевозку товаров через границу, но запрещали пассажирские перевозки в туристических целях. Россиянам-владельцам коттеджей в Финляндии разрешалось посещать свои дома, а финским приграничным жителям ездить в Россию в целях приобретения «дешевого» бензина. Проекты трансграничного сотрудничества были перенесены на онлайн-платформы; непосещение магазинов, торговых центров и аутлетов оказало отрицательное влияние на экономическое развитие таких регионов, как Юго-Восточная Финляндия, которые в значительной степени зависят от трансграничного бизнеса и туризма.

Таблица 1

**Случаи COVID-19, смертность, вызванная COVID-19
и количество новых случаев заболевания на 100 тыс. населения
за последние 14 дней месяца в Финляндии, Швеции и Эстонии в 2020 году ***

Месяц	Случаи заражения			Смертность			Новые случаи заражения на 100 тыс. чел. в среднем		
	Финляндия	Швеция	Эстония	Финляндия	Швеция	Эстония	Финляндия	Швеция	Эстония
Январь	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Февраль	3	11	1	0	0	0	0,01	0,01	0,005
Март	1315	4360	716	13	289	3	6,3	10,15	14,45
Апрель	4908	20968	1667	206	2803	50	28,76	63,83	40,48
Май	6828	38390	1866	316	4593	63	19,64	77,63	8,38
Июнь	7211	67 060	1988	328	5482	0	4,94	118,49	5,74
Июль	7425	76681	2052	329	5760	0	1,75	67,33	1,64
Август	8079	84234	2374	335	5839	64	4,49	34,42	8,45
Сентябрь	9894	93 160	3316	343	5895	0	11,38	33,52	26,03
Октябрь**	11 051	96 685	3716	346	5904	67	31,91	61,41	51,48

Примечание: * в целом на конец месяца; ** среднее значение на 8 октября.

Источник: Daily update of new reported cases of COVID-19 by country worldwide // European Centre for Disease Prevention and Control. URL: <https://www.ecdc.europa.eu/en/publications-data/download-todays-data-geographic-distribution-covid-19-cases-worldwide> (дата обращения: 10.10.2020).

В отличие от восточной границы с Россией западная и северная границы Финляндии со Швецией и Норвегией долгое время были открыты для местного приграничного движения. Для граждан стран Северной Европы (Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания и Исландия) паспортный режим был отменен с 1950-х годов, с момента вхождения в Шенгенскую зону в 2001 году пересечение границы осуществляется на любом ее участке [15], поэтому границы со Швецией и Норвегией фактически не существуют. Решение правительства от 19 марта восстановить пограничный контроль⁴ и запретить любое движение, кроме грузового и поездов на

⁴ В соответствии с Шенгенским пограничным кодексом (Temporary Reintroduction of Border Control // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/borders-and-visas/schengen/reintroduction-border-control_en (дата обращения: 10.10.2020) государства-члены могут временно возобновить пограничный контроль на внутренних границах в случае, если представляется серьезная угроза государственной политике или внутренней

работу по «уважительным причинам», вызвало жаркие споры. Учитывая большое число зарегистрированных в Швеции случаев COVID-19 это решение было принято одобрительно и одновременно вызывало большое число вопросов относительно его реализации. В объединенном центре города Хапаранда-Торнио, например, как и в других областях с многовековой совместной историей и социальной и бизнес-инфраструктурой, ограничения создали ряд определенных проблем и стали причиной «полулегального» движения через границу Швеции.

Морская граница с Эстонией потеряла свое значение после вступления Эстонии в ЕС в 2004 году, а также в Шенгенское соглашение в 2007 году. Как и сухопутная граница со Швецией, граница вдоль Финского залива превратилась в зону активной трансграничной агломерации бизнеса, туризма и труда. Введенный во время пандемии пограничный контроль Финляндии изменил как возможность путешествий и поездок, встреч между жителями двух странами, так и жизнь эстонских иммигрантов в Финляндии.

Далее рассмотрим вопрос о территориальной изоляции во время пандемии COVID-19 в Финляндии. Особое внимание будет уделяться цели правительства «защитить население и обеспечить безопасность функционирования общества» путем ограничения миграции и мобильности на внутренних границах Финляндии со Швецией и Эстонией. Материалом исследования послужили результаты академических исследований и сообщений в СМИ, материалы семинаров, а также опубликованные данные (новости, статистика и т.д.) и информация, полученная на встречах с представителями финской пограничной службой. Эти данные проанализированы с использованием метода качественного контент-анализа.

Медицинские работники, поездки за снюсом и акты гражданского неповиновения на шведской границе

История финско-шведской границы восходит к Фридрихсгамскому договору 1809 года, когда Швеция уступила Финляндию Российской империи, граница пролегла по Аландскому морю и Ботническому заливу на юге и по рекам Торнионйоки и Муонионйоки на севере. Будучи участниками договора о Северном сотрудничестве, Финляндия и Швеция реализуют программу свободного передвижения пассажиров и рабочей силы с 1950-х годов. Паспортный контроль был отменен в 1952 году. В 1960—1970-х годах свободное передвижение привело к массовой миграции в быстро развивающиеся промышленные города Швеции. Й. Коркисаари [16] отмечает, что около 545 000 финских граждан переехали в Швецию, а около 295 000 назад в Финляндию в 1945—2000 годах, что составило 70% всех финских эмигрантов за этот период, включая их потомков, и привело к увеличению численности населения Швеции примерно на полмиллиона жителей. Все это в сочетании с традиционно интенсивным трансграничным сотрудничеством в долине реки Торне, некогда единой культурной единице без границ и, наконец, вступлением в Шенгенское соглашение в 2001 году создало совместное пространство для культурного наследия и интенсивных социальных, экономических и политических встреч и обменов.

безопасности. Контроль должен оставаться исключением, уважать принцип соразмерности и быть ограниченным по времени. Ранее любой контроль осуществлялся на границе Финляндии и Швеции во время «миграционного кризиса» 2015—2016 годов, когда финская пограничная служба в сотрудничестве со шведской полицией осуществляла «усиленный иммиграционный контроль» (фин. «tehostettu ulkomaalaisvalvonta») (см., напр., [17; 18]). Формально это был не пограничный контроль, а, скорее, наблюдение за иностранными гражданами, включая проверку документов как в приграничных районах, так и в Финляндии в целом.

В контексте вышеупомянутой трансграничной интеграции решение правительства ограничить приграничное движение на финско-шведской границе 19 марта было исключительным. Граница была открыта только в пунктах пропуска Каресуванто, Колари, Муонио, Пелло, Торнио и Юлиторнио для грузовых перевозок и обратного движения, а также для пригородных и других поездок «по уважительной причине». Пересечение границы в других местах запрещалось. Все путешествующие, включая граждан Северной Европы, также были обязаны иметь при себе паспорт или официальное удостоверение личности. На практике новые ограничения парализовали повседневные встречи в приграничной зоне с семьей, друзьями, поездки на рабочие места, торговлю и бизнес по обе стороны границы. Различные темпы развития эпидемии в странах и различные меры борьбы с ней заложили основу дискуссий на государственном и гражданском уровнях и принципы сотрудничества по COVID-19.

По данным Европейского центра профилактики и контроля заболеваний⁵, первые случаи заболевания в Швеции были отмечены в конце февраля, и их число возросло до 20 000 случаев в конце апреля и до 93 000 в конце сентября. Эпидемия в Финляндии началась примерно на неделю позже, количество случаев заболевания в стране выросло до 5000 в конце апреля и до 9900 в конце сентября. Количество зарегистрированных случаев заболевания COVID-19 и количество смертей, связанных с COVID-19, в Швеции (5895 на 31 сентября) было примерно в десять раз больше, чем в Финляндии (343 на 31 сентября). Данные цифры являются отражением разных подходов к контролю над распространением пандемии (Швеция придерживается более либерального подхода к профилактике), а также опасений за неспособность медицины Финляндии выдержать чрезмерную нагрузку. Министр внутренних дел Финляндии Мария Охисало на правительственном брифинге по COVID-19 заявила: «Возможности интенсивной терапии на севере страны довольно ограничены, и мы не можем рисковать. Поэтому в ближайшие недели необходимо ограничить движение даже пригородного транспорта»⁶.

Соблюдая обязательства стран по свободе перемещения, границу между Финляндией и Швецией открыли 19 сентября, спустя шесть месяцев после беспрецедентного введения пограничного контроля. Таким образом, общественные обсуждения, а также социальные, экономические и политические последствия контроля над распространением заболевания в двух странах поднимают ряд интересных вопросов политики приграничья.

Во-первых, новые пограничные правила ограничивали «второстепенные» поездки в / из Швеции. Паромное сообщение между Хельсинки и Стокгольмом было остановлено, но, как часть важной инфраструктуры Финляндии, грузовое сообщение и движение возвращающихся пассажиров между Турку и Стокгольмом продолжались. На севере, где приграничная зона является совместной зоной поездок на работу, узкое толкование понятия поездок «по неуважительной причине», а также влияние ограничений на ежедневные поездки на работу вызвали некоторую озабоченность. Заместитель командующего Лапландским пограничным округом Янне Курвинен объяснил необходимость введения ограничений во время пандемии:

Были основательные причины для возобновления пограничного контроля. Он был введен для защиты людей, а не для того, чтобы им досаждал. Многие изменилось в приграничных районах, по крайней мере, в этот период, когда ведение регулярного бизнеса

⁵ *Daily update of new reported cases of COVID-19 by country worldwide* // European Centre for Disease Prevention and Control. URL: <https://www.ecdc.europa.eu/en/publications-data/download-todays-data-geographic-distribution-covid-19-cases-worldwide> (дата обращения: 10.10.2020).

⁶ *Hallitus aloittaa pikaisesti valmistelut pohjois- ja länsirajaliikenteen tiukentamiseksi — Joudumme jopa työmatkaliikennettä rajoittamaan, sisäministeri sanoo* // YLE. URL: <https://yle.fi/utiset/3-11283443> (дата обращения: 10.10.2020).

через границу было ограничено. Пересечение границ в целях осуществления регулярных покупок, банковских операций или посещений второго дома, которые не являются необходимыми для жизни людей, становится невозможным [19].

Окончательное решение о «неотложности» пересечения границы принималось пограничной службой, проверявшей цель поездки. Были случаи, как признает командующий Курвинен, когда понимание гражданами этого понятия отличалось от указанных правительством причин, что требовало последующих разъяснений. Поскольку эпидемиологическая ситуация в Швеции была значительно хуже, чем в Финляндии, усилия пограничной службы по ограничению распространения вируса получили решительную поддержку как в регионе, так и в Финляндии в целом. Рекомендация о самоизоляции оставалась в силе до открытия границы 19 сентября, в течение шести месяцев после введения контроля. Спустя неделю, 24 сентября, правительство вновь ввело пограничный контроль из-за быстро ухудшающейся эпидемиологической ситуации в Швеции, на этот раз исключая его распространение на жителей «приграничных сообществ»⁷. Тот факт, что особые потребности приграничных сообществ были в этот раз учтены, является заслугой Торговой палаты Лапландии, которая, среди прочего, потребовала регионально чувствительного подхода к политике здравоохранения⁸.

Второй важный аспект борьбы с распространением заболеваний, связанный с вышеупомянутыми конституционными правами, — это право граждан на выезд и въезд на территорию Финляндии в любое время. В начале пандемии COVID-19 в марте 2020 года правительство Финляндии ясно дало понять своим гражданам: границы закрыты, это не время для дачных поездок, разрешены только «неотложные» поездки за границу, и полиция, и пограничная служба гарантируют соблюдение закона. Однако в начале мая, спустя несколько месяцев после введения новых мер, местные СМИ и граждане, которые раньше ежедневно пересекали шведскую границу, внезапно осознали, что на самом деле запрет был незаконным и нарушал конституционные права граждан на въезд и выезд из страны. Проведя опрос общественного мнения, СМИ сделали вывод о том, что пограничная служба превысила свои полномочия, ограничив движение через границу со Швецией. Поскольку ограничения на приграничное движение использовались не только по медицинским показаниям, а от граждан, пытавшихся пересечь границу, были запрошены информация и документы, подтверждающие «неотложность» пересечения границы, эти меры были оценены как несоразмерные и даже выходящие за рамки компетенции властей [20]. Примечательно, что представители пограничной службы признают сомнительный характер ограничений, но оправдывают свои действия «необходимостью» соблюдения основных прав граждан на защиту их жизни и здоровья. В своем публичном ответе на критику и жалобы, поданные канцлеру юстиции и омбудсмену парламента, пограничная служба Финляндии уточняет:

Решение о восстановлении внутреннего пограничного контроля не нарушило гарантированную конституцией свободу передвижения, согласно которой граждане Финляндии никогда не должны встречать препятствий для въезда в страну. Кроме того, каждый

⁷ Чтобы облегчить ситуацию на Севере, правительство ввело режим без карантина для приграничных населенных пунктов. На границе со Швецией под действие режима попадают муниципалитеты Хапаранда, Оверторнео, Пайала и Кируна в Швеции, а также Торнио, Юлиторнио, Пелло, Колари, Муонио и Энонтекиё в Финляндии. На норвежской границе режим распространяется на муниципалитеты Сторфьорд, Кофьорд, Нордрейса, Каутокейно, Каарасйоок, Тана, Несеби и Сёр-Варангер в Норвегии, а также Энонтекиё, Инари и Утсйоки в Финляндии.

⁸ *Lapin Kauppakamarin Rajanylityskannanotto 23.9* // *Lapin Kauppakamari*. URL: <https://www.lapland.chamber.fi/lapin-kauppakamarin-rajanylityskannanotto-23-9/> (дата обращения: 10.10.2020).

гражданин гарантированно имеет право покинуть страну, если это право не ограничено законом. Следовательно, решения, принятые правительством относительно ограничения поездок, отчасти носят рекомендательный характер, и их цель заключалась в замедлении распространения пандемии. Таким образом, пограничная служба своими действиями и инструкциями поддержала реализацию целей правительства по обеспечению безопасности жизни и здоровья граждан⁹.

Действия пограничной службы по ограничению пересечения границы стало наглядным примером того, как два важнейших конституционных права в определенной степени вступили в противоречие во время чрезвычайного положения: право на защиту жизни и здоровья и право на свободу передвижения, пограничная служба при этом является исполнительным органом, реализующим решения правительства.

Упомянутый выше вывод, сделанный в СМИ, привел к незамедлительному росту числа пересечений на сухопутной границе, особенно между городами-побратимами Юлиторнио и Хапаранда-Торнио¹⁰. Многие печатные издания отмечали в качестве причин пересечений границы «поездки на работу и другие повседневные дела», но еще одной из причин нарушений запретов на перемещение и совершения актов гражданского неповиновения стали поездки за снюсом¹¹, цена которого на черном рынке Финляндии значительно выросла. Некоторые граждане, несмотря на настоятельные рекомендации не путешествовать, пренебрегли ими. Так гражданин из Кеми, что примерно в 30 км от границы, у которого закончились личные запасы снюса, узнал благодаря «сарафанному радио» о своем конституционном праве посещать Швецию и, несмотря на пограничный контроль и карантин, решил отправиться за покупками. Вот что он рассказывает о своих поездках:

Да, я сделал то, что запрещено. Нужно было выдержать двухнедельный карантин после поездки, но я снова поехал уже через неделю, вот такой вот бунт. <...> Иногда пограничники ворчат, спрашивают, какие у меня личные причины [пересечь границу], а я отвечаю, что не обязан рассказывать [21].

Большинство случаев пересечения границы на территории пограничного округа Лапландии все-таки было связано с поездками на работу и другими «неотложными» причинами, такими как посещение родственников¹². В качестве уступки министр внутренних дел Мария Охисало признала конституционные права финских граждан на выезд за границу и поддержала новое решение правительства о предоставлении «приграничным сообществам» Финляндии, Швеции и Норвегии особо-

⁹ *Rajavartiolaitoksen toiminnan perusteista sisärajavallonnassa* // RAYA 100. URL: https://www.raja.fi/ajankohtaista/tietoa/tiedotteet/1/0/rajavartiolaitoksen_toiminnan_perusteista_sisarajavallonnassa_79675 (дата обращения: 10.10.2020).

¹⁰ Хапаранда-Торнио — один из городов-близнецов — это городская агломерация с населением около 32 000 жителей, которая состоит из города Хапаранда в Швеции и города Торнио в Финляндии. По данным Т. Майнио [22], границу в Торнио в 2019 году пересекли 13,5 млн чел. В Хапаранде и прилегающей к ней шведской стороне долины большинство врачей и обслуживающего персонала, учителей, работников по уходу за престарелыми и т.д. являются гражданами Финляндии. Города имеют более 40 соглашений о сотрудничестве и проектов, включая совместную школу, туристический центр, водоочистные и отопительные установки, краеведческий музей и, конечно же, магазин Ikea.

¹¹ Снюс — это влажный некурительный табак родом из Швеции. Он также широко используется в Финляндии, но не продается в других странах ЕС, кроме Швеции.

¹² *Liikenne kasvaa Lapin sisärajoilla — Ylitornio ja Kilpisjärvi ovat vilkkaimmat Lapin rajavartiolaitos valvomat rajanylityspaikat länsi- ja pohjoisrajoilla* // RAYA 100. URL: https://www.raja.fi/tr/tiedotteet/1/0/liikenne_kasvaa_lapin_sisarajoilla_-_ylitornio_ja_kilpisjarvi_ovat_vilkkaimmat_lapin_rajavartiolaitos_valvomat_rajanylityspaikat_lansi-ja_pohjoisrajoilla_79783 (дата обращения: 10.10.2020).

го статуса¹⁵. Новое соглашение, вступившее в силу 29 сентября, разрешило жителям приграничных муниципалитетов пересекать границу, даже если пересечение было ограничено в целом из-за ухудшения эпидемиологической ситуации в Швеции. При этом Охисало призвала финнов воздерживаться от любых поездок:

«Граждане Финляндии имеют право выезжать из страны и возвращаться в любое время, но я также призываю к моральной ответственности граждан, призываю не забывать, что пограничники медсестры и врачи каждый день рискуют своим здоровьем» [21].

Туризм и принятие семейных решений на границе с Эстонией

Второй предмет исследования в этой статье — ситуация на границе Финляндии с Эстонией во время распространения эпидемии COVID-19, которая значительно отличается от рассмотренной выше ситуации на границе со Швецией. В истории финско-эстонских культурных отношений с середины XIX века до наших дней наблюдаются различные фазы их развития и мобильности [24]. В том виде, в котором отношения между Финляндией и Эстонией находятся сейчас, они начали устанавливаться в период после распада Советского Союза. Запуск регулярного водного сообщения в 1965 году открыл новые возможности для путешествий. Прежде эстонцы, конечно, могли знакомиться с культурой Финляндии благодаря радио и телевидению, однако не решались совершать путешествия в эту страну по причине жестких ограничительных правил выезда из СССР, при том что поток финских туристов постепенно увеличивался. Открытие границ после восстановления независимости Эстонии в 1991 году и, в частности, вступление Эстонии в ЕС в 2004 году и Шенгенскую зону в декабре 2007 года полностью изменили миграцию и многократно интенсифицировали трансграничные поездки через Финский залив. Будучи критически важным компонентом инфраструктуры Финляндии, основное паромное сообщение между двумя странами продолжалось во время пандемии, однако разрешена была только перевозка грузов, а ограничения в первую очередь касались туризма, эстонской рабочей миграции в Финляндию и путешествий членов семей эстонских мигрантов.

Район, который шутливо называют Талсинки или Хеллинн¹⁴, за несколько десятилетий превратился в транснациональное пространство, где мобильность людей, товаров и услуг является постоянной и повседневной практикой. По данным Банка Эстонии¹⁵, в 2019 году в Эстонию было совершено более 6,1 млн поездок нерезидентов, из которых около 2 млн совершили финны. По оценкам поступления от туризма в размере 2 млрд евро составили около 8% ВВП Эстонии в 2018 году¹⁶,

¹⁵ *The instructions of the Finnish Border Guard to passengers regarding entry to Finland* // RAYA 100. URL: https://www.raja.fi/current_issues/guidelines_for_border_traffic (дата обращения: 10.10.2020).

¹⁴ Названия Талсинки или Хеллинн образованы на основе идеи существования города-близнеца, состоящего из столицы Финляндии Хельсинки и столицы Эстонии Таллина. Стратегическое сотрудничество городов воплощено в образе города-близнеца, имеющего конкретные цели развития, реализуемые посредством мобильности людей и товаров, услуг для нерезидентов, конкурентоспособности и маркетинга региона и достижения благополучия Балтийского моря. Это понятие было распространено на конкретные проекты, направленные на развитие сотрудничества и инфраструктуры (например, строительства туннеля) в регионе.

¹⁵ *Inbound travel* // Eesti Pank 2020. URL: <https://statistika.eestipank.ee/#/en/p/1410/r/2831/2620> (дата обращения: 10.10.2020).

¹⁶ *OECD Tourism Trends and Policies 2020*. URL: <https://doi.org/10.1787/6b47b985-en> (дата обращения: 10.10.2020).

следовательно роль финских туристов в экономике страны является ключевой. Во время пандемии общее количество ночевков в Эстонии сократилось на 45%, с примерно 4,9 млн в 2019 году (январь — август) до 2,67 млн в 2020 году. Путешествия эстонцев внутри страны во время летних каникул смогли частично компенсировать сокращение потока иностранных туристов на 62%. За первые восемь месяцев 2020 года финские туристы совершили около 21% от всех ночевков в Эстонии (34% в Таллине), при этом доля всех иностранных ночевков (41%) была значительной¹⁷.

Число финских туристов начало сокращаться в середине марта и начале апреля (табл. 2) после распространения «рекомендаций о запрете на поездки» и ограничения продажи билетов на пассажирские перевозки, принятых финским правительством. После относительного улучшения эпидемиологической ситуации в Эстонии самыми популярными направлениями для финнов оставались Таллин и Пярну, Эстония во время пандемии быстро заменила многим финнам «традиционные» направления летнего отдыха в Греции и Испании, так как эта страна знакома, легкодоступна и безопасна.

Таблица 2

Количество ночевков финнов в Эстонии в январе — августе 2020 года

Город	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август
Всего	71 950	101 165	30 978	262	1873	37 248	156 166	78 126
Таллин	51 456	74 609	20 652	125	1407	22 243	89 958	46 442
Пярну	11 908	15 724	6363	37	147	8848	38 822	16 476
Тарту	2696	3018	956	63	148	1640	8103	3888
Другие	5890	7814	3007	37	171	4517	19 283	11 320

Источник: *Turismi arengu ülevaated // Puhka Eestis*. URL: <https://www.puhkaeestis.ee/et/uuringud-ja-ulevaated/turismi-arengu-ulevaated> (дата обращения: 10.10.2020).

Р. Алхо и К. Кумер-Хауканёмм описывают масштабы и двусторонний характер мобильности и миграции между Финляндией и Эстонией, которые, по их словам, «бросают вызов такому бинарному и грубому определению идентичности, как “финн” или “эстонец”, и формируют новые значения понятий “дом”, “иностранец”, “присутствие” и “отсутствие”» [25, р. 17].

Долгосрочная миграция и транснациональная жизнь также стали частью реальности в этом регионе. Число эстонских иммигрантов в Финляндии увеличилось с 710 в 1990 году до примерно 29 000 в 2010 году и 51 000 в 2019 году¹⁸. Р. Альхо и К. Кумер-Хауканёмм утверждают, что фактически, «эстонцы» — это разнородная группа, состоящая не только из эстонцев, но также из ингерманландских финнов и русскоязычных представителей нескольких национальностей [25, р. 18]. Помимо туристов и трудовых мигрантов, в эту группу входят студенты и предприниматели, а также супруги, дети и пенсионеры, иммигрировавшие вместе с семьей. Поскольку многие эстонцы не регистрируют свое пребывание в Финляндии, а ездят между «домом» в Эстонии и в Финляндии, эти цифры могут быть намного выше. В период с 1992 по 2019 год более 8500 эстонцев также получили финское гражданство¹⁹.

¹⁷ *Turismi arengu ülevaated // Puhka Eestis*. URL: <https://www.puhkaeestis.ee/et/uuringud-ja-ulevaated/turismi-arengu-ulevaated> (дата обращения: 10.10.2020).

¹⁸ *Statistics Finland 2020, Immigrants and integration // Statistics Finland's PxWeb databases*. URL: http://pxnet2.stat.fi/PXWeb/pxweb/en/Maahanmuuttajat_ja_kotoutuminen/ (дата обращения: 10.10.2020).

¹⁹ *Ibid.*

В 2011 году около 80—90% эстонцев в Финляндии были мужчины, которые регулярно ездили в Финляндию на работу. Многие из них осуществляли поездки еженедельно, ежемесячно или реже. Расстояние между столицами Финляндии и Эстонии составляет всего 80 км, города связаны недорогим двухчасовым паромным сообщением через Финский залив. Заработная плата, условия труда и возможности трудоустройства в Финляндии лучше, чем в Эстонии, что позволяет приезжающим не только получать более высокий доход, но и чувство финансовой безопасности и общего благополучия. Имея крепкие семейные и дружеские отношения в Эстонии, большинство мигрантов не испытывают желания менять страну проживания [26, s. 141; 27, s. 158, 164—166], в результате чего их транснациональный образ жизни, состоящий из постоянных путешествий и отношений на расстоянии в разлуке с семьей, может привести к чувству одиночества, отчуждения между отцом и его детьми, к параллельным отношениям или разводу. Поэтому регулярное общение и качественно проведенное время в кругу семьи в выходные дни, подкрепленное чувством финансовой безопасности, позволяющим иметь перспективы материального обеспечения будущего детей, несомненно, оказывают положительное влияние на отношения [27; 28]. Дети мигрантов, в свою очередь, получая определенную материальную выгоду от работы членов семьи за границей, испытывают определенные трудности с принятием «необходимости» ситуации [29, s. 94]

Таким образом, количество членов семьи или целых семей, иммигрирующих в Финляндию, постепенно увеличивалось благодаря в том числе расширению спектра личных связей и социальных сетей. В статье об эстонских строителях, ставших «узниками “короны”» в Финляндии [30], описаны проблемы, с которыми столкнулись эстонские трудовые мигранты и их семьи в результате внезапного введения ограничений приграничного движения. Поскольку поездки эстонцев на работу по Финскому заливу не считались «уважительными», решение правительства прекратить продажу билетов на пассажирские перевозки приостановило жизнь эстонских мигрантов — им пришлось выбирать между возвращением «домой» в Эстонию или заработком в Финляндии без уверенности в том, что они вернуться домой до окончания пандемии. В статье, опубликованной в начале мая [30], эстонский строитель выражает свое мнение по поводу ситуации, которое, с нашей точки зрения, разделяет большинство эстонцев, приезжающих в Финляндию на работу:

С момента введения ограничений я свою семью не видел. <...> Конечно, скучаю по своим близким. Никто из нас еще дома не был, все мужчины ходят хмурые. Но у нас нет выбора, если мы поедem в Эстонию, то не сможем вернуться. Все остаются здесь, потому что боятся потерять работу.

Этому мужчине удалось посетить день рождения своего сына в Эстонии за полтора месяца до введения ограничений, из-за которых ему пришлось спешно вернуться на работу. Большинству мужчин сложно жить отдельно от семей, часто в съемных квартирах с несколькими другими мигрантами-мужчинами. Некоторые решили вернуться домой и найти альтернативную работу в Эстонии, другие приняли решение остаться в Финляндии, где рынок труда более регулируемый и безопасный. В [30] приводятся слова двух мигрантов об использовании новых телекоммуникационных технологий для связи с семьей. Этот инструмент поддержания связи с домом является значимым не только для эстонцев в Финляндии, но и для мигрантов по всему миру (см., напр., [27; 31]).

Я разговариваю с ними каждый вечер по видеосвязи. Это своего рода развлечение, не так ли? Они ждут встречи со мной, а я с ними. Я здесь ради своей семьи, чтобы зарабатывать денег.

Каждое утро, в обеденное время и вечером мы общаемся по видеозвонку, но ощущение физического отсутствия огромно. <...> Моей жене тоже было непросто в Испании [где она живет], там ограничения были особенно жесткими, она могла выйти из квартиры только для того, чтобы вынести мусор и сходить в магазин.

Стоит упомянуть, что институт транснациональных отношений и привязанности между членами семей мигрантов испытал потрясения после решения правительства ограничить мобильность между двумя странами. Используя концепции Д. Брайссона и У. Вуорела [32] и П. Пёллянена [33], П. Сиим [26, s. 142] поясняет, что у транснациональных семей есть особые, зачастую специально сформированные, способы выражения любви, привязанности и заботы, вызванные разлукой, которые укрепляют семьи как таковые. Так, в приведенном выше примере видеозвонки являются важной повседневной практикой облегчения эмоциональных переживаний мигрантов, не уменьшающие, однако, желания быть рядом и беспокойства о членах семьи. Поэтому в то время как у некоторых мигрантов не было иного выбора, кроме как «ждать и надеяться» на изменения в правилах приграничного движения, другие уехали обратно в Финляндию или пытались найти «альтернативные» способы пересечения границы. Один из мигрантов объясняет [30]:

Можно взять коммерческий автотранспорт и ехать, поскольку грузовые перевозки разрешены, на маленьком фургоне можно легко пересечь границу. На таможне можно сказать, что везете товары, тогда финская таможня пропускает без труда. Теоретически таким образом можно было бы даже навестить свою семью в Эстонии, но этого еще никто не делал, мы пока просто ждем и надеемся на то, что финское правительство ослабит пограничные ограничения по воскресеньям.

Мигранты, выезжающие на работу, были освобождены от 14-дневного карантина после принятого 12 сентября финским правительством решения об ужесточении ограничения поездок. Эта мера является важным шагом, облегчающим проблему перемещения как для эстонских рабочих мигрантов, так и для финских компаний. Она встретила большое одобрение со стороны правительства Эстонии. Финское правительство также ввело понятие «приграничных сообществ» на шведской границе, благодаря чему эстонские мигранты, выезжающие на работу, также получили особый статус для пересечения границы.

Заключение

Закрытие границ как основной способ борьбы с распространением заболеваний — явление не новое. В контексте глобализированной экономики, транснациональных сетей, транснационального образа жизни, а также производственно-сбытовых цепочек стремление властей максимально ограничивать поездки и транснациональные практики не всегда представляется идеальной мерой. Будучи популярным инструментом контроля и сдерживания рисков для здоровья и национальной безопасности в государственном контексте, закрытые границы обеспечивают безопасность повседневной мобильности и общественных мест. Разрешение на осуществление грузовых перевозок и «неотложных» поездок на работу на «внутренних» границах означает признание важности функционирующих пунктов пересечения границы для экономики, производительности и безопасности Финляндии. Как наглядно демонстрируют достигнутые недавно особые договоренности о «приграничных сообществах» и поездках на работу, правительство в конце концов отреагировало на критику и дипломатическое давление и приняло меры по уменьшению социальных издержек, вызванных закрытием границ.

Правительство Финляндии защищает свое население и обеспечивает безопасность функционирования общества во время пандемии, ограничивая мобильность и миграцию из соседних государств. Закрытие «внешней» границы Финляндии с Россией особенно негативно сказалось на приграничных торговых операциях и местной экономике. «Внутренние» границы со Швецией и Эстонией, которые являются предметом анализа данной статьи, представляют собой два разных исторических,

социальных и экономических контекста пограничных регионов в пределах Европейского союза. Практика и культура пересечения границ на севере имеет многовековую историю, но десятикратный рост числа заболевших COVID-19 в Швеции «вынудил» Финляндию ограничить приграничное движение более чем на полгода и закрыть интегрированную приграничную зону, в которой люди ежедневно пересекали границу в целях работы, отдыха, семейных дел и совершения покупок. Введение понятия «приграничное сообщество» и возвращение свободного передвижения через границу для жителей приграничных регионов было осуществлено только осенью 2020 года, когда правительство восстановило пограничный контроль в связи с ухудшением эпидемиологической ситуации в Швеции. На юге пересечение границы между Финляндией и Эстонией по Финскому заливу стало обычной практикой только в последние десятилетия. Карантин в этом регионе нарушил не только оживленный туристический обмен, но и личные встречи и связи между пассажирами, добирающимися до работы, семьями мигрантов и другими гражданами. Примечательно, что закрытие границ также разрушило физическое единение многих транснациональных семей и личных сетей, а также нанесло значительный экономический ущерб как бизнесу, так и регионам в целом. Направленная на предотвращение распространения инфекции мера нанесла удар экономически и социально интегрированным регионам.

Пандемия COVID-19 изменила наше понимание концепта глобализации и европеизации мира. Иллюзия глобального мира и Европы без границ обернулась расцветом национальных государств, при котором сама идея о международном сотрудничестве становится пугающей, а различные виды осуществления пограничных практик являются более строгими, чем когда-либо. Помимо территориальных границ государств практика установления границ распространилась и на общественные места и пространства за пределами приграничных территорий, а граждане, стремящиеся пересечь границу, автоматически вызывают подозрение. В условиях сильного политического давления и методологического обеспечения существования национальных государств введение новых практик может остаться незамеченным, однако необходимо задаться вопросом о целесообразности и эффективности ограничений мобильности для решения основной задачи, а также о затратах, которые в равной степени несут граждане, местные сообщества и бизнес.

Список литературы

1. *Bashford A.* The Age of Universal Contagion: History, Disease and Globalisation // *Bashford A. (ed.) Medicine at the Border: Disease, Globalisation and Security, 1850 to the Present.* N.Y., 2007, P. 1—17. https://doi.org/10.1057/9780230288904_1.
2. *Craddock S., Brown T.* Representing the Un/healthy Body // *Brown T., McLaffety S., Moon G.* A Companion to Health and Medical Geography. Chichester, 2010. <https://doi.org/10.1002/9781444314762.ch17>.
3. *Elliot S.* Health Geography // *Michalos A.C. (ed.) Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research.* Dordrecht, 2014. https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_1248.
4. *Ingram A.* The New Geopolitics of Disease: Between Global Health and Global Security // *Geopolitics.* 2005. Vol. 10, № 3. P. 522—545. <https://doi.org/10.1080/14650040591003516>
5. *Youde J.* Global Health Governance. Cambridge, 2012.
6. *Ng N.Y., Ruger J.P.* Global Health Governance at a Crossroads // *Global Health Governance.* 2011. Vol. 3, № 2. P. 1—37.
7. *Weir L., Mykhalovskiy E.* The Geopolitics of Global Public Health Surveillance in the Twenty-First Century // *Bashford A. (ed.) Medicine at the Border.* L., 2007. P. 240—263. https://doi.org/10.1057/9780230288904_13.

8. *Coker R., Ingram A.* Passports and Pestilence: Migration, Security and Contemporary Border Control of Infectious Diseases // *Bashford A. (ed.) Medicine at the Border: Disease, Globalisation and Security, 1850 to the Present.* N. Y., 2007. P. 159—176. https://doi.org/10.1057/9780230288904_9.
9. *Mawani R.* Screening out Diseased Bodies: Immigratory HIV Testing and the Making of Healthy Canada // *Bashford A. (ed.) Medicine at the Border: Disease, Globalisation and Security, 1850 to the Present.* N. Y., 2007. P. 136—158. https://doi.org/10.1057/9780230288904_8.
10. *Zylberman P.* Civilising the State: Borders, Weak States and International Health in Modern Europe // *Bashford A. (ed.) Medicine at the Border: Disease, Globalisation and Security, 1850 to the Present.* N. Y., 2007. P. 21—40. https://doi.org/10.1057/9780230288904_2.
11. *Bengtsson L., Rhinard M.* Securitisation across borders: the case of 'health security' cooperation in the European Union // *West European Politics.* 2019. Vol. 42, № 2. P. 346—368. <https://doi.org/10.1080/01402382.2018.1510198>.
12. *Radil S.L., Pinos J.C., Ptak T.* Borders resurgent: towards a post-Covid-19 global border regime? // *Space and Polity.* 2020. <https://doi.org/10.1080/13562576.2020.1773254>
13. *Paasi A.* Virukset, rajat ja liikkuvuus. URL: <https://www oulu.fi/blogs/science-with-arctic-attitude/virukset-rajat-ja-liikkuvuus-> (дата обращения 10.10.2020).
14. *Jeskanen J.* Suomen ja Venäjän rajaliikenteeseen lisää helpotuksia. URL: [venäläiset kiinteistönomistajat pääsevät Suomeen lokakuusta lähtien, Helsingin Sanomat.](https://www.hs.fi/ulkomaat/art-2000006655173.html) URL: <https://www.hs.fi/ulkomaat/art-2000006655173.html> (дата обращения 23.10.2020).
15. *Niemenkari A.* The Finnish Border Security Concept. Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces // *DCAF Working Paper Series.* 2002. № 7. URL: <http://www.ciaonet.org/catalog/11813> (дата обращения 10.10.2020).
16. *Korkisaari J.* Suomalaisten Ruotsiin suuntautuneen siirtolaisuuden yhteiskunnalliset syyt 1900-luvulla, Turku, Siirtolaisinstituutti. URL: https://arkisto.org/wp-content/uploads/2017/08/005_Korkiasaari.pdf. (дата обращения 10.10.2020).
17. *Hiljanen P.* Tehostettu ulkomaalaisvalvonta käynnistetään — raja, poliisi ja tulli yhteistyöhön Torniossa // *YLE.* URL: <http://yle.fi/uutiset/3-8306444> (дата обращения 10.10.2020).
18. *Palttila P.* Suomi vahvistaa ulkomaalaisvalvontaa koko maassa — Orpo: Toinen järjestyksessä mahdollinen // *Helsingin Sanomat.* URL: <http://www.hs.fi/politiikka/art-2000002853769.html> (дата обращения 10.10.2020).
19. *Pelttari-Heikka S.* Tiina kulkee päivittäin rajan yli töihin // *Lapin Kansa.* URL: <https://www.lapinkansa.fi/tiina-kulkee-rajan-yli-paivittain-toihin-ruotsiin/733486> (дата обращения 10.10.2020).
20. *Juntti P.* Rajavartiolaitosta arvostellaan toimivaltuuksien ylittämisestä — viranomaisen mukaan rajanylityksistä on luovuttu vapaaehtoisesti, mutta moni suomalainen kokee tullessaan käännetyksi // *YLE.* URL: <https://yle.fi/uutiset/3-11361985> (дата обращения 12.10.2020).
21. *Pikkarainen A.* Rajaliikenne kasvoi jo 168 prosenttia: IL meni Ruotsiin nuuskanhakija-Esan kanssa — näin kävi // *Iltalehti.* URL: <https://www.iltalehti.fi/kotimaa/a/50055018-d3ac-45a1-a986-0d55d4769fda> (дата обращения 10.10.2020) (in Finnish).
22. *Mainio T.* Corona separated the twin-city // *Kauppalehti.* URL: <https://www.kauppalehti.fi/uutiset/korona-erotti-kaksoiskaupungin/8ea6b51c-396a-463c-bf8a-72f4df487486> (дата обращения 10.10.2020).
23. *Pikkarainen A., Taleva K.* Sisäministeri Ohisalo vetoaa suomalaisten moraalisiin rajanylityksissä: ”Poliitikko ei voi määrättömästi laittaa rajoituksia” // *Iltalehti.* URL: <https://www.iltalehti.fi/politiikka/a/76153116-85cb-494b-8ee7-435d494e4b20> (дата обращения 10.10.2020).
24. *Rausmaa H.* Suomen ja Viron poliittiset kulttuurisuhteet // *Alho R., Kumer-Haukanömm K. (eds.) Liikkuvuus, muuttoliike ja ylijärjetykset Suomen ja Viron välillä.* Turku, 2020. P. 44—60.
25. *Alho R., Kumer-Haukanömm K.* Introduction // *Alho R., Kumer-Haukanömm K. (eds.) Liikkuvuus, muuttoliike ja ylijärjetykset Suomen ja Viron välillä.* Turku, 2020. P. 13—28.
26. *Sii P.M.* Ylijärjetykset yhteenkuuluvuutta ja hoivaa: sukupolvien väliset suhteet Suomessa asuvissa virolaisissa perheissä // *Alho R., Kumer-Haukanömm K. (eds.) Liikkuvuus, muuttoliike ja ylijärjetykset Suomen ja Viron välillä.* Turku, 2020. P. 141—156.

27. *Telve K.* Pendelöinnin vaikutus lähisuhteisiin Suomessa työskentelevien virolaismiesten esimerkin mukaan // Alho R., Kumer-Haukanömm K. (eds.). Liikkuvuus, muuttoliike ja ylijärjetykset suhteet Suomen ja Viron välillä. Turku, 2020. P. 157–169.

28. *Telve K.* Absent or involved: changes in fathering of Estonian men working in Finland // Gender, Place & Culture. 2018. Vol. 25, № 8. P. 1257–1271. <https://doi.org/10.1080/0966369x.2018.1450227>.

29. *Siim P., Assmuth L.* Kotona kahdessa maassa: Ylijärjetyksen lapsuuden tulkinnot Suomeen muuttaneissa lapsiperheissä // Kivijärvi A., Peltola M. (ed.). Lapset ja nuoret muuttoliikkeessä: Nuorten olot — vuosikirja. Helsinki, 2016. P. 91–104.

30. *Möttus-Lepik E.* Eesti ehitajad Soomes koroonavangis: kolm kalevipoega räägivad, miks nad jäid Soome // Postimees. URL: <https://leht.postimees.ee/6964601/eesti-ehitajad-soomes-koroonavangis-kolm-kalevipoega-raagivad-miks-nad-jaid-soome> (дата обращения 10.10.2020).

31. *Urinboev R.* Establishing an ‘Uzbek Mahalla’ via Smartphones and Social Media: Everyday Transnational Lives of Uzbek Labor Migrants in Russia // Laruelle M. (ed.) Constructing the Uzbek State: Narratives of Post-Soviet Years. Lexington books, 2017. P. 119–148.

32. *Bryceson D., Vuorela U.* Transnational Families in the Twenty-first Century // Bryceson D., Vuorela U. (eds.) The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks. Oxford, 2002. P. 3–29. <https://doi.org/10.5040/9781474215855.ch-001>

33. *Pöllänen P.* Hoivan rajat. Venäläiset maahanmuuttajanaiset ja ylijärjetyksen perhehoiva. Helsinki, 2013.

Об авторе

Йони Вирккунен, доктор наук, руководитель исследовательских проектов, Карельский институт, Университет Восточной Финляндии, Финляндия.

E-mail: joni.virkkunen@uef.fi

<https://orcid.org/0000-0002-8845-1396>

DISEASE CONTROL AND BORDER LOCKDOWN AT THE EU'S INTERNAL BORDERS DURING THE COVID-19 PANDEMIC: THE CASE OF FINLAND

J. Virkkunen

University of Eastern Finland
2 Yliopistokatu St., Joensuu, FI-80101, Finland

Received 10 October 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-5
© Virkkunen, J., 2020

The article discusses the lockdown of the EU's internal borders during the COVID-19 pandemic in Finland. Special attention is paid to bordering as a means of disease control and the governments' aim to "protect the population and secure functions of society". Not only did the government restrict flights and 'non-essential' travel from non-Schengen

To cite this article: Virkkunen, J. 2020, Disease control and border lockdown at the EU's internal borders during COVID-19 pandemic: the case of Finland, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no. 4, p. 83–101. doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-5.

countries such as Russia, China and Thailand but, with some exceptions, it also restricted travel-to-work commuting and everyday cross-border encounters between Finland and its Schengen neighbours of Sweden, Norway and Estonia. The restrictions hampered tourism and migrant-dependent industries as well as complicated the lives of migrants' families. While the lockdown of the Estonian and Russian border does not cause any debates in Finnish society, the closure of the Finnish-Swedish border that has been completely open since the 1950s and the new regime led to a debate of citizens' constitutional rights and to civil disobedience that materialised in semi-legal border crossings.

Keywords:

bordering, COVID-19, pandemic, EU's internal borders, Estonia, Finland, Sweden

References

1. Bashford, A. 2007, The Age of Universal Contagion': History, Disease and Globalisation. In: Bashford, A. (ed.) *Medicine at the Border: Disease, Globalisation and Security, 1850 to the Present*, New York, Palgrave Macmillan, p. 1—17. doi: https://doi.org/10.1057/9780230288904_1
2. Craddock, S., Brown, T. 2010, Representing the Un/healthy Body. In: Brown, T., McLafferty, S., Moon, G. *A Companion to Health and Medical Geography*, Chichester, John Wiley & Sons. doi: <https://doi.org/10.1002/9781444314762.ch17>.
3. Elliot, S. 2014, Health Geography. In: Michalos, A. C. (ed.) *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*, Dordrecht, Springer, available at: https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_1248 (accessed 10.10.2020).
4. Ingram, A. 2005, The New Geopolitics of Disease: Between Global Health and Global Security, *Geopolitics*, vol. 10, no. 3, p. 522—545. doi: <https://doi.org/10.1080/14650040591003516>.
5. Youde, J. *Global Health Governance*, Cambridge, Polity Press, 2012.
6. Ng, N. Y., Ruger, J. P. 2011, Global Health Governance at a Crossroads, *Global Health Governance*, vol. 3, no. 2, p. 1—37.
7. Weir, L., Mykhalovskiy, E. 2007, The Geopolitics of Global Public Health Surveillance in the Twenty-First Century. In: Bashford, A. (eds) *Medicine at the Border*, London, Palgrave Macmillan, p. 240—263, available at: https://doi.org/10.1057/9780230288904_13 (accessed 10.10.2020).
8. Coker, R., Ingram, A. 2007, Passports and Pestilence: Migration, Security and Contemporary Border Control of Infectious Diseases. In: Bashford, A. (ed.) *Medicine at the Border: Disease, Globalisation and Security, 1850 to the Present*, New York, Palgrave Macmillan, p. 159—176. doi: https://doi.org/10.1057/9780230288904_9.
9. Mawani, R. 2007, Screening out Diseased Bodies: Immigratory HIV Testing and the Making of Healthy Canada. In: Bashford, A. (ed.) *Medicine at the Border: Disease, Globalisation and Security, 1850 to the Present*, New York, Palgrave Macmillan, p. 136—158. doi: https://doi.org/10.1057/9780230288904_8.
10. Zylberman, P. 2007, Civilising the State: Borders, Weak States and International Health in Modern Europe. In: Bashford, A. (ed.) *Medicine at the Border: Disease, Globalisation and Security, 1850 to the Present*, New York, Palgrave Macmillan, p. 21—40. doi: https://doi.org/10.1057/9780230288904_2.
11. Bengtsson, L., Rhinard, M. 2019, Securitisation across borders: the case of 'health security' cooperation in the European Union, *West European Politics*, vol. 42, no. 2, p. 346—368. <https://doi.org/10.1080/01402382.2018.1510198>.
12. Radil, S. L., Pinos, J. C., Ptak, T. 2020, Borders resurgent: towards a post-Covid-19 global border regime? *Space and Polity*. doi: <https://doi.org/10.1080/13562576.2020.1775254>.
13. Paasi, A. Virukset, rajat ja liikkuvuus, *University of Oulu*, available at: <https://www oulu.fi/blogs/science-with-arctic-attitude/virukset-rajat-ja-liikkuvuus> (accessed 10.10.2020).
14. Jeskanen, J. Suomen ja Venäjän rajaliikenteeseen lisää helpotuksia, *Uutiset*, available at: www.hs.fi/ulkomaat/art-2000006655173.html (accessed 23.10.2020) (in Finnish).

15. Niemenkari, A. 2002, The Finnish Border Security Concept, Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces, *DCAF Working Paper Series*, no. 7, available at: <http://www.ciaonet.org/catalog/11813> (accessed 10.10.2020).
16. Korkisaari, J. 2017, *Suomalaisten Ruotsiin suuntautuneen siirtolaisuuden yhteiskunnalliset syyt 1900-luvulla*, Turku, Siirtolaisinstituutti, available at: https://arkisto.org/wp-content/uploads/2017/08/005_Korkiasaari.pdf. (accessed 10.10.2020) (in Finnish).
17. Hiljanen, P. 2015, Intensified Immigration Monitoring begin — Border, Police and the Customs to Cooperate in Tornio, *YLE*, 15.9.2015, available at: <http://yle.fi/uutiset/3-8306444> (accessed 10.10.2020) (in Finnish).
18. Paltila, P. 2015, Suomi vahvistaa ulkomaalaisvalvontaa koko maassa — Orpo: Toinen järjestelykeskus mahdollinen, *Helsingin Sanomat*, 19.9.2015, available at: <http://www.hs.fi/politiikka/art-2000002853769.html> (accessed 10.10.2020) (in Finnish).
19. Peltari-Heikka, S. 2020, Tiina kulkee päivittäin rajan yli töihin, *Lapin Kansa*, 23.03.2020, available at: <https://www.lapinkansa.fi/tiina-kulkee-rajan-yli-paivittain-toihin-ruotsiin/733486> (accessed 10.10.2020) (in Finnish).
20. Juntti, P. 2020, Rajavartiolaitosta arvostellaan toimivaltuuksien ylittämistä — viranomaisen mukaan rajanylityksistä on luovuttu vapaaehtoisesti, mutta moni suomalainen kokee tulleen käännetyksi, *YLE*, 21.5.2020, available at: <https://yle.fi/uutiset/3-11361985> (accessed 12.10.2020) (in Finnish).
21. Pikkarainen, A. 2020, Rajaliikenne kasvoi jo 168 prosenttia: IL meni Ruotsiin nuuskanhaki-Esan kanssa — näin kävi, *Iltalehti*, 21.05.2020, available at: <https://www.iltalehti.fi/kotimaa/a/50055018-d3ac-45a1-a986-0d55d4769fda> (accessed 10.10.2020) (in Finnish).
22. Mainio, T. 2020, Corona separated the twin-city, *Kauppalehti*, 9.4.2020, available at: <https://www.kauppalehti.fi/uutiset/korona-erotti-kaksoiskaupungin/8ea6b51c-396a-463c-bf8a-72f4df487486> (accessed 10.10.2020) (in Finnish).
23. Pikkarainen, A., Taleva, K. 2020, Sisäministeri Ohisalo vetoaa suomalaisten moraaliin rajanylityksessä: ”Poliitikko ei voi määrättömästi laittaa rajoituksia”, *Iltalehti*, 11.05.2020, available at: <https://www.iltalehti.fi/politiikka/a/76153116-85cb-494b-8ee7-435d494e4b20> (accessed 10.10.2020) (in Finnish).
24. Rausmaa, H. 2020, Suomen ja Viron poliittiset kulttuurisuhteet. In: Alho, R., Kumer-Haukanömm, K. (eds.) *Liikkuvuus, muuttoliike ja ylijärjät suhteet Suomen ja Viron välillä*, Turku, Siirtolaisinstituutti, p. 44–60.
25. Alho, R., Kumer-Haukanömm, K. 2020, Introduction. In: Alho, R., Kumer-Haukanömm, K. (eds.) *Liikkuvuus, muuttoliike ja ylijärjät suhteet Suomen ja Viron välillä*, Turku, Siirtolaisinstituutti, p. 13–28 (in Finnish).
26. Siim, P.M. 2020, Ylijärjät yhteenkuuluvuutta ja hoivaa: sukupolvien väliset suhteet Suomessa asuvissa virolaisissa perheissä. In: Alho, R., Kumer-Haukanömm, K. (eds.) *Liikkuvuus, muuttoliike ja ylijärjät suhteet Suomen ja Viron välillä*, Turku, Siirtolaisinstituutti.
27. Telve K. Pendelöinnin vaikutus lähisuhteisiin Suomessa työskentelevien virolaismiesten esimerkin mukaan. In Alho, R., Kumer-Haukanömm, K. (eds.) *Liikkuvuus, muuttoliike ja ylijärjät suhteet Suomen ja Viron välillä*, Turku, Siirtolaisinstituutti, 2020. P. 157–169. (in Finnish).
28. Telve, K. 2018, Absent or involved: changes in fathering of Estonian men working in Finland, *Gender, Place & Culture*, vol. 25, no. 8, p. 1257–1271. doi: <https://doi.org/10.1080/0966369x.2018.1450227>.
29. Siim, P., Assmuth, L. 2016, Kotona kahdessa maassa: Ylijärjät lapsuuden tulkinnat Suomeen muuttaneissa lapsiperheissä. In: Kivijärvi, A., Peltola M. (ed.) *Lapset ja nuoret muuttoliikessä: Nuorten olot -vuosikirja*, Helsinki, Unigrafia, p. 91–104.
30. Mõttus-Lepik, E. 2020, Eesti ehitajad Soomes koroonavangis: kolm kalevipoega räägivad, miks nad jäid Soome, *Postimees*, 4 May 2020, available at: <https://leht.postimees.ee/6964601/eesti-ehitajad-soomes-koroonavangis-kolm-kalevipoega-raagivad-miks-nad-jaid-soome> (accessed 10.10.2020) (in Estonian).

31. Urinboev, R. 2017, Establishing an ‘Uzbek Mahalla’ via Smartphones and Social Media: Everyday Transnational Lives of Uzbek Labor Migrants in Russia. In: Laruelle, M. (ed.) *Constructing the Uzbek State: Narratives of Post-Soviet Years*, Lexington books, p. 119–148.
32. Bryceson, D., Vuorela, U. 2002, Transnational Families in the Twenty-first Century. In: Bryceson, D., Vuorela, U. (eds.) *The Transnational Family: New European Frontiers and Global Networks*, Oxford, Berg Publishers, p. 3–29. doi: <https://doi.org/10.5040/9781474215855.ch-001>.
33. Pöllänen, P. 2013, Hoivan rajat. Venäläiset maahanmuuttajanaiset ja yllirajainen perhehoiva, *Väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja*, D 57/2013, Helsinki, Väestöliitto.

The author

Dr Joni Virkkunen, Research Manager, Karelian Institute, University of Eastern Finland, Finland.

E-mail: joni.virkkunen@uef.fi

<https://orcid.org/0000-0002-8845-1396>

ВЛИЯНИЕ РЕЭМИГРАЦИИ НА СФЕРУ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: ПРИМЕР ЛИТВЫ

И. Гечене-Янулионе

Институт социальных инноваций,
10224, Вильнюс, Литва, ул. Саулетекио, 15
Вильнюсский университет,
01513, Вильнюс, Литва, ул. Университето, 3

Поступила в редакцию 10.10.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-6
© Гечене-Янулионе И., 2020

Сфера труда — одна из основных сфер, где трансферт знаний может найти применение. В исследованиях, посвященных социальному трансферту, вопросам характеристики самого рабочего места уделяется мало внимания. В связи с этим статья посвящена изучению типов и способов социального ретрансферта мигрантов, а также разновидностей их принятия в конкретной сфере труда. Во время пандемии COVID-19 сфера труда пострадала наибольшим образом, поскольку многие рабочие места были закрыты из-за введения карантина и требований поддержания социального дистанцирования. В исследовании рассматривается влияние пандемии COVID-19 на трансферт социального опыта реэмигрантов в сфере труда на основе полуструктурированных интервью с высококвалифицированными реэмигрантами и их коллегами в Литве, проведенных в мае — июле 2020 года.

Ключевые слова:

реэмиграция, сфера труда, пандемия COVID-19, социальный трансферт

Введение

Восстановление Литвой своей независимости в 1991 году открыло «железный занавес» и позволило литовскому народу свободно передвигаться по всему миру. Однако после непродолжительного периода эйфории, наступившей от осознания возможности воссоединения разлученных семей и от свободы выбора страны проживания, экономика Литвы пережила длительный спад, вызванный крахом промышленности и либерализацией рынка. Экономические трудности вынудили часть литовского населения к экономической миграции. За последние 30 лет уровень эмиграции в Литве был одним из самых высоких в Европейском союзе, и почти пятая часть населения покинула страну¹. В долгосрочной перспективе это привело к сокращению количества молодых трудоспособных людей и нехватке рабочей силы. Прекращение эмиграции и возвращение эмигрантов, которое страна переживает сейчас, рассматривается как один из способов решения указанной проблемы.

Реэмиграция дает стране возможность воспользоваться идеями, знаниями, ценностями и навыками своих граждан, возвращающихся из миграции. Феномен социального трансферта в последнее время оказался в центре внимания многих ис-

¹ *Migration in numbers*. 2020. URL: <https://123.emn.lt/en/> (дата обращения: 14.09.2020).

Для цитирования: Гечене-Янулионе И. Влияние ремиграции на сферу труда в условиях пандемии COVID-19: пример Литвы // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 4. С. 103–127. doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-6.

следователей. Считается, что «возвращаясь в свою страну, циркулярные мигранты привносят новые навыки и идеи, которые способствуют инновациям и прогрессу в родной стране» [1, р. 3]. Однако в работах, посвященных проблемам социального трансферта, вопросам изучения рабочего места уделяется мало внимания [2]. В фокусе исследований в основном находится то, какие социальные навыки приобретают эмигранты, когда они работают в принимающей стране [2—4], а не то, как социальные трансферты осуществляются репатриантами и какое влияние они оказывают на рабочие места в стране происхождения. Таким образом, первая задача данной статьи — изучение типов и способов социального трансферта реэмигрантов, а также разновидностей их принятия в сферу труда.

Во время пандемии COVID-19 сфера труда пострадала наибольшим образом, поскольку многие рабочие места были закрыты из-за введения карантина и требований поддержания социального дистанцирования. Кроме того, в результате введения режима изоляции были установлены ограничения на передвижение людей, что повлияло на миграционные тенденции. Вторая задача данной статьи — изучение влияния пандемии COVID-19 на литовскую миграцию, а также особенностей социального трансферта (*social remittance*; по П. Бурдые, это социальный капитал, которые в форме знаний и навыков мигрант приносит с собой²) реэмигрантов в сферу труда. Материалами исследования послужили 15 интервью с высококвалифицированными реэмигрантами и 5 интервью с их коллегами в Литве, проведенные в мае — июле 2020 года в рамках проекта «Социальные переводы реэмигрантов и рост благосостояния общества: проблемы и опыт в сравнительной перспективе», финансируемого Исследовательским советом Литвы. Вернувшиеся мигранты в этой статье определяются как лица, которые покинули Литву для постоянного проживания за границей в течение не менее одного года (12 месяцев) после 1990 года, но постоянно проживали в Литве на момент проведения исследования.

Теоретическая основа исследования

Теоретической базой настоящего исследования послужили работы по вопросам социального трансферта и его применения на рабочих местах. Термин «социальный трансферт» был впервые введен Х. Левиттом для обозначения «норм, практик, идентичности и социального капитала», чтобы подчеркнуть важность социального и культурного непрямого влияния на трансформацию стран происхождения [5, р. 927]. Мигранты могут привезти в страны происхождения демократические, культурные и социальные практики, знания и ноу-хау, а также знания того, как работают системы в других странах [6, р. 10]. Следует отметить, что мобилизация знаний и навыков мигрантов может играть даже более эффективную роль в стимулировании развития стран происхождения, чем любые финансовые трансферты или инвестиции [7, р. 73; 8; 9]. Также различают каналы социального трансферта: поездки мигрантов или возвращение в страны происхождения, социальные сети мигрантов [10] и средства массовой информации [2; 11].

Социальные трансферты могут иметь большое значение для страны происхождения, реэмигранты, в свою очередь, могут быть значимыми источниками исследований и инноваций, а также их участниками, посредниками в передаче технологий и повышении квалификации [12, р. 20]. Внедряя культурный капитал, приобретенный мигрантами в принимающих странах, страны происхождения перенимают новое культурное и гражданское сознание и опыт [13, р. 77]. В фокусе исследований также оказывается «скрытое и динамическое влияние» социальных трансфертов

² *Levitt P., Lamba-Nieves D. It's Not Just About the Economy, Stupid — Social Remittances Revisited. 21.05.2010 // MPI. URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/its-not-just-about-economy-stupid-social-remittances-revisited> (дата обращения: 14.09.2020).*

на изменение политического сознания, политических ожиданий и норм [14, р. 19], отмечается, что социальные трансферты могут повлиять на организационную культуру страны происхождения, например путем введения норм подотчетности и прозрачности [6, р. 10—11].

В течение последнего десятилетия были опубликованы исследования по вопросам привнесения социального капитала мигрантов из Центральной и Восточной Европы в страны их происхождения. [3; 4; 15—23], влияния социального капитала на социальные изменения в странах происхождения [24; 25], а также исследования причин возникновения препятствий к принятию социального трансферта [26—29].

Сфера труда — одна из трех основных сфер, помимо семейной жизни и политики, в которой можно использовать социальные трансферты [30]. Однако в литературе «вопросам использования социального трансферта на рабочих местах уделяется крайне мало внимания» [2, р. 2]. Исследования чаще фокусируются на том, какие знания и социальные навыки приобретают эмигранты, работая в принимающей стране [2—4]. Среди потенциальных социальных трансфертов упоминаются следующие: нормы, ценности, идеи, практики, поведение, знания, социальные навыки, рабочая культура, ноу-хау, стратегии, идентичность, социальный капитал и т.д. И. Грабовска упоминает также важность социальных навыков, применяемых на рабочем месте: «когнитивные навыки, самоуправление и дисциплина, контакты с другими людьми и навыки организации труда» [4, р. 88]. Вернувшиеся мигранты в особой степени обладают следующими навыками: они способны «(1) осуществлять межкультурную коммуникацию и взаимодействие; (2) решать эмоциональные вопросы и (3) проявлять инициативу и действовать независимо» [3, р. 6]. Таким образом, необходимо изучить, «каким образом вернувшиеся мигранты используют свой миграционный опыт и приобретенные социальные навыки» [3, р. 5].

Анализируются факторы, которые влияют на передачу социального опыта на рабочих местах: время, модели взаимодействия на конкретном рабочем месте и степень принятия социального трансферта на рабочем месте. Время является первым фактором, поскольку чем дольше мигранты осуществляют трудовую деятельность в принимающей стране, тем сильнее меняется их мировоззрение и быстрее усваиваются «правила игры» [2, р. 3]. Фактор времени также значим для первичной социализации, поскольку если она происходит за пределами страны происхождения, вернувшимся мигрантам «будет труднее приспособиться и / или делиться опытом» [31, р. 503]. Более того, «по причине отсутствия возможности применить при возвращении свои навыки и компетенции [полученные за границей] может иногда возникать временная задержка», например невозможность применить языковые навыки [3, р. 14].

Вторым фактор является модель взаимодействия на рабочем месте. И. Грабовска рассматривает «модели взаимодействия с принимающим сообществом», в особенности модели обучения на рабочем месте в принимающем сообществе, вопросы «различия отношения мигрантов к обучению, а также их способов общения и взаимодействия на принимающих и исходных рабочих местах и в ситуациях, имеющих отношение к трудоустройству» [3, р. 4]. Подобным образом могут быть изучены личные особенности и различные модели передачи социального трансферта на рабочих местах в странах происхождения. Например, М. Каролак утверждает, что актуализация социальных трансфертов на рабочем месте зависит от стратегий адаптации, принятых репатриантами, и в его исследовании реэмиграция, активизм, адаптация и / или предпринимательство были упомянуты как основные стратегии адаптации репатриантов [19, р. 35].

Третий фактор связан со степенью и моделями принятия социальных трансфертов на рабочем месте в стране происхождения и учитывает то, что рабочие места могут значительно различаться по степени своего принятия. Основными препятствия-

ми для принятия указываются низкие доходы, существование иной культуры труда в стране происхождения, что менее связано с формальными правилами, но с более широким понятием культуры на рабочем месте и человеческими отношениями. Это повышенная степень давления, более строгая иерархия, недостаток «более мягких навыков» (навыки работы в команде, ведения переговоров, достижения компромисса), отсутствие таких правил, как «баланс работы и личной жизни», регламентированного взаимодействия с клиентами и т.д. [2; 19]. Еще одно препятствие вызвано существованием довольно недружественного отношения к вернувшимся мигрантам и их миграционному опыту, поскольку «независимо от того, какое количество человеческого капитала вернувшиеся мигранты привезут из-за границы, успешная интеграция репатриантов маловероятна, если их миграционный опыт не будет рассматриваться в качестве преимущества на рынке труда родной страны» [1, p. 12].

Источники информации

В данной статье использованы два источника информации: статистические данные о миграции и полуструктурированные глубинные интервью с вернувшимися мигрантами и их коллегами. Количественные данные о миграции основаны на информации, представленной Литовским статистическим управлением, находящейся в свободном доступе, и на опубликованных источниках научной литературы. Их анализ был осуществлен с целью определения миграционной ситуации в Литве и изучения влияния пандемии COVID-19 на литовскую миграцию.

Качественные данные были собраны на основе 15 интервью с вернувшимися мигрантами и 5 интервью с их коллегами по работе в Литве. Опрос состоялся в мае — сентябре 2020 года через Skype или Messenger в связи с пандемией COVID-19. Интервью проводились на выбранном респондентом языке — литовском или английском — и записывались при условии информированного согласия участников. Имена респондентов, названия мест, компаний и т.д. не разглашались. В настоящем исследовании данные интервью были использованы в целях изучения различных типов социальных трансфертов репатриантов, способов их передачи и их принятия в трудовой сфере.

Интервьюирование реэмигрантов проводилось путем комбинирования целенаправленной и удобной выборки для обеспечения неоднородности группы опроса. Основных критериев отбора было два — респонденты должны были проживать за границей не менее одного года и иметь высшее образование. Первый критерий был применен в силу того, что респондентам необходимо было провести достаточное количество времени в принимающей стране, чтобы приобрести новые знания и социальные навыки, иметь опыт адаптации и достаточное количество времени для знакомства с конкретными культурными аспектами и их принятия. Второй критерий основан на теоретических предположениях и более ранних исследованиях, которые показали, что именно высококвалифицированные мигранты могут сделать самый большой вклад в развитие страны своего происхождения [9; 12; 32 — 35].

Также вернувшиеся мигранты отбирались с использованием принципа максимальной вариативности выборки, чтобы гарантировать различия по полу, возрасту, профессии, времени эмиграции и времени возвращения. Таким образом, выборка была достаточно сбалансированной по следующим признакам: по полу (8 женщин, 7 мужчин), возрасту (6 человек в возрасте от 20 до 30 лет, 9 — в возрасте от 40 лет, в выборку не вошли респонденты старшего возраста, поскольку статистически литовские мигранты являются молодыми), и по профессии (исследователи, специалисты в области информационных технологий, финансов или электронной коммерции, инженеры, бизнес-менеджеры, библиотекари, педагоги и работники культуры). Некоторые из них покинули Литву в 1993 году (самое раннее) или

1997 году, другие уехали только в 2012 году (самое позднее), однако большинство провели за границей около 8—10 лет. Некоторые вернулись в Литву в 2006 году (самое раннее), другие — только в 2018 году (самое позднее). Таким образом, все респонденты имели опыт работы за границей и достаточное количество времени для интеграции в трудовую сферу Литвы после возвращения. Стоит отметить, что не все респонденты возобновили работу сразу по возвращении в Литву, часть из них не нашла подходящей работы или просто хотела сделать перерыв.

Интервью были разработаны с целью анализа качественных биографических данных респондентов, которые делились своими историями миграции: как и почему они решили эмигрировать, их опыт учебы и работы (если применимо) за границей, а также опыт после возвращения в Литву. Интервью также содержали большие блоки вопросов о семье, работе и участии в общественной деятельности, однако в данной статье основное внимание уделено сфере труда. Интервью были направлены на определение типов социальных трансфертов, способов их передачи, факторов, влияющих на успех или неудачу в получении и передаче социальных опытов репатриантами, и воздействия, которое эти трансферты оказывают на жизнь местного населения, населенных пунктов, населения страны и жизнь общества в целом. В интервью также содержались некоторые вопросы о влиянии пандемии COVID-19 на семью и работу интервьюируемых.

Помимо интервью с вернувшимися мигрантами были также проведены опросы их коллег по работе с использованием метода «согласованного интервью». Этот подход был применен и адаптирован по примеру, приведенному в исследовании А.К. Ахмадова и Г. Сассе [36], в котором использовался метод согласованных интервью с членами семей и друзей респондентов. По словам этих авторов, данный метод «выходит за пределы самооценки мнений и поведения в индивидуальных биографических нарративных интервью и позволяет добавить компаративный аспект путем сравнения рассказов мигрантов с рассказами членов их семьи или друзей в стране происхождения» [36, р. 11]. «Это сопоставление помогает верифицировать информацию, представляемую мигрантами, а также указывает на изменения их мнения или поведения, которые они сами могут не осознавать» [Ibid.].

Мы предприняли несколько попыток интервьюировать коллег реэмигрантов по работе, поскольку анализ именно этих интервью дает информацию о типах социального трансферта и степени его принятия на рабочих местах. Репатриантам был предоставлен выбор самим выдвинуть подходящего кандидата. В целом было проведено 5 интервью с коллегами вернувшихся мигрантов. Стоит отметить также, что отбор кандидатур коллег репатриантов, подходящих для согласованного интервью, оказался довольно проблематичным, поскольку репатрианты искали людей, которым они доверяли, чтобы те, в свою очередь, подтверждали их собственные взгляды. Данное обстоятельство вносит некоторую субъективность в результаты исследования. Анкета для опроса коллег по работе содержала вопросы, зеркально отражающие вопросы к вернувшимся мигрантам. Анализ данных интервью использован в настоящем исследовании с целью выявления отношения к вернувшимся мигрантам на рабочих местах, характеристики социальных трансфертов, осуществляемых ими, и степени их принятия.

Миграционная ситуация в Литве и ее причины: 1990—2020 годы

По официальным данным, с 1990 года население Литвы сократилось на 699 тыс. чел. по причине эмиграции, что составляет около пятой части всех жителей страны³. Эта цифра может быть даже выше, поскольку не все мигранты со-

³ *Migration in numbers*. 2020. URL: <https://123.emn.lt/en/> (дата обращения: 14.09.2020).

общают о своем выезде из страны. Например, при исследовании миграционных процессов в 2019 году выяснилось, что официально не заявляли о своем отъезде 13% респондентов⁴. Данные о количестве эмигрантов в разные годы довольно существенно варьируются (рис. 1).

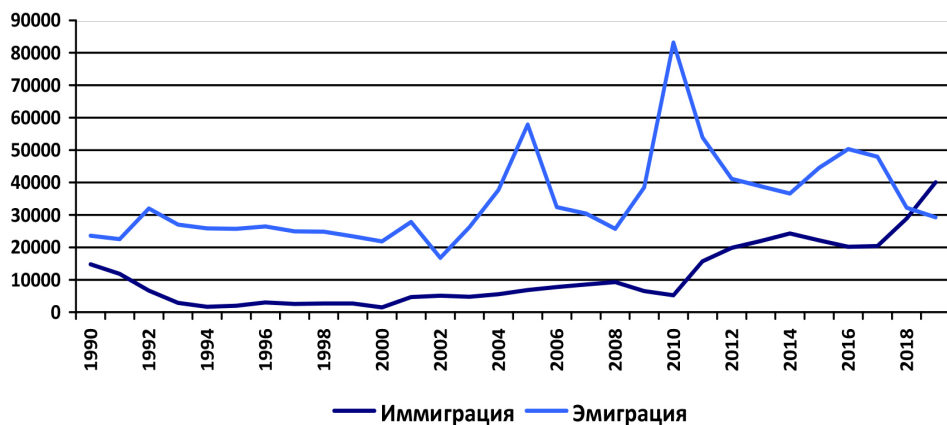

Рис. 1. Миграционные и иммиграционные потоки в 1990–2019 годах

Источник: Official Statistics Portal⁵.

На рисунке 1 показаны два пика эмиграции: первый пик наблюдается в период после присоединения Литвы к Европейскому союзу в 2004 году, второй — после глобального финансового кризиса 2008 года. Столь резкое увеличение эмиграции в 2010 году могло быть также частично связано с изменениями, произошедшими в системе здравоохранения, согласно которым все постоянные жители Литвы обязаны платить ежемесячные взносы государству. Эмигранты, заявившие о своем выезде, включая тех, кто эмигрировал до 2010 года, были освобождены от обязанности платить эти взносы. Таким образом, «после вступления в силу обязательных взносов на здравоохранение весной 2010 года последовал резкий рост объявленной эмиграции, который в количественном выражении отражал накопленную незаъявленную эмиграцию за предыдущие годы» [37].

В основном из Литвы эмигрируют молодые люди: «в 2019 году более 72,7% эмигрантов были в возрасте от 15 до 44 лет», при этом «данная возрастная группа составляет около 36% всего населения Литвы»⁶. Многочисленные демографические, социальные и экономические проблемы возникли в связи с тридцатилетним периодом миграции молодых, трудоспособных людей: снижение рождаемости, острая нехватка специалистов в конкретных областях и рабочей силы в целом. Кроме того, сокращающаяся доля работающих людей должна поддерживать растущее число безработных и пенсионеров.

Мигранты из Литвы в основном выбирают Великобританию, Германию, Норвегию и Ирландию в качестве стран назначения⁷. Однако популярность Великобритании в качестве страны для эмиграции снижается: в 2017 году ее выбрали

⁴ *Užsienio lietuvių apklausa apie jų būklę ir poreikius* (2019). URL: <https://urm.lt/uploads/default/documents/ULA%202019%20URM%20TINKLALAPIUI.pdf> (дата обращения: 23.09.2020).

⁵ *Official Statistics Portal*. URL: <https://osp.stat.gov.lt/EN/> (дата обращения: 01.09.2020).

⁶ *Migration in numbers*. 2020. URL: <https://123.emn.lt/en/> (дата обращения: 14.09.2020).

⁷ *Ibid.*

47% литовских эмигрантов, в 2018 году этот показатель сократился — до 38%, а к 2019 году до 35%⁸. В основном это связано с политическим фактором «Брексита», который создал большую неопределенность и различные препятствия для жизни иммигрантов в Великобритании. Помимо вышеперечисленных стран значительные миграционные потоки направляются на Украину и в Беларусь, однако это направление эмиграции более популярно среди мигрантов, которые на самом деле являются гражданами этих стран и приехали в Литву на временную работу.

Неудовлетворенность работой остается одной из основных причин эмиграции из Литвы. В исследовании, проведенном в 2018 году, чаще всего упоминались три причины эмиграции: стремление получать более высокий доход (56% всех респондентов), испытать себя (20,7%) и избежать литовского руководства на всех уровнях (недовольство правительством, плохие отношения с работодателями и государством, низкий доход) (20,3%)⁹. В исследовании 2019 года в качестве основных причин неудовлетворенности в сфере труда указывались слишком низкий уровень доходов в Литве (23,7%), потребность в расширенных возможностях карьерного роста (12,9%) и отсутствие работы в стране (5,9%)¹⁰. Сравнение условий труда мигрантов в Литве и в эмиграции также работает не в пользу литовской сферы труда: степень уважения к работникам в эмиграции была положительно оценена 89,3% опрошенных, в то время как для Литвы этот показатель составлял лишь 36%; уровень стресса на рабочем месте в эмиграции оценили как приемлемый 69,3% по сравнению с 25,5% в Литве, карьерные возможности в эмиграции положительно оценили 74,8% респондентов и только 19,1% в Литве соответственно; 80,6% опрошенных считают, что их заслуги оценивают должным образом в эмиграции, а в Литве удовлетворены оценкой собственного труда 38%¹¹. Подобная оценка сферы труда Литвы показывает, что страна не может рассчитывать на большой поток реэмиграции.

Уровень иммиграции в Литву всегда был заметно ниже уровня эмиграции начиная с 1990 года (рис. 1). До 2017 года иммигрировали в основном ранее уехавшие литовцы. Так, в 2011 году гражданами Литвы были 89,3% иммигрантов, а в 2016-м — 70,6%¹². Достоверных источников информации о количестве вернувшихся и оставшихся в Литве литовских граждан и о количестве вновь эмигрировавших нет. Иногда граждане эмигрируют из Литвы и возвращаются несколько раз, тем самым создавая круговую миграцию. С 2017 года отмечается рост миграции неграждан Литвы в страну: в 2017 году неграждане Литвы составляли 50,1% всех иммигрантов (из них 3,4% были гражданами ЕС, 46,7% — гражданами стран, не являющихся членами ЕС). Таким образом, количество иммигрантов-иностранцев увеличилось в 1,8 раза по сравнению с 2016 годом. Доля иммигрантов в 2019 году была аналогичной — нелитовские граждане составляли 49,06% от всех иммигрантов (из них 2,2% были гражданами ЕС, 46,9% — гражданами стран, не являющихся

⁸ *Migration in numbers*. 2020. URL: <https://123.emn.lt/en/> (дата обращения: 14.09.2020).

⁹ *Tyrimas atskleidė, dėl ko emigruoja lietuviai: per maži atlyginimai — tik viena iš priežasčių*. 2018. // DELFI.lt. 08.10.2018. URL: <https://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/tyrimas-atskleide-del-ko-emigruoja-lietuviai-per-mazi-atlyginimai-tik-viena-is-priezasciu.d?id=79259323> (дата обращения: 22.09.2020).

¹⁰ *Užsienio lietuvių apklausa apie jų būklę ir poreikius*. 2019. URL: <https://urm.lt/uploads/default/documents/ULA%202019%20URM%20TINKLALAPIUI.pdf> (дата обращения: 23.09.2020).

¹¹ *Tyrimas atskleidė, dėl ko emigruoja lietuviai: per maži atlyginimai — tik viena iš priežasčių*. 2018 // DELFI.lt. 08.10.2018. URL: <https://www.delfi.lt/news/daily/lithuania/tyrimas-atskleide-del-ko-emigruoja-lietuviai-per-mazi-atlyginimai-tik-viena-is-priezasciu.d?id=79259323> (дата обращения: 26.10.2020).

¹² *Migration in numbers*. 2020. URL: <https://123.emn.lt/en/> (дата обращения: 14.09.2020).

ся членами ЕС). Большинство иммигрантов-иностранцев в 2019 году составляли граждане Украины (45,1%) и Беларуси (32,5%), основная часть которых была экономическими мигрантами и пополнила ряды рабочей силы Литвы.

Однако в 2020 году под влиянием пандемии COVID-19 иммиграционная ситуация значительно изменилась. По данным Департамента статистики Литвы, с марта 2020 года пандемия вернула в Литву почти 14 тыс. литовцев, тогда как в этот же период предыдущего года в Литву возвратились 11 тыс. литовцев. В 2020 году в период с марта по август из страны выехало 8597 граждан Литвы, тогда как в прошлом году в то же время количество мигрировавших было 12 251. Таким образом, «пандемия вернула литовцев домой из-за границы и не позволила тем, кто остался дома, уехать» [38].

По мнению литовского экономиста Ж. Маурицаса, причины этой ситуации другие: 1) улучшение экономической ситуации в Литве за последние годы, более быстрый рост доходов и сокращение налоговых обязательств, в результате чего по сравнению с другими европейскими странами экономическое расслоение общества в Литве значительно уменьшилось; 2) Литва не так сильно испытала на себе последствия кризиса от пандемии COVID-19, как многие другие страны Западной Европы, в которые литовцы часто эмигрируют, соответственно, резко сократилось количество мотивов к эмиграции: люди боятся ехать в другие страны, так как не знают, будут ли снова введены ограничения и смогут ли они найти работу; 3) вероятность применения сценария «жесткого» «Брексита» [38].

Однако исследование степени принятия литовским обществом возвращающихся мигрантов показало, что, хотя большая часть респондентов положительно настроена к этим гражданам, 14% респондентов относятся к ним не так позитивно, а 6% — негативно. По сравнению с результатами аналогичного исследования, проведенного более десяти лет назад (в 2008 году), количество людей, отрицательно относящихся к литовцам, возвращающимся из миграции, значительно выросло: тогда это было только 3% населения¹³. Такое усиление неблагоприятного отношения могло быть вызвано публикациями, в которых литовцев, вернувшихся в страну из-за пандемии, называли причиной внезапного роста преступности.

Нет никаких гарантий, что с окончанием пандемии COVID-19 уровень эмиграции вновь не возрастет. Результаты репрезентативного опроса граждан Литвы в июле 2020 года показали, что 62% не думают об эмиграции после снятия ограничений, связанных с COVID-19; 16% заявили, что готовятся к эмиграции (из них 3% уже составили конкретные планы, а 13% рассматривают такую идею, но не имеют конкретных планов); 22% респондентов утверждают, что в настоящее время не планируют эмигрировать, но рассмотрят этот вариант, если он действительно покажется им разумным¹⁴. Все это свидетельствует о том, что вероятность нового роста уровня миграции после снятия вызванных пандемией ограничений на передвижение велика.

Социальные трансферты вернувшихся мигрантов в сфере труда

Для того чтобы мигранты возвращались, необходимо обеспечить их уверенность в возможности интеграции в трудовую сферу в своей стране происхождения. Стратегии трудоустройства вернувшихся мигрантов, опрошенных в рамках этого исследования, были различны: некоторые нашли работу в Литве еще до возвращения и, таким образом, чувствовали себя более уверенно; другие не искали работу

¹³ *Migration in numbers*. 2020. URL: <https://123.emn.lt/en/> (дата обращения: 14.09.2020).

¹⁴ *Visuomenės požiūris į migracijos procesus COVID-19 kontekste kaitos tyrimas*. 2020 // IOM International Organization for Migration. July 2020. URL: <http://bit.do/renkuosilietuvatyrimas202007> (дата обращения: 26.10.2020).

в течение определенного времени (год или два) по разным причинам (кто-то хотел перерыва, кто-то вернулся к учебе (в аспирантуре, например), имели свои личные проекты (например, закончить написание книги) или проблемы со здоровьем, которыми они должны были заняться, некоторые воспитывали маленьких детей и др.). Остальные, искавшие работу, нашли ее довольно быстро, поскольку их компетенции чрезвычайно востребованы на рынке труда (например, основанная в Германии компания остро нуждалась в инженере, хорошо знающем немецкий язык). Однако были также респонденты, которые не смогли найти подходящего трудоустройства, соответствующего уровню их компетенций или финансовых ожиданий. Например, одна из респондентов, долгое время проработавшая в финансовой сфере и занимавшая руководящую должность за границей, рассказала, что ради своих детей она не хотела бы занимать руководящую должность в Литве, в то время как неуправленческие должности предполагали слишком низкий уровень дохода:

Да, я искала работу, разговаривала с людьми, продолжала искать. <...> Я не хотела быть руководителем, это огромная ответственность. Я считаю, что если что-то делаешь, то делать это нужно хорошо. Если я хочу работать максимально хорошо, у меня не может быть гибкого графика, и я не могу сказать: «Извини, но мне нужно забрать детей из школы и приготовить ужин». <...> В то же время я не хочу просто бросать своих детей или семью. Таким образом, тот вариант, который я предлагаю потенциальному работодателю, предполагает зарплату в 1000 евро, но я не хочу 1000 евро.

(женщина, 40 лет, 11-летний опыт проживания в Латвии, Швейцарии, Швеции, Польше)

Значительно более низкий уровень дохода по сравнению с тем, что они имели в принимающих странах, часто отмечался респондентами как главный недостаток рынка труда в Литве. Однако некоторые респонденты еще до возвращения в Литву подсчитали, что даже зарабатывая меньше, они смогут позволить себе более высокое качество жизни в Литве либо предпримут шаги для увеличения своего дохода по возвращении. Например, один респондент подал шесть заявок на грант на проведение исследований в государственное агентство, и все шесть заявок были одобрены; другой нашел работу не по своей специализации в компании, предлагающей более высокую заработную плату; один опрошенный стал самозанятым — открыл собственный бизнес, другой — риелтором.

Относительно компетенций, навыков и взглядов, приобретенных за границей, респонденты в первую очередь отмечали знание иностранного языка, которое, как мы видим из анализа согласованных интервью, очень востребовано и может успешно быть использовано при трудоустройстве:

Что касается ее компетенций, то высокий уровень владения английским очень нам пригодился, поскольку она может переводить тексты или редактирует написанные нами тексты на английском.

(женщина, 20+ лет, согласованное интервью)

Примечательно, что респонденты отмечали собственные трудности в использовании литовского языка, на которые также обращали внимание их коллеги, однако отзывались об этом без негативных суждений:

Поскольку я очень долгое время говорила на английском, мой уровень литовского при возвращении был настолько плох, что когда приходилось писать электронные письма на литовском, я тратила на это уйму времени. <...> Даже сейчас, когда общаюсь с менеджером в Slack, использую английские слова через одно.

(женщина, 20+ лет, 8-летний опыт эмиграции в США и Великобритании)

Она постоянно использует английские слова и с акцентом и без, но делает это весьма органично. В определенных ситуациях, кажется, ей легче говорить по-английски, чем по-литовски, хотя литовский она знает прекрасно.

(женщина, 20+ лет, согласованное интервью)

Профессиональные навыки и опыт, которые мигранты привозят с собой в Литву, действительно положительно влияют на осуществление их трудовой деятельности, а также помогают при выполнении задач другого рода:

Я получил огромный опыт в сфере торговли недвижимостью, потому что не только работал в этой сфере, но и посещал большое количество семинаров и изучал большое количество литературы.

(мужчина, 40 лет, 17-летний опыт проживания в Эстонии и США)

Сейчас я работаю не по специальности, но с успехом применяю все свои знания из области архитектуры и бизнеса

(женщина, 35 лет, 7-летний опыт проживания в Великобритании)

Кроме перечисленных первостепенных факторов респонденты также отмечали важность применения социального капитала вернувшихся мигрантов в литовской сфере труда. Особенно значимыми, по мнению опрошенных, являются личные и деловые связи, установленные мигрантами в принимающей стране:

Мои многочисленные и разнообразные деловые контакты с кураторами иностранных проектов, с представителями искусствоведческих и культурных организаций оказались чрезвычайно полезными. Благодаря этим контактам нам... [удалось создать] платформу по продаже произведений искусства, которую мы представляли на ярмарке *Collect Art Fair*.

(женщина, 30 лет, 13-летний опыт проживания в Великобритании)

Мы работали со СМИ, представляющими диаспору, и в этом ее большая заслуга, у нее есть все контакты, результат мы ощущаем до сих пор. Она всех там знает, знает, кто является частью американской литовской общины. Она — связующее звено между нами и ними, никого не нужно искать вслепую, она говорит: «Да, я дам вам нужные контакты».

(женщина, около 30 лет, согласованное интервью)

Как показал анализ согласованных интервью с коллегами наших респондентов, знание иностранного языка, профессиональные знания, опыт и социальные контакты вернувшихся мигрантов очень высоко оцениваются на рабочих местах в стране возвращения. При этом некоторые респонденты также отмечают важность поиска работы за границей именно в такой сфере, где необходимые компетенции можно получить и развить:

Когда люди эмигрируют, очень важно, чем они там собираются заниматься. <...> Если вы уезжаете на работу, то просто обязаны искать такое трудоустройство, благодаря которому ваши знания будут умножаться. Неправильно вернуться из эмиграции, проработав на стройке, и при этом иметь хорошую работу и соответствующую специальность до отъезда. И совсем другая ситуация складывается, когда люди возвращаются с огромным багажом знаний и навыков, они всегда будут востребованы в Литве, поскольку их опыт и знания рабочей культуры, а также уровень развития эмоционального интеллекта будут на порядок выше. Такие работники нужны всегда и везде.

(мужчина, 40 лет, 17-летний опыт проживания в США и Эстонии)

Все опрошенные респонденты заявили, что помимо вышеупомянутых компетенций они также получили нечто большее, так называемые «мягкие навыки» — опыт работы в условиях другой трудовой этики (пунктуальность, организованность, ответственность, отношение, ориентированность на результат), культуру общения (вежливость, позитивный настрой, более теплые отношения с коллегами, уважительное отношение к сотрудникам, меньшая социальная дистанция), либеральные ценности и западный менталитет (например, большая толерантность в национальных и расовых вопросах, в отношении к правам ЛГБТ-сообщества).

На некоторых рабочих местах эти «мягкие навыки» были востребованы и частично усвоены, однако этот опыт больше характерен для негосударственных предприятий, учреждений или крупного бизнеса, чем для более мелких, более агрессивных и / или инновационных предприятий или инициатив, работающих в сфере культуры:

Сфере культуры присуща организованность, планирование, четкое изложение аргументов, предварительная подготовка процессов и соблюдение сроков. Все это значимо для развития организации или для участия в международных проектах. <...> [Она] укрепила нашу команду с точки зрения улучшения культуры общения, а также культуры общения по электронной почте.

(женщина, около 60 лет, согласованное интервью)

В свой первый же рабочий день он сказал: «Никаких “вы”, только “ты”!»! Мы будем работать вместе, мы команда!». И эта социальная дистанция действительно оказалась не нужна. Удивительно, но расстояние между нами в самом деле сократилось. <...> Я почувствовала человечность и понимание, исходящие от него, которых не чувствовала от других менеджеров, поняла, что если я или мой ребенок заболеем, то это будет важнее работы.

(женщина, 30 лет, согласованное интервью)

Такие рабочие места более открыты для экспериментов, новых идей, предоставляют сотрудникам больше свободы в проявлении инициативы, применении новых методов работы и решении задач, в которых у них может не быть большого опыта:

Мой молодой человек работает в IT-сфере, в его сфере гораздо больше свободы, да и я тоже в какой-то степени это ощущаю, за границей вы в принципе более свободны и можете делать то, чего лично вы хотите. <...> Я думаю, что если каждый, кто возвращается из-за границы, захочет применить в Литве идеи, которые он там развил, [люди] будут этому рады... В представлении многих соотечественников Литва — это такая «песочница», в ней можно творить, экспериментировать, создавать и продавать потом это за рубеж.

(женщина, около 30 лет, 8-летний опыт проживания в США и Великобритании)

Вернувшиеся мигранты, трудоустроенные на рабочих местах, созданных литовцами или иностранцами, редко имеют какие-либо претензии к культуре труда или к тому, что их идеи не принимают:

В целом отношения как с моими коллегами, так и с менеджерами на моем нынешнем рабочем месте складываются прекрасно, все уважительно и внимательно относятся к моим идеям, поэтому, возможно, могу сказать, что они более открыты, чем коллеги в США. <...> Они доверяют мне огромную часть работы и абсолютно открыты.

(женщина, 20 лет, 8-летний опыт проживания в США и Великобритании)

Однако реэмигранты, трудоустроенные на государственных предприятиях или учреждениях, отмечают прежде всего непреодолимую бюрократию, строгую иерархию и стагнацию в качестве основных характеристик этих учреждений:

[На моем рабочем месте] очень жесткая иерархическая система. В штате 500 сотрудников, и при этом никакой документ, который нужно подписать, нельзя просто отправить по электронной почте, нужно физически пройти по этажам, зайти в кабинет и попросить подписать. Бюрократия процветает, хотя я понимаю, что это государственное учреждение, и от меня ничего не зависит.

(женщина, около 45 лет, 14-летний опыт проживания в США)

В государственных учреждениях и организациях вернувшиеся мигранты сталкиваются не только с такими проблемами, как бюрократия или жесткая иерархия, но и с другой культурой работы. Например, один из респондентов, который работал в США как в федеральных, так и в частных компаниях, заметил, что между федеральными служащими Литвы и США существует сходства и различия, но различия говорят не в пользу Литвы:

В Америке федеральные служащие никуда не спешат, они возятся, обнаружив какую-то проблему, придумывают какой-то ответ, но медленно. <...> Однако они понимают, что должны достичь результата, им нужно что-то делать, их работа должна быть продуктивной. Они делают работу медленно, не очень эффективно. А в Литве государственные служащие не думают, что должны добиваться результата. <...> Они думают, что у них все хорошо, кто-то им заплатил, наградил их надбавкой к заработной плате, и за это они ничего не должны.

(мужчина, около 50 лет, 10-летний опыт проживания в США)

Относительно иной культуры труда респонденты часто отмечали, что им было очень сложно передать свой опыт или реализовать новые идеи на своих рабочих местах, поскольку их инициативы отвергались. Как говорит один из респондентов, «здесь вас как будто тянут вниз — “какая глупая идея, никогда не сработает”. Здесь придумывают 100 причин, чтобы ничего не делать, вместо того, чтобы просто поддержать твою идею» (женщина, 40 лет, 11 лет проживания в Швейцарии, Монако, Испании). Похожие наблюдения делают и коллеги реэмигрантов:

Я как будто борюсь с лавиной или цунами, я — капля в море. Часто приходится слышать: «Ты — американец, а мы здесь так не работаем, это не в наших традициях, здесь все по-другому». Потом, спустя несколько лет, наблюдая за тобой в коллективе, с тебя постепенно начинают брать пример, начинают замечать эффективность, но все это очень медленно происходит, так что я точно не пророк в своем отечестве.

(мужчина, 40 лет, 17-летний опыт проживания в США и Эстонии)

Он пытался внедрить некую модель, которую раньше применял в Америке, а мы работаем по-другому. Так что нравится вам это или нет, но трезвый литовский подход потушил весь его энтузиазм. <...> Люди не принимают новые идеи и просто говорят: «О, это так по-американски, здесь это никогда не будет работать».

(женщина, 30 лет, согласованное интервью)

Некоторые респонденты отмечали, что встречали директоров, которые более благосклонно принимали их рекомендации или новые идеи, а вот коллеги по работе с трудом соглашались с ними:

Многие идеи были приняты, но гораздо больше идей было отвергнуто. Руководство со многим соглашалось, но сотрудники большинство инициатив отвергали... При этом они не могут не замечать моего успеха, как хорошо я справляюсь с задачами и проектами, с учебой, но почему-то здесь в Литве им кажется, что я стараюсь задвинуть их в угол, поэтому они занимают оборонительную позицию и говорят: «А, опять этот американец! Пусть делает, что хочет, мы будем делать так, как привыкли».

(мужчина, около 50 лет, 10-летний опыт проживания в США)

Этот феномен, отмеченный респондентами, подтверждает результаты исследования, показывающие, что если руководители охотно привлекают вернувшихся мигрантов, это не означает, что сотрудники более низкого звена будут перенимать опыт мигрантов. «Доминирующее» отношение и «доминирующая» рабочая культура будут противостоять влиянию реэмигрантов, либо эти сотрудники будут просто неспособны эффективно использовать потенциал своих коллег [28, p. 148].

Подобное противостояние часто заставляло респондентов испытывать разочарование, высказывать критику в адрес своих коллег на рабочих местах, обвинять их в инертности и некомпетентности. Еще большее разочарование, по мнению многих, вызывает осознание невостребованности их потенциала и отсутствие общего желания работать лучше и эффективнее:

Рабочая культура в Литве — это наша боль! Как можно, например, не отвечать на запрос в течение 10 дней или на электронное письмо? Ведь «зачем нам меняться, все и так хорошо». <...> Я стала постепенно понимать, что не так с этой страной: безразличие и некомпетентность — вот наша проблема. <...> Самое печальное, что вы можете сделать гораздо больше, но это никому не нужно. <...> Вы даже можете начать делать лучше, показать, что делать, чтобы было лучше, чтобы компания процветала, но нет, это никому не нужно. Тогда остается сдаться и регрессировать.

(женщина, 40 лет, 11-летний опыт проживания в Швейцарии, Монако, Испании)

Несмотря на все препятствия, вернувшиеся мигранты пытаются воплотить новые идеи, и иногда им это удается. Среди реализованных проектов интервьюируемые упоминали обучение сотрудников компании, создание новых научных проектов, внедрение новых методов работы с клиентами, разработку нового продукта, привлечение сотрудников компании к уплате пенсионных взносов, внедрение новых способов организации работы в лаборатории, новых методов работы со студентами, совместных проектов научных учреждений и предприятий, новых культурных образовательных программ с участием людей, испытывающих социальную изоляцию, людей с физическими или умственными недостатками, людей разных возрастных групп и т.д.

Что касается результатов внедрения этих нововведений, то сами реэмигранты и их коллеги указывают, что некоторые сотрудники осознали эффективность новых методов и способов организации работы и намерены и дальше применять и развивать их:

Я начал проводить еженедельные рабочие встречи, на которых мы обсуждали ход реализации проекта или бюджет. Сначала сотрудникам было непривычно, но позже еженедельные встречи стали организовывать и в других группах.

(мужчина, около 50 лет, 10-летний опыт проживания в США)

Когда она пришла к нам, ее задачей была работа с выставочными контрактами и организация обучения, в рамках этой деятельности она стала привлекать участников из группы риска, после проведения биеннале успех этой практики стал очевиден.

(женщина, 50 лет, согласованное интервью)

Он, несомненно, применял эту практику в Америке, и она отлично сработала и у нас.

(женщина, 30 лет, согласованное интервью)

Респонденты также подчеркивали важность поощрения трансферта своих знаний и указывали, на необходимость настойчиво искать такое трудоустройство, благодаря которому трансферт может быть успешным:

По опыту своих друзей могу сказать, что люди приходят в компании, обладая большим опытом, но их отвергают, и они начинают думать, что они не нужны, но... это не значит, что они теряют свою значимость и ценность, это значит, что они просто «гадкие утята», им нужно найти своих «лебедей» либо начинать свое дело, чтобы почувствовать масштаб своей значимости.

(мужчина, 40 лет, 17-летний опыт проживания в США и Эстонии)

Коллеги вернувшихся мигрантов также отмечают, что идеи, знания и навыки вернувшихся мигрантов имеют большую ценность, их внедрение может не только изменить организацию труда на рабочих местах в Литве и саму культуру труда, но помочь изменить само общество в целом:

Чем больше приезжает людей, обладающих нулевой терпимостью к различным недемократическим или неуважительным формам [поведения] на рабочем месте, тем быстрее наше общество изменится в лучшую сторону. <...> Чем больше людей, которые работали или учились в другой стране, возвращаются в Литву, тем больше у нас, как у общества, шансов перерасти нашу агрессию, нашу культуру издевательств и нетерпимости.

(женщина, около 60 лет, согласованное интервью)

Влияние пандемии COVID-19 на рабочие места реэмигрантов

При ответе на вопрос о том, как пандемия COVID-19 повлияла на миграционные потоки, вернулось ли больше литовских граждан в Литву, респонденты затруднились сразу дать ответ, учитывая, что интервью проводились в период первой волны пандемии. По их мнению, рост показателей возвратной миграции связан скорее с другим макроуровневым фактором — «Брекситом», поскольку изменения законов, касающихся мигрантов, рабочих мигрантов и иностранных студентов, начали вступать в силу с этого года. Единственный показатель, который респонденты напрямую связали с пандемией, — это рост числа тех, кто потерял работу:

Я считаю, что возвращение мигрантов скорее вызвано «Брекситом», чем пандемией. По крайней мере, это касается тех, кто потерял работу, возможно, их уволили или они больше не могут получать доход, и, возможно, они еще не до конца осели в той стране, поэтому и уехали.

(женщина, 35 лет, 3-летний опыт проживания в Великобритании, согласованное интервью)

Установление зависимости между количеством негативных последствий пандемии COVID-19 и ростом числа проблем, переживаемых низкоквалифицированными трудовыми мигрантами, соотносится с результатами исследования Дж. Райнхарта, высокопоставленного должностного лица Международной организации труда (МОТ). Он заявляет, что именно эта категория мигрантов наиболее пострадала от пандемии в силу специфики «отраслей, в которых они работают», и из-за «плохих условий проживания и работы». По его мнению, многие мигранты предпочли вернуться в страны своего происхождения, поскольку подверглись высокому риску потерять работу и столкнулись с более высоким риском заражения¹⁵.

Согласно другим исследованиям, последствия кризиса, вызванного пандемией COVID-19, различны для разных секторов экономики и для разных типов работников. Весной 2020 года результаты оценки воздействия пандемии на секторы

¹⁵ *Uncertain future for migrant workers, in a post-pandemic world.* 19.09.2020 // UN News. URL: <https://news.un.org/en/story/2020/09/1072562> (дата обращения: 27.10.2020).

экономики, проведенной аналитической компанией Scorify, показали, что «наиболее пострадавшими секторами в Литве окажутся организации культуры и искусства, здравоохранения и социальных услуг, средние и крупные компании, заметное снижение активности предполагается в секторе розничной торговли, услуг и оптовой торговли»¹⁶. Согласно другому международному исследованию, проведенному в марте и апреле 2020 года по инициативе Paylab.com, меры, направленные на борьбу с распространением пандемии, оказали разное воздействие на литовских работников: «большинство опрошенных — 24% — в 2020 году работали дистанционно, жизнь 11% практически не изменилась, 9% не имели возможности работать во время карантина, 8% потеряли работу, заработная плата 8% респондентов снизилась, остальные работники ушли в отпуск по уходу за ребенком, ежегодный отпуск, работали сокращенный или неполный рабочий день либо брали неоплачиваемый отпуск»¹⁷. Кроме того, квалифицированные рабочие во всех странах, где проводился опрос, имели больше возможностей работать из дома, чем неквалифицированные, в то время как ограничения затронули в большей степени работников сферы услуг — до 10% потеряли работу в период пандемии¹⁸.

Участники нашего исследования привели собственные примеры последствий пандемии COVID-19. Анализ интервью с вернувшимися мигрантами подтвердил, что многие из них столкнулись с ограничениями перемещения во время изоляции весной 2020 года. Некоторые супруги, работавшие в разных странах, не могли выехать из Литвы на работу, другие не могли вести предпринимательскую деятельность:

До закрытия границ мой муж не успел вылететь из страны и теперь не может вернуться на работу. Нельзя сказать, что мы расстроены, потому что мы вместе, но в то же время он бы хотел вернуться, чтобы привести дела в порядок.

(женщина, 35 лет, 7-летний опыт проживания в Великобритании)

Сейчас во время пандемии я никуда не езжу, но раньше каждый месяц или два совершала деловые поездки за границу.

(женщина, 30 лет, 13-летний опыт проживания в Великобритании)

Запрет на перемещение прервал выполнение запланированных работ и вынудил людей изменить свои планы, связанные с работой. Так, одна из респонденток не смогла встретиться с куратором своего проекта за границей и получить необходимую информацию из первых рук, что затрудняет реализацию проекта. Другая респондентка отменила деловую поездку в США, где планировала приступить к преподаванию в университете, ей пришлось начать онлайн-преподавание.

В результате введения карантина объем работ в некоторых сферах значительно сократился либо осуществление этих работ стало невозможным. Так, например, была остановлена организация мероприятий: «большинство мероприятий отменены, некоторые перенесены на конец лета в надежде на то, что пандемия не помешает их проведению» (мужчина, 35 лет, 7-летний опыт проживания в Великобритании). Небольшое количество проведенных интервью не позволяет выявить и описать другие примеры негативного воздействия пандемии COVID-19 на рабо-

¹⁶ *Išanalizavo, kaip koronavirusas paveikė Lietuvos verslus: išskirti ekonomikos sektoriai nugalėtojai ir pralaimėtojai*. 24.05.2020 // DELFI.lt. URL: <https://www.delfi.lt/verslas/verslas/isanalizavo-kaip-koronavirusas-paveike-lietuvos-verslus-isskirti-ekonomikos-sektoriai-nugaletojai-ir-pralaimetojai.d?id=84340395> (дата обращения: 27.10.2020).

¹⁷ *Darbas koronaviruso pasaulyje*. 20.05.2020 // Manoalga.lt. URL: <https://www.manoalga.lt/analyses/darbas-koronaviruso-pasaulyje/50616> (дата обращения: 28.10.2020).

¹⁸ Ibid.

чие места в различных секторах сферы труда Литвы.

Другие респонденты отметили, что в их сфере деятельности изменения были незначительными, сменилось только само место работы, поскольку они стали работать дистанционно. В необходимости работать из дома респонденты отмечали как положительные, так и отрицательные стороны. Возможность сосредоточиться на работе и отсутствие необходимости отвлекаться на коллег и шум в офисе респонденты оценили как положительный аспект работы на дому:

В целом для меня ничего не изменилось, я бы даже сказал, что повысилась продуктивность, потому что появилась возможность больше концентрироваться на своих задачах, отсутствуют отвлекающие разговоры и кофе-паузы. Поэтому можно сказать, что я стал работать эффективнее и быстрее, но в целом изменений не произошло, моя деятельность проходит за компьютером, личные встречи мне не нужны, совещания проводятся в Skype, но и раньше все встречи с коллегами из Германии проходили в Skype, так что сейчас изменений почти нет.

(мужчина, 35 лет, 7-летний опыт проживания в Дании, Швеции, Германии)

Приведенное мнение респондента соответствует выводам других исследований о том, что профессионалы, которые выполняют сложные задачи, не требующие интенсивного общения со своими коллегами, больше поддерживают работу из дома и сами работают более продуктивно [39]. Однако это мнение высказано только теми респондентами, у которых нет детей, чья трудовая деятельность изначально осуществлялась посредством компьютера или могла быть условно легко преобразована в таковую, например деятельность в сфере образования или в сфере управления проектами. Во время закрытия школ в период карантина семьи с детьми дошкольного и младшего школьного возраста столкнулись с серьезными трудностями, связанными с одновременным осуществлением трудовой деятельности из дома и присмотром за маленькими детьми либо с необходимостью помогать ученикам начальной школы с выполнением удаленных уроков. Кроме того, согласно исследованиям, производительность труда на дому в период пандемии COVID-19 действительно снизилась [40].

В качестве еще одного отрицательного аспекта работы из дома респонденты указывали ощущение изоляции, тоски по семье, друзьям и коллегам:

Я очень скучаю по людям, по живым встречам, и не только с семьей, но и с коллегами и друзьями. Никогда раньше ничего подобного не испытывал. Теперь я понимаю, насколько важно живое общение, мне его очень не хватает.

(мужчина, 35 лет, 7-летний опыт проживания в Дании, Швеции и Германии).

Негативный аспект удаленной работы также был отмечен исследователями, которые отмечали повышенное чувство тревоги и одиночества, появляющееся во время работы из дома [40; 41], а также эмоциональные переживания, вызванные разрывом социальных связей¹⁹. Эти отрицательные эмоции усугубляются общим беспокойством, вызванным пандемией, что приводит к «усилению личного финансового давления, социальной изоляции, страха заражения или потери работы» [41]. Респонденты также отмечали, что работа из дома значительно замедлила рабочий процесс в некоторых сферах деятельности, особенно там, где культура труда изначально была низкой:

¹⁹ *Impact of COVID-19 on working lives. 03.09.2020 // CIPD. URL: <https://www.cipd.co.uk/knowledge/work/trends/goodwork/covid-impact> (дата обращения: 27.10.2020).*

Когда был введен режим карантина, мы получили рекомендацию работать из дома. <...> Все шестеро [моих сотрудников] начали работать на дому, и все шестеро подумали, что это отпуск. <...> Они посчитали, что поскольку им все равно платят зарплату, они могут заняться другими делами: помочь детям с дистанционным онлайн-обучением, сходить в магазин и многое другое, но никак не работать.

(мужчина, около 50 лет, 10-летний опыт проживания в США)

Другие опрошенные респонденты отметили, что с началом карантина их рабочая нагрузка только выросла в связи с увеличением оборота электронной документации и необходимостью переосмысления стратегий работы и изменения способов реализации своих проектов:

Меня только что взяли на работу по открытию интернет-магазина, поэтому работа и так шла в Интернете, но приходилось совершать большое количество телефонных звонков, вести большой объем корреспонденции, приходилось решать все вопросы максимально быстро в условиях ограничений, вызванных карантином, эти ограничения осложняли и замедляли обычные простые способы решения задач.

(женщина, 30 лет, 7-летний опыт проживания в Великобритании)

Мы все в нашей организации работаем удаленно. Работа, конечно, не остановилась, ее объемы даже увеличились, потому что до этого все наши проекты были основаны на мобильности и путешествиях, так что много пришлось пересмотреть

(женщина, 30 лет, 13-летний опыт проживания в Великобритании)

Увеличение рабочей нагрузки во время пандемии COVID-19, отмеченное респондентами, зафиксировано также и в результатах исследования, проведенного в Великобритании в мае и июне 2020 года, подтверждающих, что «ключевые сотрудники испытывают значительное увеличение рабочей нагрузки во время пандемии COVID-19»²⁰. Результаты анализа ответов реэмигрантов показали, что повышение нагрузки наблюдалось также в определенных секторах, например в электронной коммерции или в IT-секторе. Таким образом, список «основных» или «жизнеобеспечивающих» сфер труда, находящихся на переднем крае пандемии COVID-19, в которые входят здравоохранение, социальная помощь, продажа продуктов питания, курьерские службы и т.д., должен быть расширен.

Подводя итог, необходимо отметить, что влияние пандемии COVID-19 и введение карантина оказали разное влияние на рабочие места в разных сферах труда. Сотрудники, потерявшие работу или испытывавшие снижение объемов работы, понесли значительные финансовые потери, сотрудники, сохранившие работу и социальные гарантии, таких потерь не ощутили. Как отмечает респондент:

Я работаю, мой муж работает в Англии, а социальные гарантии там даже лучше, зарплата выплачивается, мы не должны себя ограничивать финансово, так что этот кризис мы переживаем благополучно. По крайней мере, до сих пор.

(женщина, 35 лет, 7-летний опыт проживания в Великобритании)

Таким образом, последствия влияния пандемии COVID-19 на рабочие места вернувшихся высококвалифицированных мигрантов совпадают с последствиями этого влияния на рабочие места других высококвалифицированных работников в Литве. Однако опыт жизни вне зоны комфорта и приобретенная в условиях эмиграции уверенность в себе дают определенные преимущества реэмигрантам в преодолении последствий пандемии.

²⁰ Impact of COVID-19 on working lives. 03.09.2020 // CIPD. URL: <https://www.cipd.co.uk/knowledge/work/trends/goodwork/covid-impact> (дата обращения: 27.10.2020).

Выводы

После восстановления независимости в 1990 году Литва пережила волну эмиграции своих граждан. Возвратная миграция составляет относительно небольшую часть миграции в целом, однако за последние два года (2019—2020) уровень иммиграции значительно вырос благодаря иммиграции граждан из других стран и большому потоку возвращающихся граждан Литвы. Эти изменения миграционных потоков связаны с тремя макроэкономическими факторами:

- улучшением экономической ситуации в Литве,
- «Брекситом» (наибольшая часть литовских эмигрантов проживала в Великобритании до пандемии) и
- пандемией COVID-19, поскольку по сравнению с другими странами ЕС Литва эффективно противостояла распространению заболевания, и стране удавалось относительно хорошо поддерживать экономику на должном уровне в условиях карантина.

Следовательно, помимо других причин реэмиграция литовцев в страну происхождения была также вызвана пандемией.

Тем не менее нет никаких гарантий, что после окончания пандемии COVID-19 не произойдет роста обратного потока эмиграции из Литвы. Культура миграции, сложившаяся за последние три десятилетия, когда относительно большая часть населения готова к эмиграции, а также ограниченные возможности поиска работы, вызванные карантином, могут побудить эту часть населения осуществить свои планы. Помимо вышеупомянутых причин, которые могут вынудить вернувшихся литовцев вновь эмигрировать, существуют также проблемы принятия реэмигрантов в стране и их социальных трансфертов. Усиление негативного отношения в обществе к вернувшимся во время пандемии мигрантам и сопротивление инновациям (знаниям и навыкам, обретенным за границей, а также опыту иной трудовой культуры), внедряемым реэмигрантами на своих рабочих местах, создают факторы, побуждающие к повторной миграции.

Вернувшиеся литовские граждане обладают разным опытом работы. Некоторые легко смогли применить свои компетенции и сумели осуществить социальный перенос знаний, навыков, трудовой этики и культуры, в то время как другие столкнулись с противостоятствием их идеям и опыту. Основные особенности применения социальных трансфертов, выявленные в ходе исследования, следующие:

- 1) тип приобретенных знаний, навыков и опыта — высокая квалификация намного более востребована, чем низкая;
- 2) степень желания реэмигрантов совершить перенос знаний и делиться своим социальным «багажом»;
- 3) готовность рабочего места к применению данного социального трансфера.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что до сих пор в Литве самым большим препятствием к принятию социальных трансфертов, осуществляемых мигрантами, было нежелание государственных предприятий и учреждений интегрировать эти знания. Анализ интервью показал, что, несмотря на то, что руководители в той или иной степени принимали вернувшихся мигрантов, нуждались в их компетенциях и были заинтересованы в их идеях, коллеги репатриантов довольно скептически относились к предлагаемым нововведениям. Независимо от противодействия, с которым они столкнулись, респонденты совершили ряд нововведений на своих рабочих местах: обучение сотрудников компании, внедрение новых научных проектов и методов работы с клиентами, разработка нового продукта, внедрение новых способов организации работы в компании, новых методов работы со студентами или детьми, страдающими аутизмом, разработка совместных проектов с научными учреждениями и предприятиями, запуск новых культурных и образовательных программ с привлечением людей, испытывающих социальную изоляцию, людей с физическими или умственными особенностями, из разных возрастных групп и т.д.

Внедрение этого инновационного потенциала следует поощрять за счет введения специальных государственных и муниципальных мер, которые могут помочь привлечь высококвалифицированных вернувшихся мигрантов в государственный сектор, поскольку чем больше реэмигрантов будет на руководящих должностях, тем скорее произойдет преобразование и повысится эффективность этого сектора. Большая часть населения Литвы одобряет особые меры по стимулированию возвращения мигрантов и считает, что Литва должна добиваться возвращения «высококвалифицированных граждан своей страны и создателей успешных предприятий, чьи знания и связи могут способствовать прогрессу страны»²¹.

Влияние карантина, введенного в связи с пандемией COVID-19, распространялось в равной степени на рабочие места вернувшихся мигрантов и других граждан Литвы. Те, кто получил возможность продолжать трудовую деятельность, смогли поддерживать свой уровень дохода. По мнению респондентов, работа из дома имеет как положительные, так и отрицательные стороны: некоторые отмечают, что повысили свою продуктивность, поскольку смогли лучше концентрироваться на задачах, другие, напротив, испытали значительные затруднения с осуществлением своей трудовой деятельности, поскольку вынуждены были отвлекаться на детей дошкольного и младшего школьного возраста. Респонденты также отмечали сложности переживания опыта изоляции от членов своей семьи, коллег и друзей. Таким образом, степень отрицательного влияния пандемии COVID-19 на сферу труда зависит от области трудовой деятельности и характера выполняемой работы, ситуации в семье работников, а также трудовой этики и культуры труда, принятых на конкретном рабочем месте.

Было установлено, что респонденты, опрошенные в процессе исследования, имели преимущества даже в условиях пандемии по сравнению с низкоквалифицированными работниками благодаря своей высокой квалификации, поскольку у них было больше возможностей работать из дома. Таким образом, «удаленная работа усугубляет социальное неравенство, в основном помогая людям с высокими доходами» [42]. Низкоквалифицированные работники с меньшей вероятностью смогут работать удаленно и в результате будут больше подвержены риску заражения или потери работы. Более того, пандемия вынуждает общество к ускоренному внедрению и использованию технологий, автоматизации и искусственного интеллекта почти во всех сферах, даже в таких, где требуются мигранты, обладающие низкой квалификацией. Таким образом, в долгосрочной перспективе пандемия может привести к снижению спроса на низкоквалифицированные рабочие места, которые традиционно заполняются мигрантами. С другой стороны, пандемия также может стимулировать более широкое использование удаленной работы, образования и повышения квалификации, что может замедлить процесс экономической эмиграции высококвалифицированных работников, а также открывает возможности выбора места жительства на основе иных критериев, чем местонахождение рабочего места.

Список литературы

1. Žvalionytė D. The Integration of Return Migrants in Their Home Country's Labour Market Evidence from Lithuania. Summary of PhD thesis. URL: https://www.researchgate.net/publication/339400620_2014_Zvalionyte_The_Integration_of_Return_Migrants_in_Their_Home_Country's_Labour_Marke_Evidence_from_Lithuania_SUMMARY_of_PhD_thesis. doi: 10.13140/RG.2.2.22857.70249 (дата обращения: 03.09.2020).

²¹ *Grįžtamoji migracija auga — bet ar visi grįžtantieji laukiami?* 19.08.2020 // IOM International Organization for Migration. URL: <http://www.iom.lt/lt/naujienos/364> (дата обращения: 26.10.2020).

2. *Haynes M., Galasińska A.* Narrating Migrant Workplace Experiences: Social Remittances to Poland as Knowledge of British Workplace Cultures // *Central and Eastern European Migration Review*. 2016. Vol. 5, no. 2. P. 41—62. doi: 10.17467/ceemr.2016.15.
3. *Grabowska I.* Social Skills, Workplaces and Social Remittances: A Case of Post-Accession Migrants // *Work, Employment and Society*. 2017. Vol. 32, no. 5. P. 868—886. doi: 10.1177/0950017017719840.
4. *Grabowska I.* Social remittances: Channels of diffusion // *The impact of Migration on Poland: EU Mobility and Social Change*. UCL Press, 2018.
5. *Levitt P.* Social Remittances: Migration Driven Local-Level Forms of Cultural Diffusion // *International Migration Review*. 1998. Vol. 32, no. 4. P. 926—948.
6. *Levitt P., Lamba-Nieves D.* Social Remittances Revisited // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2011. Vol. 37, no. 1. P. 1—22. doi: <https://doi.org/10.1080/1369183x.2011.521361>.
7. *Johnson B., Sedaca S.* Diasporas, Émigrés and Development: Economic Linkages and Programmatic Responses // *A Special Study of the U.S. Agency for International Development (USAID) Trade Enhancement for the Services Sector (TESS) Project*. 2004. URL: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PNADC365.pdf (дата обращения: 17.09.2020).
8. *Kuznetsov Y.* From Brain Drain to Brain Circulation? How Countries Can Draw on Their Talent Abroad // *World Bank Institute*. 2010. Presentation at the conference «Science against Poverty», La Granja, Spain. URL: <http://web.worldbank.org/archive/website01419/WEB/IMAGES/KUZNETSO.PDF> (дата обращения: 17.09.2020).
9. *Kuznetsov Y.* Main conceptual, empirical, and policy issues // *How can talent abroad induce development at home? Towards a Pragmatic Diaspora Agenda* / Y. Kuznetsov (ed.). Migration Policy Institute, 2013.
10. *Pérez-Armendáriz C., Crow D.* Do Migrants Remit Democracy? International Migration, Political Beliefs, and Behavior in Mexico // *Comparative Political Studies*. 2010. Vol. 43, no. 1. P. 119—148. doi: <https://doi.org/10.1177/0010414009331733>.
11. *Boccagn P., Lafleur J.M., Levitt P.* Transnational Politics as Cultural Circulation: Toward a Conceptual Understanding of Migrant Political Participation on the Move // *Mobilities*. 2016. Vol. 11, no. 3. P. 444—463. doi: <https://doi.org/10.1080/17450101.2014.1000023>.
12. *Plaza S., Radha D.* Harnessing Diaspora Resources for Africa // *Diaspora for development in Africa*. Washington, 2011.
13. *Brinkerhoff J.M.* Creating an Enabling Environment for Diasporas' Participation in Homeland Development // *International Migration*. 2012. Vol. 50, no. 1. P. 75—95. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2009.00542.x>.
14. *Kapur D.* Political Effects of International Migration // *The Annual Review of Political Science*. 2014. Vol. 17. P. 479—502. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-043010-095807>.
15. *Gudelis D., Gečienė I., Jakulevičienė L.* Lietuvos diasporos potencialo panaudojimas valstybės gerovei kurti: Europos sąjungos šalių narių geroji praktika. URL: http://www.esparama.lt/es_parama_pletra/failai/ESFproduktai/2012_LT_diasporos_potencialo_panaudojimas_valstybes_gerovei_kurti.pdf (дата обращения: 03.09.2020).
16. *Gečienė I., Kanopaitė S.* Diasporos indėlis į Lietuvos gerovės kūrimą. Diasporos profesionalai: kaip juos telkti kuriant Lietuvos gerovę. Mykolo Romerio universitetas ir Socialinių inovacijų institutas, 2015.
17. *Gečienė I., Matulaitis Š.* Lithuanian Diaspora Role in Sustainable Development of Country // *Regional Formation and Development Studies*. 2012. Vol. 3, no. 8. P. 84—91.
18. *Grabowska I., Engbersen G.* Social Remittances and the Impact of Temporary Migration on an EU Sending Country: The Case of Poland // *Central and Eastern European Migration Review*. 2016. Vol. 5, no. 2. P. 99—117.
19. *Karolak M.* From Potential to Actual Social Remittances? Exploring How Polish Return Migrants Cope with Difficult Employment Conditions // *Central and Eastern European Migration Review*. 2016. Vol. 5, no. 2. P. 21—39.
20. *Sandu D.* Remittances as Home Orientation Rooted in the Lifeworlds of Immigrants // *Central and Eastern European Migration Review*. 2016. Vol. 5, no. 2. P. 81—98.

21. Čiubrinskas V. Returning with Resources: Social Remittances and the uncertain belonging of transatlantic remigrants // Remigration to Post-Socialist Europe: Hopes and Realities of Return // Hornstein-Tomic C., Pichler R., Scholl-Schneider (Eds.). Wien, Zurich, 2018.
22. Cingolani P., Vietti F. My Parents Fell behind: Social Remittances, Integration and Generational Change among Moldovan Immigrants // Journal of International Migration and Integration. 2019. doi: doi.org/10.1007/s12134-019-00701-z.
23. Drbohlav D., Dzuřova D. Social Remittances upon Closer Examination: Moldovan Migrants in Prague, Czechia and Turin, Italy // Problems of Post-Communism. 2020. doi: 10.1080/10758216.2020.1760723.
24. White A. An Inside-Out Approach to Social Remittances: Linking Migration and Social Change in Poland // Migration and Social Remittances in a Global Europe, Nowicka, M. and Šerbedžia, V. (eds.). Palgrave MacMillan, 2016. doi: https://doi.org/10.1057/978-1-137-60126-1_3.
25. White A., Grabowska I. Social Remittances and Social Change in Central and Eastern Europe: Embedding Migration in the Study of Society // Central and Eastern European Migration Review. 2019. Vol. 8, No. 1. P. 33–50
26. Garapich M. I Don't Want This Town to Change: Resistance, Bifocality and the Infra-Politics of Social Remittances // Central and Eastern European Migration Review. 2016. Vol. 5, № 2. P. 155–165.
27. Dzięglewski M. Return Migration and Social Change in Poland: 'Closures' to Migrants' Non-Economic Transfers // Central and Eastern European Migration Review. 2016. Vol. 5, no. 2. P. 167–188.
28. Nevinskaitė L. Social Remittances from the Professional Diaspora: The Issue of Home-Country Receptivity // Central and Eastern European Migration Review. 2016. Vol. 5, no. 2. P. 135–153.
29. King R. Buzinska L., Lulle A. Beyond Remittances: Knowledge Transfer among Highly Educated Latvian Youth Abroad // Sociology of Development. 2016. Vol. 2, no. 2. P. 183–203.
30. Järvinen-Alenius P., Virkama A. Transformative Impact of Social Remittances in Transnational Settings // Transnationalisation and Institutional Transformations / Faist et al. (eds). Bielefeld, 2010.
31. Levitt P., Rajaram N. The Migration–Development Nexus and Organizational Time // International Migration Review. 2013. Vol. 47, no. 3. P. 483–507. doi: <https://doi.org/10.1111/imre.12034>.
32. Kivisto P. Theorizing transnational immigration: a critical review of current efforts // Ethnic and Racial Studies. 2001. Vol. 24, no. 4. 549–77. doi: <https://doi.org/10.1080/01419870120049789>.
33. Snel E., Engbersen G., Leerkes A. Transnational involvement and social integration // Global Networks. 2006. Vol. 6, no. 3. P. 285–308. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1471-0374.2006.00145.x>.
34. Siar S. Skilled Migration, Knowledge Transfer and Development: The Case of the Highly Skilled Filipino Migrants in New Zealand and Australia // Journal of Current Southeast Asian Affairs. 2011. Vol. 30, no. 3. P. 61–94. doi: <https://doi.org/10.1177/186810341103000303>.
35. Ambrosini M. Migration and Transnational Commitment: Some Evidence from the Italian Case // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2014. Vol. 40. Vol. 4. P. 619–637. doi: <https://doi.org/10.1080/1369183x.2013.830883>.
36. Ahmadov A.K., Sasse G. Empowering to engage with the homeland: do migration experience and environment foster political remittances? // Comparative Migration Studies. 2016. Vol. 4. P. 1–25. doi: <https://doi.org/10.1186/s40878-016-0041-z>.
37. Stankūnienė V. Lietuvos populiacijos nykimo tempai nemažėja // bernardinai.lt 09.02.2016. URL: <https://www.bernardinai.lt/2016-02-09-lietuvos-populiacijos-nykimo-tempai-nemazeja/> (дата обращения: 11.09.2020).
38. Rakauskė R. Nykstanti Lietuva auga: prognozuoja Airijos scenarijų. 22.09.2020. // DELFI.lt. URL: <https://www.delfi.lt/verslas/verslas/nykstanti-lietuva-auga-prognozuoja-airijos-scenariju.d?id=85259635> (дата обращения: 11.09.2020).
39. Allen T.D., Cho E., and Meier L.L. Work–family boundary dynamics // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2014. Vol. 1, no. 1. P. 99–121. doi: <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-031413-091330>.

40. *Robinson B.* What Studies Reveal About Social Distancing And Remote Working During Coronavirus. 04.04.2020. // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/bryanrobinson/2020/04/04/what-7-studies-show-about-social-distancing-and-remote-working-during-covid-19/?sh=48203e95757e> (дата обращения: 11.09.2020).

41. *Shaw W.S., Main Ch. J., Findley P.A. et al.* Opening the Workplace After COVID-19: What Lessons Can be Learned from Return-to-Work Research? // Journal of Occupational Rehabilitation. 2020. Vol. 30, no. 3. P. 299–302. doi: <https://doi.org/10.1007/s10926-020-09908-9>.

42. *Pimentel E.* COVID-19 could have a lasting, positive impact on workplace culture. 10.08.2020. // The Conversation. URL: <https://theconversation.com/covid-19-could-have-a-lasting-positive-impact-on-workplace-culture-143297> (дата обращения: 26.10.2020).

Об авторе

Ингрида Гечене-Янулионе, директор, Институт социальных инноваций, Литва; научный сотрудник, Вильнюсский университет, Литва.

E-mail: gecieneingrida@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7174-7959>

IMPACT OF REMIGRATION ON THE WORK SPHERE UNDER COVID-19: THE CASE OF LITHUANIA

I. Geciene-Janulione

Institute of Social Innovations
15 Sauletekio St., Vilnius, 10224, Lithuania
Vilnius University
3 Universiteto St., Vilnius, 01513, Lithuania

Received 10 October 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-6
© Geciene-Janulione I., 2020

Remigration opens up the opportunity for a country to see the return of its citizens from migration, bringing with them their ideas, knowledge, values and skills. The work sphere is one of the main areas where these social remittances can be used. Still, very little attention is paid to the workplace in social remittance literature. Therefore, the first aim of this article is to explore the types of remigrants' social remittances, the ways they are transmitted and their acceptance in the work sphere. During the COVID-19 pandemic, the work sphere was heavily affected as many workplaces were closed because of the quarantine and requirements to maintain social distancing. Thus, the second aim of this article is to investigate the impact of COVID-19 on the transfer of remigrants' social remittances to the work sphere. The article is based on 15 interviews with highly-qualified remigrants and five interviews with their colleagues working in Lithuania. The interviews were conducted in May–July 2020 within the project 'Social remittances of remigrants for society welfare growth: challenges and experiences in a comparative perspective', financed by the Research Council of Lithuania.

Keywords:

remigration, work sphere, Covid-19, social remittances

To cite this article: Geciene-Janulione, I. 2020, Impact of remigration on the worksphere under COVID-19: the case of Lithuania, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no. 4, p. 103–127. doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-6.

References

1. Žvalionytė, D. 2014. The Integration of Return Migrants in Their Home Country's Labour Market Evidence from Lithuania, Summary of PhD thesis. doi: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.22857.70249>.
2. Haynes, M., Galasińska, A. 2016, Narrating Migrant Workplace Experiences: Social Remittances to Poland as Knowledge of British Workplace Cultures, *Central and Eastern European Migration Review*, vol. 5, no. 2, p. 41–62. doi: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.22857.7024910.17467/ceemr.2016.15>.
3. Grabowska, I. 2017, Social Skills, Workplaces and Social Remittances: A Case of Post-Acquisition Migrants, *Work, Employment and Society*, vol. 32, no. 5, p. 868–886. doi: <https://doi.org/10.1177/0950017017719840>
4. Grabowska, I. 2018, Social remittances: Channels of diffusion. In: *The impact of Migration on Poland: EU Mobility and Social Change*, UCL Press.
5. Levitt, P. 1998, Social Remittances: Migration Driven Local-Level Forms of Cultural Diffusion, *International Migration Review*, vol. 32, no. 4, p. 926–948.
6. Levitt, P., Lamba-Nieves, D. 2011, Social Remittances Revisited, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 37, no. 1, p. 1–22. doi: <https://doi.org/10.1080/1369183x.2011.521361>.
7. Johnson, B., Sedaca, S. 2004, Diasporas, Émigrés and Development: Economic Linkages and Programmatic Responses. In: A Special Study of the U.S. Agency for International Development (USAID) Trade Enhancement for the Services Sector (TESS) Project, available at: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PNADC365.pdf (accessed 17.09.2020).
8. Kuznetsov, Y. 2010, From Brain Drain to Brain Circulation? How Countries Can Draw on Their Talent Abroad, *World Bank Institute*, Presentation at the conference “Science against Poverty”, La Granja, Spain, available at: <http://web.worldbank.org/archive/website01419/WEB/IMAGES/KUZNETSO.PDF> (accessed 17.09.2020).
9. Kuznetsov, Y. 2013, Main conceptual, empirical, and policy issues. In: Kuznetsov, Y. (ed.) *How can talent abroad induce development at home? Towards a Pragmatic Diaspora Agenda*, Migration Policy Institute.
10. Pérez-Armendáriz, C., Crow, D. 2010, Do Migrants Remit Democracy? International Migration, Political Beliefs, and Behavior in Mexico, *Comparative Political Studies*, vol. 43, no. 1, p. 119–148. doi: <https://doi.org/10.1177/0010414009331733>.
11. Boccagn, P., Lafleur, J.M., Levitt, P. 2016, Transnational Politics as Cultural Circulation: Toward a Conceptual Understanding of Migrant Political Participation on the Move, *Mobilities*, vol. 11, no. 3, p. 444–463. doi: <https://doi.org/10.1080/17450101.2014.1000023>.
12. Plaza, S., Radha, D. 2011, Harnessing Diaspora Resources for Africa. In: *Diaspora for development in Africa*, Washington, The World Bank, available at: https://www.library.imf.org/view/IMF022/11506-9781451953633/11506-9781451953633/11506-9781451953633_A016.xml?language=en&redirect=true (accessed 09.09.2020).
13. Brinkerhoff, J.M. 2012, Creating an Enabling Environment for Diasporas' Participation in Homeland Development, *International Migration*, vol. 50, no. 1, p. 75–95. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2009.00542.x>.
14. Kapur, D. 2014, Political Effects of International Migration, *The Annual Review of Political Science*, vol. 17, p. 479–502. doi: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-043010-095807>.
15. Gudelis, D., Gečienė, I., Jakulevičienė, L. 2012, *Lietuvos diasporos potencialo panaudojimas valstybės gerovei kurti: Europos sąjungos šalių narių geroji praktika*, available at: http://www.esparama.lt/es_parama_pletra/failai/ESFproduktai/2012_LT_diasporos_potencialo_panaudojimas_valstybes_gerovei_kurti.pdf. (accessed 03.09.2020).
16. Gečienė, I., Kanopaitė, S. 2015, Diasporos indėlis į Lietuvos gerovės kūrimą. In: *Diasporos profesionalai: kaip juos telkti kuriant Lietuvos gerovę*, Mykolo Romerio universitetas ir Socialinių inovacijų institutas.
17. Gečienė, I., Matulaitis, Š. 2012, Lithuanian Diaspora Role in Sustainable Development of Country, *Regional Formation and Development Studies*, vol. 3, no. 8, p. 84–91.
18. Grabowska, I., Engbersen, G. 2016, Social Remittances and the Impact of Temporary Migration on an EU Sending Country: The Case of Poland, *Central and Eastern European Migration Review*, vol. 5, no. 2, p. 99–117.

19. Karolak, M. 2016, From Potential to Actual Social Remittances? Exploring How Polish Return Migrants Cope with Difficult Employment Conditions, *Central and Eastern European Migration Review*, vol. 5, no. 2, p. 21—39.
20. Sandu, D. 2016, Remittances as Home Orientation Rooted in the Lifeworlds of Immigrants, *Central and Eastern European Migration Review*, vol. 5, no. 2, p. 81—98.
21. Čiubrinskas, V. 2018, Returning with Resources: Social Remittances and the uncertain belonging of transatlantic remigrants. In: Hornstein-Tomic, C., Pichler, R., Scholl-Schneider, S. (eds.) *Remigration to Post-Socialist Europe: Hopes and Realities of Return*, Wien, Zurich, LIT Verlag.
22. Cingolani, P., Vietti, F. 2019, My Parents Fell behind': Social Remittances, Integration and Generational Change among Moldovan Immigrants, *Journal of International Migration and Integration*. doi: <https://doi.org/110.1007/s12134-019-00701-z>.
23. Drbohlav, D., Dzurova, D. 2020, Social Remittances upon Closer Examination: Moldovan Migrants in Prague, Czechia and Turin, Italy, *Problems of Post-Communism*. doi: <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1760723>.
24. White, A. 2016, An Inside-Out Approach to Social Remittances: Linking Migration and Social Change in Poland. In: Nowicka, M., Šerbedžia, V. (eds.) *Migration and Social Remittances in a Global Europe*, Palgrave MacMillan. doi: https://doi.org/10.1057/978-1-137-60126-1_3.
25. White, A., Grabowska, I. 2019, Social Remittances and Social Change in Central and Eastern Europe: Embedding Migration in the Study of Society, *Central and Eastern European Migration Review*, Vol. 8, no. 1, p. 33—50.
26. Garapich, M. 2016, I Don't Want This Town to Change': Resistance, Bifocality and the Infra-Politics of Social Remittances", *Central and Eastern European Migration Review*, vol. 5, no. 2, p. 155—165.
27. Dziegłowski, M. 2016, Return Migration and Social Change in Poland: 'Closures' to Migrants' Non-Economic Transfers, *Central and Eastern European Migration Review*, vol. 5, no. 2, p. 167—188.
28. Nevinskaitė, L. 2016, Social Remittances from the Professional Diaspora: The Issue of Home-Country Receptivity, *Central and Eastern European Migration Review*, vol. 5, no. 2, p. 135—153.
29. King, R., Buzinska, L., Lulle, A. 2016, Beyond Remittances: Knowledge Transfer among Highly Educated Latvian Youth Abroad, *Sociology of Development*, vol. 2, no. 2, p. 183—203.
30. Järvinen-Alenius, P., Virkama, A. 2010, Transformative Impact of Social Remittances in Transnational Settings. In: Faist T. et al. (eds). *Transnationalisation and Institutional Transformations*, Bielefeld, University of Bielefeld, Center on Migration, Citizenship and Development.
31. Levitt, P., Rajaram, N. 2013, The Migration-Development Nexus and Organizational Time, *International Migration Review*, vol. 47, no. 3, p. 483—507. doi: <https://doi.org/10.1111/imre.12034>.
32. Kivisto, P. 2001, Theorizing transnational immigration: a critical review of current efforts, *Ethnic and Racial Studies*, vol. 24, no. 4, p. 549—77. doi: <https://doi.org/10.1080/01419870120049789>
33. Snel, E., Engbersen, G., Leerkes, A. 2006, Transnational involvement and social integration, *Global Networks*, vol. 6, no. 3, p. 285—308. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1471-0374.2006.00145.x>
34. Siar, S. 2011, Skilled Migration, Knowledge Transfer and Development: The Case of the Highly Skilled Filipino Migrants in New Zealand and Australia, *Journal of Current Southeast Asian Affairs*, vol. 30, no. 3, p. 61—94. doi: <https://doi.org/10.1177/186810341103000303>.
35. Ambrosini, M. 2014, Migration and Transnational Commitment: Some Evidence from the Italian Case, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 4, no. 4, p. 619—637. doi: <https://doi.org/10.1080/1369183x.2013.830883>.
36. Ahmadov, A.K., Sasse, G. 2016, Empowering to engage with the homeland: do migration experience and environment foster political remittances? *Comparative Migration Studies*, vol. 4, p. 1—25. doi: <https://doi.org/10.1186/s40878-016-0041-z>.
37. Stankūnienė, V. 2016, Lietuvos populiacijos nykimo tempai nemažėja, *Bernardinai.lt*, 09.02.2016, available at: <https://www.bernardinai.lt/2016-02-09-lietuvos-populiacijos-nykimo-tempai-nemazeja/> (accessed 10.08.2020).
38. Rakauskė, R. 2020, Nykstanti Lietuva auga: prognozuoja Airijos scenarijų, *DELFI.lt*, 22.09.2020, available at: <https://www.delfi.lt/verslas/verslas/nykstanti-lietuva-auga-prognozuoja-airijos-scenariju.d?id=85259635> (accessed 23.09.2020).

39. Allen, T.D., Cho, E., Meier, L.L. 2014 Work-family boundary dynamics, *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, vol. 1, no. 1, p. 99–121. doi: <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-031413-091330>.
40. Robinson, B. 2020, What Studies Reveal About Social Distancing And Remote Working During Coronavirus, *Forbes*, 4.4.2020, available at: <https://www.forbes.com/sites/bryanrobinson/2020/04/04/what-7-studies-show-about-social-distancing-and-remote-working-during-covid-19/?sh=48203e95757e> (accessed 11.09.2020),
41. Shaw, W.S., Main, Ch.J., Findley, P.A., Collie, A., Kristman, V.L., Gross, D.P. 2020, Opening the Workplace After COVID-19: What Lessons Can be Learned from Return-to-Work Research? *Journal of Occupational Rehabilitation*, vol. 30, no. 3, p. 299–302. doi: <https://doi.org/10.1007/s10926-020-09908-9>.
42. Pimentel, E. 2020, COVID-19 could have a lasting, positive impact on workplace culture, *The Conversation*, 10.08.2020, available at: <https://theconversation.com/covid-19-could-have-a-lasting-positive-impact-on-workplace-culture-143297> (accessed 26.10.2020).

The author

Ingrida Gečienė-Janulionė, Director, Institute of Social Innovations, Lithuania;
Researcher, Vilnius University, Lithuania.

E-mail: gecieneingrida@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7174-7959>

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ РОССИИ И СТРАН БАЛТИИ ВСЛЕДСТВИЕ ЭФФЕКТОВ ПАНДЕМИИ COVID-19: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ И СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ю. В. Симачев¹

А. А. Федюнина¹

Ю. В. Аверьянова²

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
101000, Россия, Москва, Покровский б-р, 11

² Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге
194100, Россия, Санкт-Петербург, ул. Кантемировская, 3, корп.1, лит. А

Поступила в редакцию 12.08.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-7

© Симачев Ю.В., Федюнина А.А.,
Аверьянова Ю.В., 2020

Россия и страны Балтии исторически являются внешнеэкономическими партнерами, однако на современном этапе внешнеэкономические взаимоотношения характеризуются как довольно напряженные, международная торговля слабо развивается и не способствует задачам развития обеих сторон. В отличие от динамики традиционной международной торговли торговля стран Балтии и России внутри глобальных цепочек создания стоимости и деятельности многонациональных компаний существенно более устойчива к геополитическим и экономическим шокам. В частности, присоединение Эстонии, Латвии и Литвы к ЕС и НАТО в 2004 году, введение взаимных санкций ЕС и Россией в 2014 году не оказали значимого влияния на сжатие цепочек создания стоимости между Россией и странами Балтии. Выделены факторы трансформации цепочек создания стоимости России и стран Балтии в результате последствий пандемии COVID-19. Цель статьи — обосновать регионализацию как перспективу трансформации глобальных цепочек создания стоимости России и стран Балтии. Показано, что регионализация цепочек в среднесрочной перспективе возможна: (1) как отражение глобальных трендов трансформации цепочек в традиционных отраслях специализации России и стран Балтии; (2) как решение долгосрочных структурных вызовов России и стран Балтии по созданию нового слоя конкурентоспособных на международном уровне фирм; (3) как результат ответа компаний на вызовы пандемии в условиях устойчивых исторически сложившихся отношений; (4) как следствие сохранения сильных социальных контактов и результат действия «мягкой силы». Отмечается, что драйверами регионализации цепочек могут стать инициативы отдельных компаний и региональных (местных) правительств в сочетании с расширением практики приграничного сотрудничества отдельных регионов России и стран Балтии. В заключении обсуждаются следствия для политики России и стран Балтии, которые будут способствовать лучшему использованию положительных эффектов от регионализации глобальных цепочек между всеми сторонами.

Ключевые слова:

глобальные цепочки создания стоимости, страны Балтии, Россия, пандемия, COVID-19

Для цитирования: Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Аверьянова Ю.В. Трансформация глобальных цепочек создания стоимости России и стран Балтии вследствие эффектов пандемии COVID-19: перспективы регионализации и следствия для экономической политики // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 4. С. 128–146. doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-7.

Введение

Глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС) оказались в центре обсуждения перспектив мировой экономики с первых дней распространения кризиса, вызванного пандемией COVID-19 [1]. Вынужденная приостановка производств в Китае в целях противоэпидемических мер создала проблемы устойчивости поставок, отразившиеся на европейских и американских компаниях, что было названо «заражением через цепочки поставок» [1]. Вместе с тем обсуждение трансформации глобальных цепочек и следствия для глобального производства находились в повестке обсуждения еще задолго до начала пандемии¹ [2; 3]. Шоки, связанные с распространением пандемии COVID-19, стали, таким образом, своеобразным катализатором для трансформации ГЦСС.

Если в недавно опубликованной литературе отмечалось, что подверженность внешним шокам характерна для малых стран с высокой интенсивностью участия во внешней торговле², то в более поздних исследованиях отмечается, что зависимость от внешних шоков в большей степени свойственна странам, интенсивно вовлеченным в ГЦСС независимо от их размера [4]. К таким странам относятся, с одной стороны, страны Балтии — Эстония, Латвия и Литва (с их малыми открытыми экономиками), для которых догоняющее развитие во многом оказалась связано с трансформацией позиционирования в глобальном производстве [5, р. 32—33; 6, р. 23—24; 7, р. 26—31]. С другой стороны, к странам, подверженным внешним шокам, следует отнести Россию с большой ресурсоориентированной экономикой, в которой до сих пор сохраняются проблемы трансформационного периода и ограниченности экспортной корзины с точки зрения товаров обрабатывающей промышленности высоких переделов [8, с. 10—12]. Несмотря на различия в размерах экономик, ресурсообеспеченности и структурные особенности, для стран Балтии и России сохраняются общие вызовы в контексте интеграции в глобальное производство — небольшой удельный вес фирм, работающих на внешних рынках, низкая доля фирм, являющихся технологическими лидерами, невысокая производительность и необходимость репозиционирования в глобальных цепочках. Близкие внешнеэкономические взаимоотношения стран Балтии и России оказались унаследованы еще со времен Советского Союза, однако на протяжении последних трех десятилетий политические отношения стран переживали сложные времена, при этом внешнеэкономическое сотрудничество не способствовало решению общих вызовов трансформации и репозиционирования в глобальном производстве.

Цель данной статьи — обсуждение перспектив трансформации ГЦСС России и стран Балтии и выявление факторов, способствующих этой трансформации, на современном этапе с учетом накапливающихся вызовов, катализатором которых стала пандемия COVID-19. Авторы показывают, почему регионализация глобальных цепочек создания стоимости³ как следствие пандемии COVID-19 может рассматриваться как «окно возможностей» для трансформации внешнеэкономического сотрудничества России и стран Балтии, и обсуждают следствия для российской экономической политики, направленные на поддержку регионализации цепочек и расширение сотрудничества со странами Балтии.

¹ *UNCTAD World Investment Report 2020: International Production Beyond the Pandemic*. N.Y.; Geneva, 2020. URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf (дата обращения 05.08.2020).

² *The World Bank Small States: Meeting Challenges in the Global Economy. Report of the Commonwealth Secretariat// World Bank Joint Task Force on Small States*, 2000. URL: <http://www.cpaqh.org/cpaqh/cpadocs/meetingchallengeinglobaleconomy1.pdf> (дата обращения 05.08.2020).

³ Под регионализацией цепочек создания стоимости в данной статье авторы понимают географическую переориентацию цепочек создания стоимости с глобальных рынков на макрорегиональные рынки, в том числе замещение глобальных поставщиков и покупателей контрагентами из домашнего макрорегиона, поиск сетей поставщиков и сетей покупателей на рынках соседних стран.

Особенности ГЦСС России и стран Балтии обсуждаются авторами с использованием современных методов анализа, характерных для исследований в области международной и региональной экономики, в том числе с основой на статистическом анализе данных проектов EORA-GVC Database, TiVA OECD, AMNE OECD, которые позволяют оценить структурные особенности цепочек создания стоимости России и стран Балтии, а также специфику деятельности многонациональных компаний России и стран Балтии в принимающих экономиках.

Особенности глобальных цепочек создания стоимости между Россией и странами Балтии

Страны Балтии активно включены в глобальные цепочки создания стоимости, имеют вертикально и географически фрагментированное производство, которое ориентировано преимущественно на соседние рынки [5, р. 27—28; 9, р. 5—9; 10, р. 9—10]. Несмотря на сохраняющееся отставание в уровне развития от ряда стран внутри Балтийского региона, следует отметить, что способ интеграции Эстонии, Литвы и Латвии в ГЦСС в целом соответствует их странам-соседям: Германии, Швеции, Финляндии, Польше (рис. 1). Это определяется, с одной стороны, схожим уровнем нисходящих связей⁴ — зависимости экспортоориентированных производств от импортных компонентов и полуфабрикатов (в среднем для стран Балтийского региона⁵ — 25,3%, для стран Балтии — 27,0%), а также схожим уровнем восходящих связей⁶ — использованием экспортной добавленной стоимости в производстве третьих стран: для стран Балтийского региона — 19,6%, для стран Балтии — 17,5.

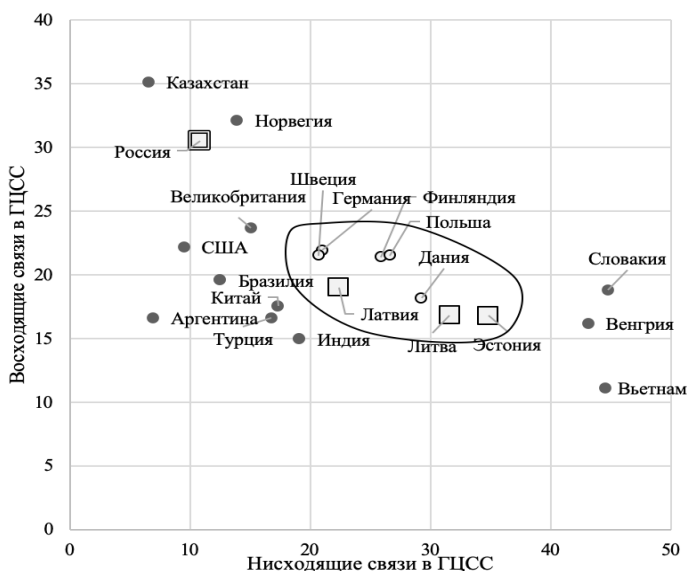

Рис. 1. Позиционирование стран России и стран Балтии в глобальных цепочках создания стоимости, 2015 год

Примечание: использованы данные за последний имеющийся год.

Источник: расчеты авторов, данные TiVA OECD.

⁴ Нисходящие связи — иностранная добавленная стоимость, используемая в валовом экспорте страны, % от валового экспорта страны.

⁵ Восходящие связи — внутренняя добавленная стоимость, созданная в стране, используемая в валовом экспорте третьих стран, % от валового экспорта страны.

⁶ В данной статье в целях проведения сравнительного анализа под странами Балтийского региона понимаются Дания, Эстония, Финляндия, Германия, Латвия, Литва, Польша, Швеция.

Россия, напротив, находится несколько в стороне (на «периферии») по характеру участия в глобальных цепочках создания стоимости [8, с. 7—8]: от стран Балтийского региона отличается, с одной стороны, слишком короткими нисходящими связями — 10,8 против 25,3%, а с другой — слишком длинными восходящими связями — 30,5 против 19,6%.

Внешнеэкономическое сотрудничество России и стран Балтии за последние десятилетия переживало несколько этапов, во многом определенных напряженными политическими отношениями, что в существенной степени сформировало текущий характер взаимодействия. Страны Балтии были активно интегрированы в экономическое пространство СССР до выхода из Советского Союза в 1990 году [11, с. 88—89; 12, р. 10—11]. Период 1990-х — середины 2000-х годов отличался переориентацией интересов внешнеэкономического сотрудничества стран Балтии с России на Западную Европу, что оказалось связано прежде всего с формированием новых внешнеторговых партнерств и поиском новых рынков (на ранних этапах) и в дальнейшем — с подготовительным этапом к вступлению стран Балтии в ЕС в 2004 году. Так, если в 1991 году свыше 45% совокупного импорта Эстонии, Латвии и Литвы было российского происхождения [13, с. 38], то уже к началу 2000-х годов доля России в импорте Латвии составляла 11%, Эстонии — 14%, Литвы — 27,4%. Вместе с тем в ряде исследований отмечается медленная переориентация взаимной внешней торговли бывших советских территорий и сохранение сформировавшихся в советское время связей, что объясняется рядом причин, среди которых — инерционность инфраструктуры в широком смысле (включая автомобильные и железные дороги, телекоммуникационные сети, логистических операторов, бизнес-сообщества) на другие рынки, относительно низкая конкурентоспособность этих экономик в сравнении со Скандинавскими странами и Германией, а также наличие исторически сформированных межфирменных связей [14, р. 88—89; 15, р. 9—10; 16, р. 37—38]. Высокая значимость «колониальных связей» как фактор международной торговли широко подтверждалась в ряде других исследований не только на данных стран Советского Союза, но также и бывшей Австро-Венгерской империи, Британской Малайи, Чехословакии [15; 17, р. 92—93].

Медленный темп переориентации внешней торговли стран Балтии на рынки стран ЕС также может быть объяснен высокой значимостью исторически сложившихся связей и для самих стран ЕС. Так, отмечается, что страны-основатели Евросоюза прежде всего ориентировались на создание интегрированного внутреннего рынка и в приоритетном порядке поддерживали взаимные торговые связи, в том числе и по сравнению со странами, присоединившимися к ЕС позже [18, р. 1339—1349].

До 2004 года многие наблюдатели отмечали, что присоединение стран Балтии к ЕС и НАТО поможет реструктуризации исторически напряженных взаимоотношений с Россией. Однако европеизация не способствовала позитивному сценарию [19, р. 1]. С 2004 года политика стран Балтии во взаимоотношениях с Россией определяется прежде всего общей внешнеэкономической политикой стран ЕС, а также политикой приграничного сотрудничества [13, с. 37; 12, р. 10]. Для стран Балтии присоединение к ЕС хотя и определило *de jure* основания для расширения международной торговли с Россией, *de facto* изменений не произошло. Период некоторого расширения взаимной торговли стран Балтии и России в 2004—2008 годах после наступления мирового финансово-экономического кризиса сменился периодом охлаждения двусторонних отношений.

Украинский кризис 2014 года привел к введению взаимных экономических санкций между Россией и странами Балтии и определил дальнейшее охлаждение внешнеэкономических отношений. Страны Балтии выступили в качестве основных сторонников введения санкций по отношению к России. Это, в частности, привело к более значимому сокращению объемов взаимной торговли по сравнению с другими странами ЕС [20, р. 1504—1505].

Изменение общей рамки для взаимоотношений между странами Балтии и России и связанные эффекты «trade diversion» [12, р. 10; 13, с. 36—37] в переориентации внешней торговли на страны ЕС оказались слабо связаны с кооперационными взаимоотношениями внутри ГЦСС. Объемы импорта странами Балтии добавленной стоимости из России в целях последующего экспорта постепенно нарастали с 2000 по 2019 год, увеличившись к концу периода в 10,4 раза с учетом этапа спада в результате мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 годов и введения режима взаимных санкций. Более чем десятикратный рост был обеспечен, прежде всего, ростом импорта энергоресурсов (в 18,5 раз) для потребления экспортоориентированных отраслей стран Балтии, а также продукции сектора АПК (в 9,9 раза), химической и металлургической промышленности (в 8,9 и 8,5 раза соответственно) (рис. 2).

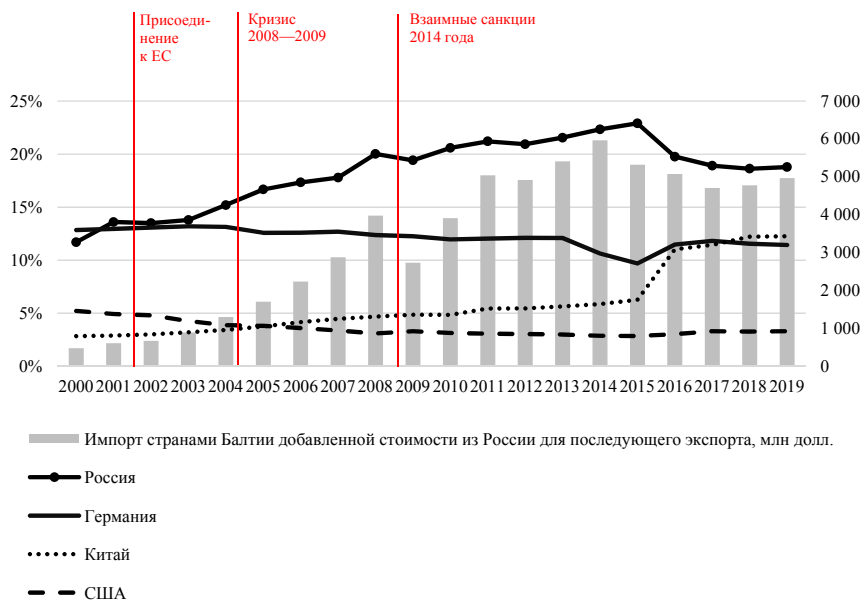

Рис. 2. Участие стран Балтии в нисходящих связях ГЦСС: левая ось — доля добавленной стоимости из России, США, Германии и Китая в импорте стран Балтии для последующего экспорта, 2000—2019 годы; правая ось — добавленная стоимость из России в импорте стран Балтии для последующего экспорта, млн долл.

Примечание: данные по трем глобальным хамам ГЦСС — Китаю, Германии и США — даны для сравнения.

Источник: расчеты авторов, данные EORA-GVC Database, World Bank.

Россия также наращивала объемы импортной добавленной стоимости из стран Балтии внутри ГЦСС, которая в абсолютной стоимости выросла в 2000—2019 годах в 7,4 раза, однако этот эффект был связан с общим увеличением импортной добавленной стоимости и в относительном измерении не привел к росту значимости для России стран Балтии как партнеров в рамках нисходящих глобальных цепочек создания стоимости (рис. 3).

Отметим отдельно, что введение взаимных санкций в 2014 году оказало умеренное воздействие на объемы торговли. Отсутствие резкого спада поддержало разрешение на сохранение внешней торговли продукцией, подпадающей под санкции, но договоры по которой были заключены до периода их введения [21, р. 13].

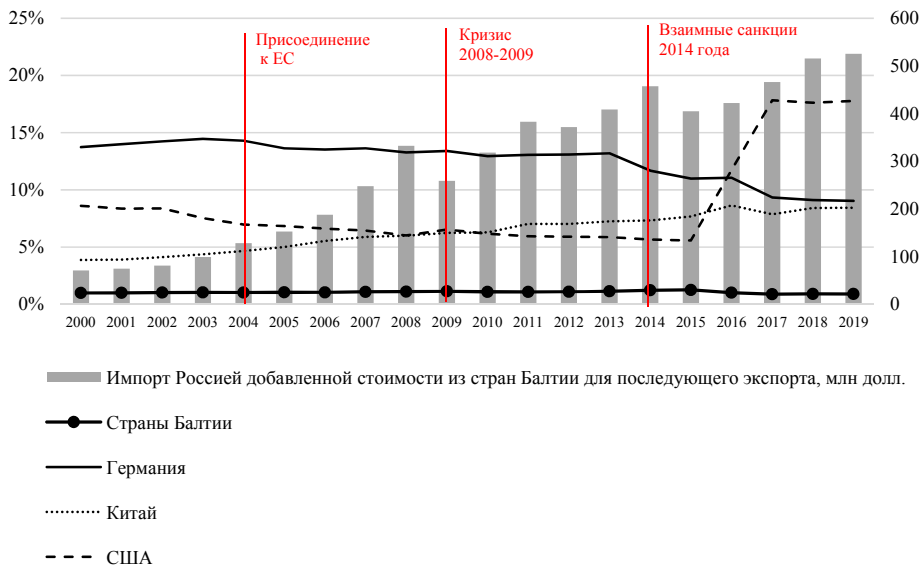

Рис. 3. Участие России в нисходящих связях ГЦСС:
 левая ось — доля добавленной стоимости из стран Балтии, США, Германии и Китая
 в импорте России для последующего экспорта, 2000—2019 годы, %;
 правая ось — добавленная стоимость из стран Балтии в импорте России
 для последующего экспорта, млн долл.

Примечание: данные по трем глобальным хамам ГЦСС — Китаю, Германии и США — даны для сравнения.

Источник: расчеты авторов, данные EORA-GVC Database, World Bank.

Кроме того, на общем фоне импорт России снизился даже из тех стран, которые не устанавливали санкции. Как представляется, это стало следствием эффекта удешевления курса рубля и, соответственно, удорожания импорта, что соответствует и результатам исследований [22, р. 307]. Отсутствие ярко выраженной переориентации со стран, установивших санкции, на другие страны может также быть свидетельством того, что в реальности (по крайней мере, в 2015—2019 годах) не произошло замещения торговых каналов. Хотя есть отдельные свидетельства смещения каналов поставок (например, реэкспорт из Беларуси товаров, попавших под торговое эмбарго России, в том числе фруктов и креветок [23, р. 6—8]), это не меняет общего вывода о том, что российский экспорт сократился по всем направлениям [21, р. 13].

Таким образом, полученные результаты в целом свидетельствуют об устойчивости двусторонних кооперационных экономических взаимоотношений к геополитическим шокам и существенно большей (по сравнению с традиционной международной торговлей) устойчивости к экономическим шокам.

Как представляется, такая устойчивость объясняется двумя факторами: отраслевыми и организационными (через многонациональные компании (МНК)) особенностями организации ГЦСС.

С учетом значимых межстрановых различий в обеспеченности ресурсами и отраслевой структуре Эстонии, Латвии и Литвы экономическое сотрудничество России и стран Балтии внутри ГЦСС развивалось на основе двусторонних экономических интересов в отраслях со сравнительным преимуществом. В результате отраслевая структура взаимной торговли России и стран Балтии внутри глобальных цепочек создания стоимости значительно отличается от товарной структуры традици-

онной, не включенной в цепочки, торговли товарами, которая, во многом, опирается на наследство советских экономических связей. В российском товарном импорте из стран Балтии преобладает продукция электрического и энергетического машиностроения и оборудования (около 40%), а в импорте стран Балтии из России — нефть и нефтепродукты (около 65%). Отраслевая структура торговли России и стран Балтии в рамках ГЦСС отличается существенно более высоким уровнем диверсификации и хорошо отражает сервисизацию отраслей обрабатывающего комплекса в ГЦСС (участие услуг в производстве и внешней торговле товарами) [24, р. 2—3]. В импорте стран Балтии из России внутри цепочек по-прежнему значимую долю занимают нефть и нефтепродукты (47%), однако еще 27% приходится на торговлю услугами, в том числе оптовую торговлю и транспортные услуги (совокупно 23,2%), а также бизнес-услуги, требующие высокого уровня человеческого капитала⁷ (3,8%). В импорте России из стран Балтии внутри цепочек доля услуг еще выше (40,4%), в том числе торговля и транспортные услуги — 23,9%, а также услуги, требующие труда высокой квалификации, — 8,4% (рис. 4). Высокий вклад сектора услуг в экспорте стран Балтии отражает в целом более высокую ориентацию этих стран на торговлю услугами [25, р. 293—294].

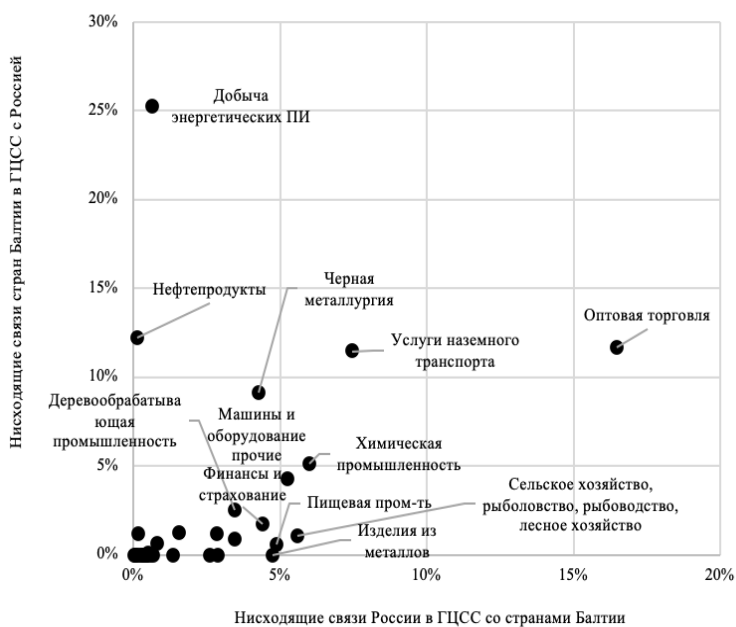

Рис. 4. Взаимная торговля добавленной стоимостью в ГЦСС между Россией и странами Балтии по отдельным товарным группам, 2015 год, %

Примечание: Нисходящие связи стран Балтии в ГЦСС с Россией — добавленная стоимость отрасли, созданная в России и использованная в экспорте стран Балтии, % от валового импорта добавленной стоимости из России для использования в экспорте стран Балтии; нисходящие связи России в ГЦСС со странами Балтии — добавленная стоимость отрасли, созданная в странах Балтии и использованная в экспорте России, % от валового импорта добавленной стоимости из стран Балтии для использования в экспорте России.

Источник: расчеты авторов, данные TiVA OECD.

⁷ Включая научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, услуги в области ИКТ, услуги в области финансов и страхования.

С точки зрения прироста добавленной стоимости в глобальных цепочках России и стран Балтии в 2000—2017 годах выделяются прежде всего услуги, которые напрямую не связаны с промышленным производством. Это является свидетельством расширения сотрудничества обеих сторон в непромышленном секторе, косвенным свидетельством нарастания роли «мягкой силы» в экономическом сотрудничестве. Так, в 2000—2017 годах добавленная стоимость из стран Балтии в Россию в сфере образования выросла в 14,4 раза, в сфере услуг в области здравоохранения и социальных услуг — в 11,7 раза, в сфере услуг в области недвижимости — в 9,2 раз; импорт добавленной стоимости из России в страны Балтии вырос в сфере образования в 22,4 раза, услуг по недвижимости — в 14,2 раза. Высокие темпы роста во взаимной торговле добавленной стоимостью в секторе услуг населению показывают, что формирование промышленных связей между странами во многом связано с двунаправленным движением населения между Россией и странами Балтии, а также с присутствием национальных диаспор.

Как представляется, высокий уровень сервисизации торговли внутри ГЦСС России и стран Балтии выступает фактором, который определяет существенно меньшую волатильность торговли добавленной стоимостью от геополитических и экономических шоков и в то же время является точкой роста для трансформации цепочек в регионе и роста удельной добавленной стоимости.

Глобальные цепочки создания стоимости часто организованы в результате деятельности многонациональных компаний⁸. Действительно, МНК вовлечены в международное производство через горизонтальные (внутри одной отрасли) и вертикальные (в связанных отраслях) инвестиционные проекты, а также развивают взаимодействие с независимыми компаниями за рубежом посредством других типов промышленной кооперации (контрактного производства, франчайзинга, лицензирования). Таким образом, границы многонациональных компаний и глобальных цепочек создания стоимости во многом пересекаются, однако совпадают не полностью [26, с. 54—55]. Наши оценки показывают, что степень присутствия российских многонациональных компаний на рынках стран Эстонии, Латвии и Литвы, равно как и МНК стран Балтии на российском рынке, в последние два десятилетия несколько менялась. Введение взаимных санкций в 2014 году не оказало значимого влияния на изменение рыночных позиций МНК обеих сторон (рис. 5). Так, в 2005—2016 годах доля российских МНК на рынке Эстонии составляла в среднем 1,6%, на рынке Литвы — 7,3%, Латвии — 4,9%; доля МНК стран Балтии в валовом выпуске многонациональных компаний России — 0,6%. Можно отметить структурные изменения в составе МНК принимающих экономик в 2005—2016 годах, что также стало результатом использования компаниями сравнительных преимуществ на рынках стран-партнеров. Среди МНК стран Балтии значимо диверсифицировалась структура выпуска МНК Эстонии в России — появились предприятия в пищевой промышленности, производстве стройматериалов, бумаги и бумажных изделий, мебели, сократился вклад МНК в отрасли услуг по транспортировке и хранению. Российские МНК диверсифицировали представленность в Латвии, в том числе появились проекты в сфере гостиничной, финансовой и страховой деятельности, телекоммуникационных технологий.

⁸ *OECD Multinational enterprises in the global economy. Heavily debated but hardly measured*. P., 2018. URL: <https://www.oecd.org/industry/ind/MNEs-in-the-global-economy-policy-note.pdf> (дата обращения: 05.08.2020).

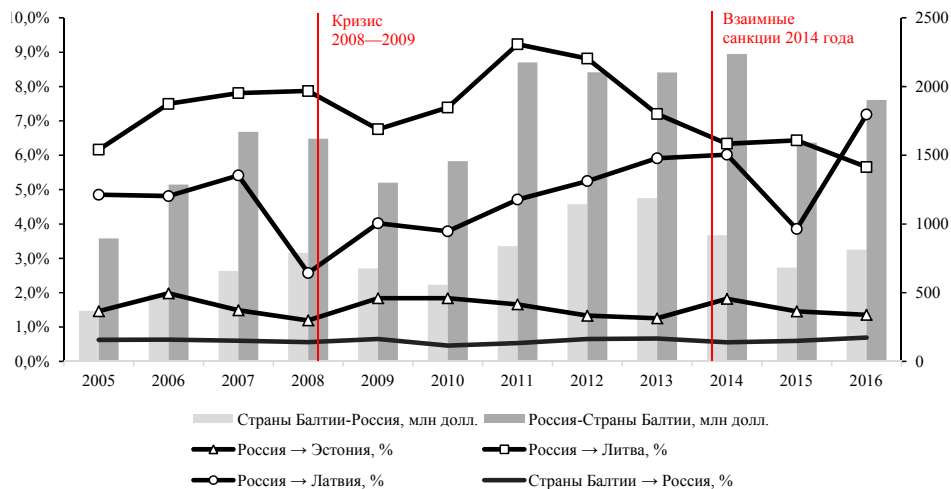

Рис. 5. Вклад МНК в валовой выпуск многонациональных компаний в принимающей экономике, Россия — страны Балтии, 2005—2016 годы, %

Примечание: период анализа ограничен доступностью данных в базе AMNE OECD.

Источник: расчеты авторов, данные базы AMNE OECD.

Полученные оценки позволяют заключить, что деятельность МНК также в большей степени по сравнению с внешней торговлей устойчива к геополитическим и экономическим шокам. При этом отсутствие каких-либо выраженных трендов этой в деятельности на рынках стран Балтии и России, вероятно, следует связывать с тем, что действия МНК были определены собственными инвестиционными стратегиями развития компаний обеих сторон в условиях отсутствия как ярко выраженной поддержки принимающих экономик в таких инвестициях, так и, в более поздний период, напротив, нарастанием протекционистских мер и напряженности во внешнеэкономическом сотрудничестве. Это в целом соответствует другим выводам о взаимоотношениях стран Балтии и России (напр., [27, р. 1277—1278]), когда отмечается, что взаимные инвестиционные потоки стран Балтии и России синхронизированы в рамках экономических циклов стран-партнеров, следовательно, эффекты изменений в международной торговле транслируются на результаты инвестиционных потоков только через призму инвестиционных циклов.

Перспективы трансформации глобальных цепочек создания стоимости России и стран Балтии

К началу 2020 года внешнеэкономические отношения стран Балтии и России находились в сохранении режима взаимных санкций в результате украинского конфликта. Хотя в академической литературе и внешнеполитической повестке вопрос потепления отношений России и ЕС затрагивался в последнее время нечасто, ряд экспертов отмечали, что производители в Эстонии, Латвии и Литве крайне осторожно относятся к перспективам расширения внешнеэкономических контактов с Россией и рассчитывают прежде всего на другие зарубежные рынки [12, р. 10—11; 28; 29]. В российской литературе среди наиболее перспективных для российских предприятий выделялись рынки стран ЕАЭС, Восточной и Юго-Восточной Азии, а также Африки, что может косвенно свидетельствовать об отсутствии видимых перспектив для расширения сотрудничества с западными рынками [30, с. 46].

Как представляется, экономический кризис, вызванный последствиями пандемии COVID-19, может выступить тем шоком, который поменяет настроения обеих сторон и будет способствовать трансформации глобальных цепочек создания стоимости России и стран Балтии.

Одним из возможных долгосрочных эффектов пандемии COVID-19 станет изменение воспринимаемого компаниями и населением уровня неопределенности. В целях снижения рисков внутри цепочек будет усилена координация между их отдельными звеньями. Как следствие, одним из предполагаемых результатов трансформации ГЦСС станет регионализация цепочек создания стоимости [3]. Это может стать результатом как выхода МНК из глобальных цепочек и выстраивания собственных цепочек на региональном уровне, так и перемещения имеющихся мощностей в домашний по отношению к расположению МНК регион. Одновременно может произойти формирование новых многонациональных корпораций, которые вследствие масштаба окажутся более подготовленными к рискам и шокам в рамках глобального производства. Повышение воспринимаемого уровня рисков для населения может определить рост интереса к соседним территориям (и фактически это уже наблюдается), стремление вести деятельность и получать услуги на ближайших территориях (на расстоянии «вытянутой руки»).

Мы выделяем несколько аргументов того, почему регионализация ГЦСС как следствие пандемии COVID-19 может трансформировать внешнеэкономическое сотрудничество России и стран Балтии.

1. Как показал проведенный анализ, цепочки добавленной стоимости между Россией и странами Балтии преимущественно организованы в отраслях с интенсивным использованием локального сырья (сектор АПК, металлургия, химическая промышленность). Мировой опыт показывает, что такие цепочки, как правило, организованы по региональному, а не глобальному принципу. Отсюда наиболее реалистичный сценарий для их трансформации — нарастание регионализации. Точками роста для них является повышение рыночной сегментации.

2. Мы видим перспективы роста региональных цепочек создания стоимости России и стран Балтии также и в тех отраслях, для которых, как правило, характерна глобальная организация. Это прежде всего отрасли энергетического и электрического машиностроения и производства оборудования. Взаимно выигрышной стратегией могло бы стать наращивание добавленной стоимости в производстве посредством промышленной кооперации и, таким образом, перетягивание элементов глобальных цепочек в регион Балтийского моря.

3. Несмотря на относительные успехи репозиционирования стран Балтии в ГЦСС [5, с. 32—33; 9, р. 5—9; 10, р. 9—10] и отсутствие позитивных сдвигов для России [8, с. 6—8; 26, с. 73—74], для указанных стран характерны в целом схожие проблемы участия в цепочках, среди них — существенное отставание основного слоя компаний от технологического уровня компаний-лидеров, невысокая доля фирм, работающих на внешних рынках, вызовы наращивания производительности труда. Повышение рисков работы на дальних рынках может заставить фирмы России и стран Балтии пересмотреть географические приоритеты.

4. Регионализация цепочек создания стоимости России и стран Балтии может происходить под влиянием инициатив бизнеса без критических сдвигов во внешнеэкономических отношениях. Это, в частности, следует из опыта развития цепочек России и стран Балтии в предыдущие два десятилетия. Кроме того, очевидно, что любые сдвиги в межрегиональном сотрудничестве России и стран Балтии возможны только со значимым лагом во времени, в то время как решения бизнеса могут быть намного оперативнее.

5. Устойчивый рост взаимной торговли услугами для населения между Россией и странами Балтии демонстрирует сохранение интереса населения к соседним территориям, что объясняется привлекательностью и востребованностью услуг на

приграничных территориях, в том числе в сфере культуры, образования, туризма, недвижимости, не только со стороны национальных диаспор, но и со стороны титульных этносов соответствующих территорий. Рост глобальной неопределенности при сохранении привлекательности услуг на приграничных территориях может способствовать усилению взаимных интересов сотрудничества в сфере услуг России и стран Балтии.

Представляется, что если на национальном уровне обсуждение расширения внешнеэкономического сотрудничества России и стран Балтии может сдерживаться сложностью межгосударственных политических и экономических отношений, то имеющиеся данные и дискуссия в экспертной и академической литературе позволяют определить высокий потенциал развития приграничного сотрудничества двух территорий.

Хотя в 2012—2019 годах не происходило увеличения значимости стран Балтии как рынка для российского экспорта в целом, это наблюдалось для отдельных приграничных территорий, в частности Санкт-Петербурга, Ленинградской и Калининградской областей. Примечательно, что вслед за введением взаимных санкций в результате украинского конфликта в 2014 году выросла доля стран Балтии в экспорте указанных регионов: для Ленинградской области — с 2,9 до 10,0%, для Калининградской области — с 3,5 до 6,0% (рис. 6).

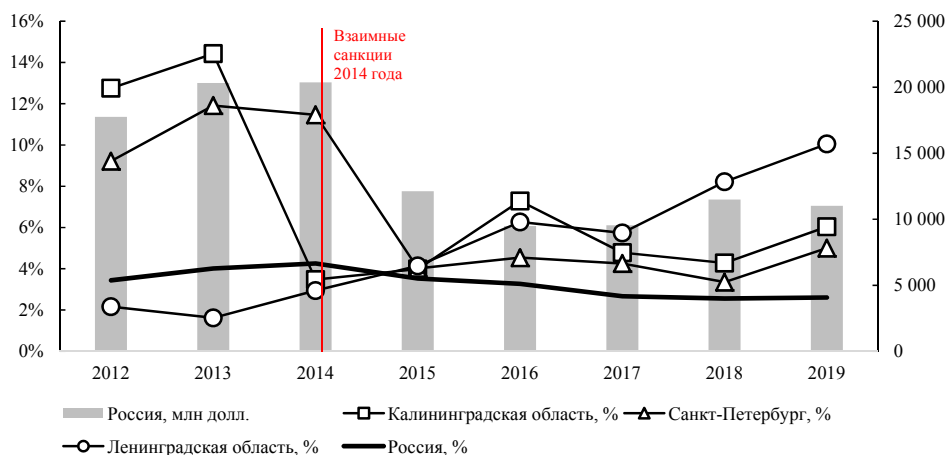

Рис. 6. Доля стран Балтии в валовом экспорте России и ее отдельных регионов: левая ось — % от валового экспорта; правая ось — млн долл., 2012—2019 годы

Источник: расчеты авторов, данные Федеральной таможенной службы РФ.

Высокая значимость регионального уровня взаимодействия в регионе Балтийского моря определяется, в частности, особым типом территориальной общности, который возник в результате окончания холодной войны, — трансграничным макрорегионом, появление которого показывает, что региональное сотрудничество выходит на новый уровень [31, с. 129]. Как следствие, многие приграничные проекты начинаются на основе взаимодействия региональных и местных властей [32, с. 349—350]. При этом важно, что сами приоритетные проекты складывались не только на принципах обмена и находились не только в области экономики, но и в научно-технологической сфере [11, с. 88—89; 32, с. 352]. Это в особенности значимо в контексте обсуждения перспектив расширения региональных цепочек создания стоимости России и стран Балтии, поскольку промышленная кооперация в таких цепочках в целях наращивания вклада добавленной стоимости включает

не только соглашения о промышленной кооперации и субконтрактации, но также и кооперационные схемы в научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности на начальных этапах цепочек.

Представляется, что расширение экономического сотрудничества России и стран Балтии в новых условиях во многом будет поддерживаться дальнейшим качественным увеличением непромышленных форматов кооперации. Как отмечается, в условиях сложных отношений России и стран Балтии политическая конфронтация, зачастую демонстративная, истощает возможности официальной дипломатии [33, с. 113—114]. Отсюда использование «мягкой силы» может стать действенным инструментом развития отношений, включая такие форматы, как гуманитарные фонды, сотрудничество в области науки, образования, культуры, здравоохранения, экологии [32, с. 354; 33, с. 113—114; 34, с. 110]. К настоящему моменту, по нашему мнению, потенциал «мягкой силы» использован незначительно. На уровне отдельных организаций можно отметить только единичные случаи выделения стран Балтии в качестве географических приоритетов стратегического развития. Так, например, на уровне ведущих университетов России к таким центрам можно отнести Балтийский федеральный университет им. Канта, который определяет свое стратегическое развитие через призму нахождения на особой территории, граничащей со странами Балтийского региона. Однако сложно найти схожие примеры среди вузов Санкт-Петербурга, обладающих сильным инновационным, научно-исследовательским, образовательным и культурным потенциалом. Кроме того, именно в сфере решения социальных вызовов (во многом усиленных следствиями пандемии COVID-19) — в области экологии, образования, здравоохранения и медицины — в большей степени требуется международная кооперация, что может создать новое качество сотрудничества России и стран Балтии.

Перспективы расширения экономического взаимодействия и использование потенциала «мягкой силы» между Россией и странами Балтии в контексте регионализации цепочек создания стоимости требуют обсуждения следствий для экономической политики. Представляется, что перспективы регионализации цепочек могут сформировать новый виток нарастания интереса к сотрудничеству с обеих сторон и, следовательно, обеспечат пересмотр или, скорее, расширение инструментария экономической политики всех вовлеченных сторон.

Следствия для экономической политики

Исследование внешнеэкономических отношений России и стран Балтии за последние десятилетия позволяет свидетельствовать о высоком уровне устойчивости связей и слабой реакции на экономические и геополитические шоки. Страны Балтии как составная часть Советского Союза были хорошо интегрированы в систему внешнеэкономических связей СССР. Наличие развитой инфраструктуры, включая жесткую — автомобильные и железные дороги, порты, а также мягкую — бизнес-сообщества, межфирменные связи, национальные диаспоры, во многом определило сохранение взаимоотношений на разных этапах России и стран Балтии, которые в современный период можно охарактеризовать в целом как напряженные. В частности, в 2000—2019 годах наблюдалось последовательное расширение взаимной торговли внутри глобальных цепочек создания стоимости, что в значительной мере было обусловлено деятельностью многонациональных компаний.

Пандемия COVID-19 спровоцировала усиление вызовов, которые накапливались для глобального производства, и привела к временному разрыву цепочек создания стоимости. Влияние пандемии COVID-19 на мировую экономику оказалось существенно сильнее, чем у предыдущих кризисов, в том числе мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 годов [35]. Вместе с временным эффектом разрыва цепочек следует ожидать и долгосрочный, связанный с перестройкой моделей глобального производства и международного сотрудничества.

Новые вызовы для глобального производства могут стать фактором структурной трансформации экономических взаимоотношений России и стран Балтии. Из возможных сценариев восстановления и изменений в глобальных цепочках создания стоимости вероятным видится сценарий регионализации цепочек России и стран Балтии, включая как выстраивание собственных цепочек на региональном уровне в традиционных для региона отраслях (сектор АПК, металлургия машиностроение, химическая промышленность), так и перемещение многонациональными компаниями имеющихся мощностей в домашний регион (включая отрасли автомобилестроения, химической промышленности, глубокой деревообработки).

Нам видится расширение перспектив регионализации также и в рамках неэкономического сотрудничества для решения глобальных вызовов, спровоцированных пандемией COVID-19, в том числе в сфере образования, экологии, здравоохранения и медицины. Такое сотрудничество, по нашему мнению, может стать инструментом «мягкой силы» и способствовать развитию экономических взаимосвязей.

С учетом опыта внешнеэкономических взаимодействий России и стран Балтии и сохраняющихся сложностей в отношениях на межгосударственном уровне, представляется, что новые вызовы трансформации цепочек позволяют сформулировать следствия для государственной политики, направленной на трансформацию структуры российской экономики и репозиционирование в глобальном производстве.

1. На уровне отдельных российских регионов Северо-Запада целесообразно рассмотреть осуществление политики, направленной на развитие производственного потенциала, сопровождение взаимных прямых инвестиций, выстраивание региональных цепочек создания стоимости со странами Балтии. К настоящему моменту можно утверждать, что только в Калининградской области отмечается расширение приграничных связей в качестве приоритета своего социально-экономического развития. Считаем, что эту практику можно также перенести на другие территории Северо-Запада.

2. Поскольку горизонты реального снятия режима взаимных санкций России и ЕС по-прежнему не определены, особенно важным для регионализации глобальных цепочек создания стоимости представляется развитие сотрудничества в отраслях, не подпадающих под этот режим. Речь идет прежде всего о промышленной кооперации в области научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности, а также о предоставлении услуг, требующих труда высокой квалификации. Для этих целей целесообразно рассмотреть возможность развития сетей международного сотрудничества в области промышленных знаний и технологий, в том числе на базе ведущих университетов стран Балтии и приграничных регионов России.

3. Представляется, что роль «мягкой силы» в налаживании экономического сотрудничества России и стран Балтии в новых условиях существенно выше, чем ранее. При этом в качестве направлений ее совершенствования видится расширение взаимодействия с бизнесом, с национальными диаспорами, а также повышение роли социально-ориентированных некоммерческих организаций. Прежде всего необходима проработка инструментов формирования и укрепления трансграничных связей бизнес-сообществ, включая консолидацию связей национальных предпринимателей с представителями национальных диаспор за рубежом, привлечение бизнеса к реализации социальных функций и поддержку социальных проектов, совместных инициатив представителей диаспор. С точки зрения инструментария на региональном уровне важна разработка региональных программ поддержки инициатив малого и среднего бизнеса по выходу на рынки стран Балтии, а также инициатив социально-ориентированного бизнеса в области образования, культуры, искусства в целях расширения кооперации России и стран Балтии.

4. Необходимо обеспечить рост числа взаимных точек входа России и стран Балтии в целях расширения сотрудничества. Прежде всего, применительно к России, требуется распространение практики Калининградской области как региона,

стратегически ориентированного на сотрудничество со странами Балтии, на другие регионы Северо-Запада России. Важным представляется закрепление на уровне стратегических приоритетов расширения взаимодействия со странами Балтии для субъектов инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства на приграничных территориях, для крупных научно-образовательных центров, а также центров культуры. Это задаст рамку для проработки конкретных программ взаимодействия, например, запуск международных конкурсов стартапов и инновационного предпринимательства со странами Балтии, совместных проектов развития в области образовательных, медицинских, туристических услуг, формирование ответствующих кластеров на приграничных территориях.

5. Потенциал развития сотрудничества России со странами Балтии и одновременно накопленные успехи отдельных регионов в приграничном сотрудничестве определяют возможность обрабатывания отдельных элементов экономического взаимодействия регионов Северо-Запада со странами Балтии с последующим использованием на других приграничных российских территориях. Речь идет не только о проработке новых форматов приграничного сотрудничества, но и их распространении на другие российские территории.

Список литературы

1. Baldwin R., Freeman R. Supply chain contagion waves: Thinking ahead on manufacturing 'contagion and reinfection' from the Covid concussion // VoxEU.org. 2020. URL: <https://voxeu.org/article/covid-concussion-and-supply-chain-contagion-waves> (дата обращения: 05.08.2020).
2. Miroudot S. Resilience versus robustness in global value chains: Some policy implications. Covid-19 and trade policy: Why turning inward won't work // VoxEU.org. 2020. URL: <https://voxeu.org/article/resilience-versus-robustness-global-value-chains> (дата обращения: 05.08.2020).
3. Pisch F. Just-in-time supply chains after the Covid-19 crisis // VoxEU.org. 2020. URL: <https://voxeu.org/article/just-time-supply-chains-after-covid-19-crisis> (дата обращения: 05.08.2020).
4. Imbs J., Pauwels L. A new measure of openness // VoxEU.org. 2020. URL: <https://voxeu.org/article/new-measure-openness> (дата обращения: 05.08.2020).
5. Banh H., Wingender P., Gueye C. Global Value Chains and Productivity: Micro Evidence from Estonia // IMF.org. 2020. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2020/07/03/Global-Value-Chains-and-Productivity-Micro-Evidence-from-Estonia-49376> (дата обращения: 05.08.2020).
6. Hagemeyer J. Trade and growth in the new member states: The role of global value chains // Emerging Markets Finance and Trade. 2018. Vol. 54, iss. 11. P. 2630—2649. doi: 10.1080/1540496X.2017.1369878.
7. Cieslik E. Post-communist European countries in global value chains // Ekonomika. 2014. Vol. 93, iss. 3. P. 25—38. doi: 10.15388/Ekon.2014.0.3886.
8. Симачев Ю.В., Данильцев А.В., Федюнина А.А. и др. Россия в меняющихся условиях мировой торговли: структурный взгляд на новое позиционирование // Вопросы экономики. 2019. № 8. С. 5—29.
9. Ali-Yrkkö J., Mattila J., Seppälä T. Estonia in Global Value Chains // ETLA Reports. 2017. No. 69. URL: <https://pub.etla.fi/ETLA-Raportit-Reports-69.pdf> (дата обращения: 05.08.2020).
10. Yashiro N., De Backer K., Hutfilter A. et al. Moving up the global value chain in Latvia. P., 2017. doi: 10.1787/3a486c5e-en.
11. Клемишев А.П., Федоров Г.М., Зверев Ю.М. О потенциале и возможностях сотрудничества Российской Федерации со странами Балтии в инновационной сфере // Балтийский регион. 2011. № 3. С. 88—96.
12. Veebel V., Markus R. The bust, the boom and the sanctions in trade relations with Russia // Journal of International Studies. 2008. Vol. 11, iss. 1. P. 9—20. doi:10.14254/2071-8330.2018/11-1/1.
13. Федоров Г.М. Российская Федерация в Балтийском регионе: политические отношения и экономическое развитие в 1992—2017 гг. // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 30—41. doi: 10.17976/jpps/2018.03.03.
14. Djankov S., Freund C. Trade flows in the former Soviet Union, 1987 to 1996 // Journal of Comparative Economics. 2002. Vol. 30, iss. 1. P. 76—90. doi: 10.1006/jcec.2001.1752.

15. *Frankel J., Stein E., Wei S.* Regional Trading Blocs in the World Economic System. Washington DC, 1997.
16. *Eichengreen B., Irwin D.* The Role of History in Bilateral Trade Flows. Cambridge, MA, 1996. doi: 10.3386/w5565
17. *Frankel J., Stein E., Wei S.* Trading Blocs and the Americas: The Natural, the Unnatural, and the Super-natural // *Journal of Development Economics*. 1995. Vol. 47, iss. 1. P. 61—95. doi: 10.1016/0304—3878 (95) 00005—4.
18. *Freund C.* Different Paths to Free Trade: The Gains from Regionalism // *The Quarterly Journal of Economics*. 2000. Vol. 115, iss. 4. P. 1317—1341. URL: www.jstor.org/stable/2586926 (дата обращения: 06.08.2020).
19. *Berg E., Ehin P.* Identity and foreign policy: Baltic-Russian relations and European integration. Routledge, 2016.
20. *Fedorov G., Korneevets V., Tarasov I., Chasovskiy V.* Russia among the Countries of the Baltic Region // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. Vol. 6, iss. 4. P. 1502—1506.
21. *Bělin M., Hanousek J.* Which sanctions matter? Analysis of the EU/Russian sanctions of 2014 // *Journal of Comparative Economics*. 2020. doi: 10.1016/j.jce.2020.07.001.
22. *Dreger C., Kholodilin K., Ulbricht D., Fidrmuc J.* Between the hammer and the anvil: The impact of economic sanctions and oil prices on Russia's ruble // *Journal of Comparative Economics*. 2016. Vol. 44, iss. 2. P. 295—308. doi: 10.1016/j.jce.2015.12.010.
23. *Yeliseyeu A.* Belarusian shrimps anyone? How EU food products make their way to Russia through Belarus. Think Visegrad — V4 Think Tank Platform, 2017. URL: https://www.globsec.org/wp-content/uploads/2017/11/Think-Visegrad-Analysis-by-Andrei-Yeliseyeu_Belarusian-shrimps-anyone-GLOBSEC-2017.pdf (дата обращения: 05.08.2020).
24. *Miroudot S.* The servicification of global value chains: Evidence and policy implications. UNCTAD Multi-Year Expert Meeting On Trade, Services and Development. Geneva, 2017. URL: https://unctad.org/meetings/en/Presentation/c1mem5_2017_124_S3_Miroudot_2.pdf (дата обращения: 05.08.2020).
25. *Broadman H.* From disintegration to reintegration: Eastern Europe and the former Soviet Union in international trade. Europe and Central Asia reports Washington, D.C.: World Bank Group, 2006. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/713901468252863858/From-disintegration-to-reintegration-Eastern-Europe-and-the-former-Soviet-Union-in-international-trade> (дата обращения: 05.08.2020).
26. *Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г. и др.* Россия в глобальном производстве // В кн.: XXI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. М., 2020. С. 1—147.
27. *Sineviciene L., Krusinskas R.* How Dependent Are the Baltic States on Russia? // *Europe-Asia Studies*. 2018. Vol. 70, iss. 8. P. 1264—1280. doi: 10.1080/09668136.2018.1508643
28. *Zvaigzne A.* EU sanctions against Russia renewed: pros and cons for business and Baltics economy // *The Baltic Course*, 2015. URL: <http://www.baltic-course.com/eng/analytics/?doc=114794> (дата обращения: 05.08.2020).
29. *Ratso S.* EU-Russia Trade Relations in Light of Sanctions and Russia's Import Measures // *Diplomaatia*, 2015. URL: <http://www.diplomaatia.ee/en/article/eu-russian-trade-relations-in-light-of-sanctionsand-russias-import-measures/> (дата обращения: 06.08.2020).
30. *Морозенкова О.В.* Перспективы развития Российского экспорта несырьевых неэнергетических товаров на новых рынках // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2019. № 9. С. 44—60.
31. *Ефременко И.Н., Карая Ю.В.* Развитие интеграционных процессов стран Балтийского региона // *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. 2013. № 1—2. С. 126—132.
32. *Ходачек А.М.* Трансграничное сотрудничество макрорегиона Северо-Запад. СПб., 2010.
33. *Жилина Л.Н.* Российская диаспора в странах Балтии и ее роль во внешней политике России // *Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2018. № 2. С. 130—116.
34. *Воротников В.В., Иванова Н.А.* «Мягкая сила» России в странах Прибалтики в исследовательском фокусе: традиции, противостояние, конкуренция // *Балтийский регион*. 2019. Т. 11, № 3. С. 107—124. doi: 10.5922/2079-8555-2019-36.
35. *Baldwin R.* The Greater Trade Collapse of 2020: Learnings from the 2008—09 Great Trade Collapse // *VoxEU.org*. 2020. URL: <https://voxeu.org/article/greater-trade-collapse-2020> (дата обращения: 05.08.2020).

Об авторах

Юрий Вячеславович Симачев, кандидат технических наук, профессор, директор Центра исследований структурной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: yusimachev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3015-3668>

Анна Андреевна Федюнина, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований структурной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: afedyunina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2405-8106>

Юлия Вадимовна Аверьянова, стажер-исследователь Международной лаборатории экономики нематериальных активов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия.

E-mail: javeryanova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5574-3536>

TRANSFORMATION OF GLOBAL VALUE CHAINS IN RUSSIA AND THE BALTICS AMID COVID-19: PROSPECTS FOR REGIONALIZATION AND IMPLICATIONS FOR ECONOMIC POLICY

Y. V. Simachev¹

A. A. Fedyunina¹

Y. V. Averyanova²

¹ Higher School of Economics National research university
11 Pokrovsky boulevard, Moscow, 101000, Russia

² Higher School of Economics national research university in St Petersburg
3 Kantemirovskaya St, St Petersburg, 194100, Russia

Received 12 August 2020

doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-7

© Simachev, Y. V., Fedyunina, A. A.,
Averyanova, Y. V., 2020

Although Russia and the Baltics have historically been economic partners, the economic relations between them are tense today. Nearly stagnating bilateral trade contributes little to the development of either side. The Baltics-Russian bilateral trade conducted within global value chains (GVC) and operations of multinational companies is much more resistant to geopolitical and economic shocks than traditional international trade. In particular, the accession of Estonia, Latvia, and Lithuania to the EU and NATO in 2004 and the introduction of reciprocal EU-Russia sanctions in 2014 did not curb GVC activities between Russia

and the Baltics. The article discusses factors in the transformation of the Baltics-Russian GVCs amid COVID-19. The research aims to prove regionalisation as a viable prospect for the transformation of global value chains in Russia and the Baltics. In the medium term, regionalisation is possible as (1) part of global trends towards GVC transformation in the industries in which Russia and the Baltics traditionally specialise; (2) as a response to the long-term structural challenges faced by Russia and the Baltics in creating a new generation of internationally competitive firms; (3) as a result of companies tackling the effects of the pandemic against the background of historically stable relationships; (4) as a product of strong social contacts and soft power. GVC regionalisation will be driven by individual companies, regional (local) governments, and Russian-Baltic cross-border cooperation initiatives. Finally, repercussions for Russian and Baltic politics are discussed alongside GVC regionalisation benefits for all the parties involved.

Keywords:

global value chains, Baltic countries, Russia, COVID-19 pandemic

References

1. Baldwin, R., Freeman, R. 2020, Supply chain contagion waves: Thinking ahead on manufacturing 'contagion and reinfection' from the Covid concussion, *VoxEU.org*, available at: <https://voxeu.org/article/covid-concussion-and-supply-chain-contagion-waves> (accessed 8 August 2020).
2. Miroudot, S. 2020, Resilience versus robustness in global value chains: Some policy implications. Covid-19 and trade policy: Why turning inward won't work, *VoxEU.org*, available at: <https://voxeu.org/article/resilience-versus-robustness-global-value-chains> (accessed 8 August 2020).
3. Pisch, F. 2020, Just-in-time supply chains after the Covid-19 crisis, *VoxEU.org*, available at: <https://voxeu.org/article/just-time-supply-chains-after-covid-19-crisis> (accessed 8 August 2020).
4. Imbs, J., Pauwels, L. 2020, A new measure of openness, *VoxEU.org*, available at: <https://voxeu.org/article/new-measure-openness> (accessed 5 August 2020).
5. Banh, H., Wingender, P., Gueye, C. 2020, Global Value Chains and Productivity: Micro Evidence from Estonia, *IMF.org*, available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2020/07/03/Global-Value-Chains-and-Productivity-Micro-Evidence-from-Estonia-49376> (accessed 5 August 2020).
6. Hagemeyer, J. 2018, Trade and growth in the new member states: The role of global value chains, *Emerging Markets Finance and Trade*, vol.54, no. 11, p. 2630—2649. doi: <https://doi.org/10.1080/1540496X.2017.1369878>.
7. Cieslik, E. 2014, Post-communist European countries in global value chains, *Ekonomika*, vol. 93, no. 3, p. 25—38. doi: <https://doi.org/10.15388/Ekon.2014.0.3886>.
8. Simachev, Y.V., Daniltsev, A.V., Fedyunina, A.A., Glazatova, M.K., Zyzyk, M.G., Zudin, N.N. 2019, Russia in the changing conditions of world trade: A structural view at the new positioning, *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], no. 8, p. 5—29 (In Russ.).
9. Ali-Yrkkö, J., Mattila, J., Seppälä, T. 2017, Estonia in Global Value Chains, *ETLA Reports*, no. 69, available at: <https://pub.etla.fi/ETLA-Raportit-Reports-69.pdf> (accessed 8 August 2020).
10. Yashiro, N., De Backer, K., Hutfilter, A., Kools, M., Smidova, Z. 2017, *Moving up the global value chain in Latvia*, OECD Publishing, Paris, 2017. doi: <https://doi.org/10.1787/3a486c5e-en>.
11. Klemeshev, A., Fedorov, G., Zverev, Yu. 2011, On the potential and opportunities for cooperation between the Baltics in the field of innovations, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 76—84. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2011-3-9>.
12. Veebel, V., Markus, R. 2008, The bust, the boom and the sanctions in trade relations with Russia, *Journal of International Studies*, vol. 11, no. 1, p. 9—20. doi: <https://doi.org/10.14254/2071-8330.2018/11-1/1>
13. Fedorov, G.M. 2018, Russian Federation in the Baltic Region: Political Relations and Economic Development in 1992—2017, *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political studies], no. 3, p. 30—41. doi: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.03> (In Russ.).
14. Djankov, S., Freund, C. 2020, Trade flows in the former Soviet Union, 1987 to 1996, *Journal of Comparative Economics*, vol. 30, no. 1, p. 76—90. doi: <https://doi.org/10.1006/jcec.2001.1752>
15. Frankel, J., Stein, E., Wei, S. 1997, *Regional Trading Blocs in the World Economic System*, Washington DC, Institute for International Economics.

16. Eichengreen, B., Irwin, D. 1996, *The Role of History in Bilateral Trade Flows*, Cambridge, MA: NBER, doi: <https://doi.org/10.3386/w5565>.
17. Frankel, J., Stein, E., Wei, S. 1995, Trading Blocs and the Americas: The Natural, the Un-natural, and the Super-natural, *Journal of Development Economics*, vol. 47, no. 1, p. 61—95. doi: [https://doi.org/10.1016/0304-3878\(95\)00005-4](https://doi.org/10.1016/0304-3878(95)00005-4).
18. Freund, C. 2000, Different Paths to Free Trade: The Gains from Regionalism, *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 115, no. 4, p. 1317—1341, available at: www.jstor.org/stable/2586926 (accessed 6 August 2020).
19. Berg E., Ehin P. 2016, *Identity and foreign policy: Baltic-Russian relations and European integration*, Routledge, 2016.
20. Fedorov, G., Korneevets, V., Tarasov, I., Chasovskiy, V. 2016, Russia among the Countries of the Baltic Region, *International Journal of Economics and Financial Issues*, vol. 6, no. 4, p. 1502—1506.
21. Bělín, M., Hanousek, J. 2020, Which sanctions matter? Analysis of the EU/Russian sanctions of 2014, *Journal of Comparative Economics*. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2020.07.001>.
22. Dreger, C., Kholodilin, K., Ulbricht, D., Fidrmuc, J. 2016, Between the hammer and the anvil: The impact of economic sanctions and oil prices on Russia's ruble, *Journal of Comparative Economics*, vol. 44, no. 2, p. 295—308. doi: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2015.12.010>.
23. Yeliseyev, A. 2017, Belarusian shrimps anyone? How EU food products make their way to Russia through Belarus, *Think Visegrad — V4 Think Tank Platform*, available at: https://www.globsec.org/wp-content/uploads/2017/11/Think-Visegrad-Analysis-by-Andrei-Yeliseyev_Belarusian-shrimps-anyone-GLOBSEC-2017.pdf (accessed 5 August 2020).
24. Miroudot, S. 2017, The servicification of global value chains: Evidence and policy implications, *UNCTAD Multi-Year Expert Meeting On Trade, Services and Development*, available at: https://unctad.org/meetings/en/Presentation/c1mem5_2017_124_S3_Miroudot_2.pdf (accessed 5 August 2020).
25. Broadman, H. 2006, *From disintegration to reintegration: Eastern Europe and the former Soviet Union in international trade, Europe and Central Asia reports*, Washington, D.C., World Bank Group, available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/713901468252863858/From-disintegration-to-reintegration-Eastern-Europe-and-the-former-Soviet-Union-in-international-trade> (accessed 5 August 2020).
26. Simachev, Y.V., Fedyunina, A.A., Kuzyk, M.G., Daniltsev, A.V., Glazatova, M.K., Averyanova, Y.V. 2020, Rossiya v global'nom proizvodstve [Russia in Global Production]. In: *XXI April International Scientific Conference on the Development of Economy and Society*, HSE Publishing House, p. 1—147 (In Russ.).
27. Sineviciene, L., Krusinskas, R. 2018, How Dependent Are the Baltic States on Russia? *Europe-Asia Studies*, vol. 70, no. 8, p. 1264—1280. doi: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1508643>.
28. Zvaigzene, A. 2015, EU sanctions against Russia renewed: pros and cons for business and Baltics economy, *The Baltic Course*, available at: <http://www.baltic-course.com/eng/analyt-ics/?doc=114794> (accessed 5 August 2020).
29. Ratso, S. 2015, EU-Russia Trade Relations in Light of Sanctions and Russia's Import Measures, *Diplomaatia*, available at: <http://www.diplomaatia.ee/en/article/eu-russian-trade-relations-in-light-of-sanctionsand-russias-import-measures/> (accessed 6 August 2020).
30. Morozenkova, O.V. 2019, Prospects for the development of Russian exports of non-primary non-energy products in new markets, *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], no. 9, p. 44—60 (In Russ.).
31. Efremenko, I.N., Karaya, Y.V. 2013, Development of integration processes in the Baltic region countries, *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh)* [Bulletin of the Rostov State University of Economics], no. 1—2, p. 126—132 (In Russ.).
32. Khodachek, A.M. 2010, *Transgranichnoe sotrudnichestvo makroregiona Severo-Zapad* [Cross-border cooperation of the North-West microregion], HSE Saint Petersburg Publishing House (In Russ.).
33. Zhilina, L.N. 2018, Russian Diaspora in the Baltic States and its Role in Russian Foreign Policy, *Vestnik diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Russia and the world], no. 2, p. 130—116 (In Russ.).

34. Vorotnikov, V.V. Ivanova, N.A. Russian soft power in the Baltic States through the lens of research: traditions, competition, confrontation, *Balt. Reg.*, vol. 11, no. 3, p. 107—124. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-3-6>.

35. Baldwin, R. 2020, The Greater Trade Collapse of 2020: Learnings from the 2008—09 Great Trade Collapse, *VoxEU.org*, available at: <https://voxeu.org/article/greater-trade-collapse-2020> (accessed 5 August 2020).

The authors

Dr Yuri V. Simachev, Director, Centre for Structural Policy Studies, Higher School of Economics national research university, Russia

E-mail: yusimachev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-3015-3668>

Dr Anna A. Fedyunina, Leading Research Fellow, Centre for Structural Policy Studies, Higher School of Economics national research university, Russia

E-mail: afedyunina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2405-8106>

Yuliya V. Averyanova, Intern Researcher, International Laboratory for Intangible-driven Economy, Higher School of Economics national research university in St Petersburg, Russia

E-mail: javeryanova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5574-3536>

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ПАНДЕМИИ COVID-19 В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТРАН БАЛТИИ

В. И. Заботкина¹

О. В. Павленко¹

Е. Л. Боярская^{1,2}

Е. Ю. Моисеева^{1,3}

¹ Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

³ Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25а

Поступила в редакцию 01.08.2020 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-8

© Заботкина В. И., Павленко О. В., Боярская Е. Л., Моисеева Е. Ю., 2020

Целью данного исследования является описание динамики развития COVID-19 в странах Балтии, а также анализ особенностей репрезентации последствий данной угрозы. Особое внимание уделяется стратегиям наполнения информационного поля (пространства) анализируемой территории. Исследование выполнено на материале англоязычных и русскоязычных средств массовой информации стран Балтии, официальных документов и массива данных ВОЗ, документов организаций региона Балтийского моря (2020), посвященных противодействию угрозе распространения COVID-19. Выбор материала обусловлен тем фактом, что комбинация данных типов информации создает объективную картину происходящего и репрезентирует угрозу в массовом сознании в соответствии с заданной прагматической установкой. Пандемия коронавируса представляет собой новый тип угрозы, последствия которой демонстрируют тенденцию негативной синергии и изменения ее категориальной принадлежности. Использование нескольких ключевых стратегий, к которым относятся стратегия противоборства, а также проективная, консервативная, мобилизационная, стоическая и рефлексивная, позволяет репрезентировать данную угрозу и ее последствия в информационном пространстве анализируемой территории.

Ключевые слова:

угроза, риск, оценка, последствия, стратегия, коммуникация

Введение

За последние несколько лет количество глобальных рисков и угроз стремительно выросло, появились новые типы угроз, с которыми страны различных регионов мира ранее не сталкивались. Прошедшие несколько лет, а в особенности события конца 2019—2020 года, представляют собой эволюцию понимания того, что такое глобальные и региональные риски и угрозы, каков их масштаб и последствия.

Пандемия коронавируса COVID-19, начавшаяся в январе 2020 года, — одна из самых масштабных угроз подобного характера, с которыми когда-либо сталкивалось человечество. История человечества — это история пандемий и эпидемий, начиная

Для цитирования: Заботкина В. И., Павленко О. В., Боярская Е. Л., Моисеева Е. Ю. Особенности репрезентации последствий пандемии COVID-19 в информационном пространстве стран Балтии // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 4. С. 147—164. doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-8.

с массовых эпидемий оспы и бубонной чумы в Средние века и заканчивая эпидемиями в новейшей истории. С начала XIX века и до наших дней эпидемии различных штаммов гриппа регистрируются практически во всех странах мира. Вспышка H1N1, более известного как «испанка», по разным данным, унесла жизни от 50 до 100 млн чел. Необходимо отметить, что вначале эпидемии, вызванные коронавирусами, были гораздо менее масштабными: острый респираторный синдром (SARS) — первая смертельная эпидемия, вызванная коронавирусом, от которой умерли чуть более 800 чел. в период с 2002 по 2003 год. Чуть позже появился ближневосточный респираторный синдром (MERS), также коронавирус. От него умерли 912 чел., большинство летальных случаев заболевания были зарегистрированы в странах Аравийского полуострова¹. Неоспоримым является тот факт, что большинство вирусов и бактерий, которые вызывали эпидемии и пандемии, до сих пор сосуществуют с человечеством. Однако благодаря уровню развития медицины, фармакологии и международному сотрудничеству в области предупреждения распространения заболеваний возбудителей всех вышеупомянутых инфекций удавалось держать под контролем. В этом контексте пандемия COVID-19 беспрецедентна как по масштабам зарегистрированных случаев, так и по скорости распространения и проценту летальности. История пандемий свидетельствует о том, что человечеству предстоит жить в новой реальности, сосуществуя с COVID-19 на протяжении неопределенного промежутка времени.

Несмотря на то, что с момента начала пандемии прошло чуть меньше года, очевиден масштаб угрозы, которую она представляет. При этом последствия COVID-19 отнюдь не ограничиваются процентом летальности. Пандемия затронула практически все сферы жизни общества. Именно поэтому оценка последствий данного типа угрозы представляет особый интерес. Окончательные выводы о масштабе последствий пандемии будут преждевременными, так как ее вторая волна, начавшаяся в конце августа 2020 года, не дает надежды на скорое прекращение пандемии. Однако уже на данном этапе можно идентифицировать основные группы последствий, а также общие стратегии противодействия территорий, охваченных пандемией.

Целью данного исследования являются описание и анализ динамики развития COVID-19 в странах Балтии (Литва, Латвия и Эстония), а также специфики репрезентации последствий данной угрозы в информационном поле. При этом особое внимание уделяется идентификации задач, решаемых способом описания данной угрозы, а также стратегиям наполнения информационного поля (пространства) анализируемой территории.

Проблема идентификации угроз, их последствий и репрезентации в медийном пространстве находится в фокусе пристального внимания исследований в последнее десятилетие. Появление значительного количества работ на эту тему свидетельствует о настоятельном интересе ученых к данной проблематике. Следует отметить, что большинство работ было опубликовано с 2015 до 2020 год. Исследователей интересовали вопросы общей оценки угроз и рисков [1; 2], оценки экономических [3], экологических [4], а также социокультурных угроз [5]. В контексте последней упомянутой категории следует особо отметить факт составления тезауруса социокультурных угроз [6; 7]. Регион Балтийского моря, являющийся одним из самых значимых макрорегионов Европы, а также вызовы и угрозы, с которыми сталкиваются страны региона, анализируются в ряде недавних публикаций [8–12].

Основные понятия и этапы исследования

В работе дается описание динамики распространения вируса COVID-19 в странах Балтии — Литве, Латвии и Эстонии, которые являются членами ЕС и входят в состав региона Балтийского моря. Понимание этой двойной принадлежности зна-

¹ *How do pandemics end?* // BBC news. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/resources/idx-876f42ae-5e44-41c0-ba2d-d6fd537aadfe> (дата обращения: 07.10.2020).

чимо, так как в статье используются официальные документы, регулирующие меры противодействия, предпринимаемые на различных уровнях — общеевропейском, региональном и национальном. Необходимо прежде всего определить ключевые понятия, которые будут применяться в ходе исследования.

Под *риском* в настоящем исследовании понимается некое событие или условие, которое в случае его реализации может вызвать значительные негативные последствия для стран, отраслей экономики, населения в целом или отдельного индивидуума.

Под *угрозой* имеется в виду внешне мало контролируемое или неконтролируемое событие, влекущее за собой опасность вреда или воспринимаемое как таковое странами, отраслями экономики, населением в целом или отдельными индивидуумами. Она представляет собой сочетание факторов и условий, которые могут оказать негативное воздействие на индивидуума и общество. Угроза всегда порождает опасность. В контексте данного анализа под опасностью понимается состояние объекта вследствие возникновения угрозы.

Анализ рисков и угроз, нашедших отражение в англоязычном информационном поле стран Балтии, проводился в несколько этапов.

На *первом этапе* исследования были проведен отбор статистических данных, характеризующих развитие пандемии в странах Балтии. Отбор проводился по принципу надежности источника, репрезентативности и релевантности отображаемых параметров. Этим требованиям полностью удовлетворяли данные Всемирной организации здравоохранения², Европейского центра профилактики и контроля заболеваний³, а также министерств здравоохранения Латвии⁴, Литвы⁵ и Эстонии⁶. Также были определены основные издания и электронные ресурсы, материалы которых наиболее репрезентативны в плане отражения угроз и рисков, связанных с пандемией коронавируса, стратегий их преодоления, выбранных различными странами региона Балтийского моря. Все отобранные издания удовлетворяли нескольким основным критериям: принадлежность к «качественным» СМИ анализируемого региона; активное присутствие в электронной среде; регулярное обновление ресурса; наличие архива за анализируемые промежутки времени (2019—2020), в том числе электронного [12; 13].

Помимо этого в работе были использованы материалы Совета государств стран Балтийского моря; Парламентской конференции стран региона Балтийского моря; материалы европейских программ и проектов, реализуемых в странах Балтии, материалы новостных агентств, а также данные изданий *Baltic Times*, *Baltic Rim Economies*, *Baltic News Network*, *Baltic Course* и др. Дополнительными источниками информации стали англоязычный корпус COVID-19, дайджесты рейтинговых новостных русскоязычных и англоязычных сайтов и агрегаторов новостного контента стран Балтии, которые давали возможность составить полноценную картину информационной повестки анализируемой территории в заданный отрезок времени.

На *втором этапе* были отобраны статьи и материалы информационного характера, соотносимые концептуально и тематически с предметом исследования — актуальными рисками и угрозами, с которыми сталкиваются страны Балтии в связи с распространением коронавируса. Идентификация угрозы и ее последствий осуществлялась в соответствии с принципами отбора информационного контента по шкале Менчера на основании следующих принципов: актуальность, важность, сте-

² World Health Organization. URL: <https://covid19.who.int/> (дата обращения: 01.11.2020).

³ European Centre for Disease Prevention and Control. URL: <https://www.ecdc.europa.eu/en> (дата обращения 01.09.2020).

⁴ Veselibas ministrija. URL: <https://www.vsm.gov.lv/lv/> (дата обращения: 01.09.2020).

⁵ Ministry of Health of the Republic of Lithuania. URL: <https://sam.lrv.lt/en/> (дата обращения: 01.11.2020).

⁶ Ministry of Social Affairs, Terviseamet URL: <https://www.terviseamet.ee/et> (дата обращения: 01.11.2020).

пень воздействие на аудиторию, напряженность, новизна [13]. Кроме того, при отборе материала и идентификации угрозы, ее масштаба и последствий была принята во внимание динамика упоминаний — количество публикаций за определенный период, демонстрирующая масштабность инфоповода, действительный интерес к нему в средстах массовой информации региона, а также общественный резонанс.

Третий этап анализа состоял в определении целей, способов и стратегий репрезентации угрозы и ее последствий в информационном поле анализируемой территории.

Выделение основных групп последствий пандемии COVID-19 позволило не только описать саму угрозу, но и определить ее место в политическом дискурсе и общественном сознании, соотнося ее с другими типами вызовов и угроз.

Динамика пандемии COVID-19 в странах Балтии

Безусловно, основным информационным событием конца 2019—2020 года стала пандемия COVID-19. Согласно актуальным данным ВОЗ на 1 ноября 2020 года количество заболевших по всему миру превысило 45 млн чел., из них более 1,2 млн умерли⁷.

Вирус сделал то, «чего за последние 100 лет не удавалась ни одному другому вирусу или бактерии: запер большую часть населения планеты по домам, парализовал не только социальную, но и экономическую жизнь многих государств. Он стал научной загадкой для мирового академического сообщества... Но не менее значимо, что SARS-Cov-2 помог всем осознать: угроза нового заражения сейчас так же актуальна для человечества, как и 100, 200 или 300 лет назад»⁸. Пандемия затронула жизнь всех стран региона Балтийского моря на макро- и микроуровнях, внося свои коррективы в процессы глобализации, интеграции и регионализации.

С целью описания динамики развития пандемии в странах Балтии представляется целесообразным охарактеризовать региональный фон и определить положение анализируемых стран по ряду ключевых показателей в регионе Балтийского моря. На рисунке 1 представлена общая динамика развития пандемии в странах региона.

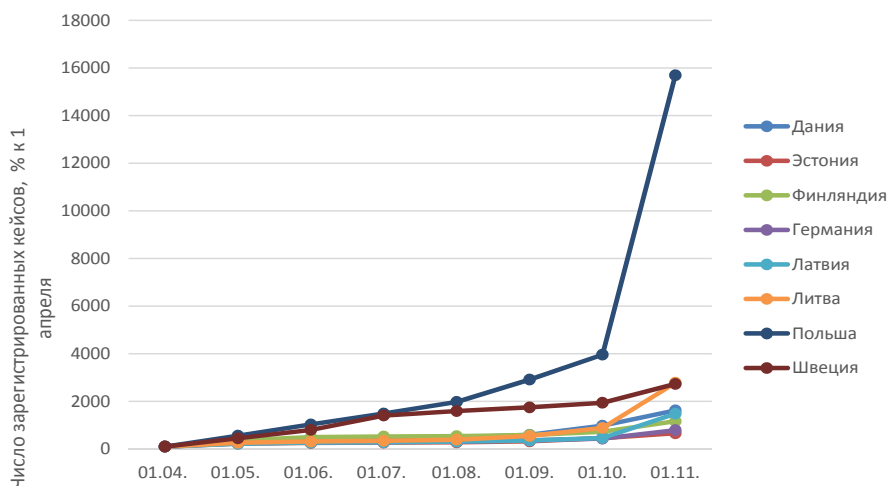

Рис. 1. Развитие пандемии COVID-19 в странах региона Балтийского моря

Источник: составлено авторами на основе данных *European CDC*⁹.

⁷ World Health Organization. URL: <https://covid19.who.int/> (дата обращения: 01.11.2020).

⁸ Альховский С. Эпидемии будущего: с какими еще угрозами мы можем столкнуться? // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5ecbb0b99a79471c99221ca2> (дата обращения: 05.09.2020).

⁹ Distribution of cumulative reported cases // European Centre for Disease Prevention and Control. URL: <https://qap.ecdc.europa.eu/public/extensions/COVID-19/COVID-19.html#country-comparison-tab> (дата обращения: 01.11.2020).

Первые случаи заражения коронавирусом в странах региона были зарегистрированы практически одновременно — в конце февраля — в первую неделю марта 2020 года, что представляется естественным, учитывая тесные экономически, социальные и культурные связи между государствами. Страны Балтии демонстрирует практически одинаковую динамику развития эпидемии коронавируса, начиная с первых чисел марта 2020 года, которая характеризуется резким ростом числа случаев в марте и апреле, продолжительной стадией плато до сентября 2020 года, незначительным увеличением количества заболевших в сентябре, которое продолжилось более высокими темпами инфицирования населения в октябре 2020 года. Наибольший прирост числа инфицированных отмечается в Польше (особенно в октябре 2020 года).

Подушевой показатель распространения коронавирусной инфекции в странах региона варьируется от 1278,6 на 100 тыс. населения в Швеции до 291,6 — в Финляндии. При этом следует отметить, что на момент окончания исследования по числу летальных случаев на 100 тыс. чел. Латвия демонстрирует самые низкие показатели в регионе Балтийского моря — 3,7; лидером, как и в случае с количеством заболевших, является Швеция — 57,5 (табл. 1). Необходимо указать, что в странах Балтии сформировался относительно более мягкий сценарий развития пандемии по сравнению с другими странами региона Балтийского моря, что может быть следствием раннего введения ограничительных мер (в том числе на общественном транспорте, в местах массового скопления людей), карантина, адекватно выбранной политики противодействия, эффективной системы здравоохранения, а также сознательного отношения населения. О степени мобилизации усилий по противодействию пандемии и готовности стран региона к возможному увеличению ее масштаба свидетельствуют данные, собранные Парламентской конференцией стран региона Балтийского моря¹⁰.

Таблица 1

Сравнительные показатели, характеризующие развитие пандемии COVID-19 в странах региона Балтийского моря (по данным ВОЗ на 01.11.2020)

Страна	Общее количество случаев	Количество случаев на 100 тыс. чел.	Смертность	Смертность на 100 тыс. чел.
Германия	532 930	640,8	10 481	12,6
Польша	362 731	955,6	5631	14,8
Швеция	132 050	1278,6	5938	57,5
Дания	46 351	796,0	721	12,4
Финляндия	16 113	291,6	358	6,5
Литва	14 824	530,5	165	5,9
Латвия	5894	309,0	71	3,7
Эстония	4905	369,1	73	5,5

Источник: World Health Organization¹¹.

¹⁰ Handling and Combating the COVID-19 Pandemic in the Baltic Sea Countries. URL: http://www.bspc.net/wp-content/uploads/2020/08/BSPC_Handling-and-Combating-the-COVID-19-Pandemic-in-the-Baltic-Sea-Countries.pdf (дата обращения: 09.10.2020).

¹¹ World Health Organization. URL: <https://covid19.who.int/> (дата обращения: 01.11.2020).

Таким образом, в группе стран Балтийского региона Литва, Латвия и Эстония характеризуются наименьшей интенсивностью заболеваемости (уступая только Финляндии) и более низким уровнем смертности. Тем не менее все аспекты негативных последствий пандемии данные страны испытывают на себе в полном объеме.

Пандемия COVID-19 как тип угрозы. Синергия негативных последствий

В данном разделе представлена характеристика основных групп последствий, связанных с пандемией COVID-19, рассматриваемой как определенный тип угрозы. Несмотря на то, что пандемии (равно как и любые эпидемии, болезни и пр.) традиционно относят к категории социальных угроз (см. *Global Risk Analysis, 2020*)¹², они приводят к множественным последствиям. Пандемия COVID-19 имеет глобальный характер и при этом ярко выраженные *региональные геополитические, экономические, экологические, социальные и техногенные* последствия.

С точки зрения геополитики пандемия привела к разрыву традиционных связей, вынужденной самоизоляции государств, закрытию внешних границ, а во многих случаях и к ограничению перемещений между регионами или отдельными территориями одной страны и т.д. Государства Балтии следовали установленным ограничениям на перемещение, которое было общим для всех стран Европейского союза. Территории ЕС и внутри стран были маркированы в соответствии с количеством случаев заражения: красная зона — более 50 случаев на 100 тыс. населения в течение 14 дней, оранжевая зона — от 25 до 50 случаев и зеленая зона — менее 25 случаев. Также принимался во внимание масштаб тестирования населения. Свобода передвижения традиционно выступает одной из основных свобод, именно поэтому ограничения этого характера негативно сказывались на функционировании отраслей экономики стран Балтии, а также на общих настроениях в обществе, несмотря на то, что страны Балтии не лишили возможности пересечения границ для определенной категории лиц.

Закрытие границ и ограничение на свободу передвижения привело к существенным экономическим последствиям. Одними из первых удар пандемии ощутили на себе туристическая и транспортная отрасли. Так, например, региональные авиаперевозчики, прежде всего латвийская *AirBaltic*, вынуждены были с 17 марта до середины апреля 2020 года полностью прекратить все рейсы, а затем значительно сократить количество выполняемых рейсов¹³. За апрель — май было отменено 580 рейсов¹⁴. В результате компания была вынуждена сократить число сотрудников (штат компании до пандемии насчитывал 1600 чел.) как минимум на 250 чел.

Экономические последствия пандемии для всех стран региона Балтийского моря привели к так называемой коронавирусной рецессии, которая стала реальностью после обвала фондового рынка в марте 2020 года. Экономике трех стран Балтии значительно пострадали от пандемии. Будучи небольшими по объемам и открытыми по характеру, имеющими сравнительно крупный транспортный сектор, они оказались уязвимы для резкого падения внешнего спроса. Меры внутреннего сдержива-

¹² *The Global Risks Report 2020*. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf (дата обращения: 01.08.2020).

¹³ *Cummins N.* *airBaltic Suspends All Flights Until Mid April* // Simple Flying. URL: <https://simpleflying.com/air-baltic-suspends-all-flights/> (дата обращения: 20.05.2020).

¹⁴ *Kaminski-Morrow D.* *Air Baltic to cut staff as coronavirus ends positive run* // FlightGlobal. URL: <https://www.flightglobal.com/airlines/air-baltic-to-cut-staff-as-coronavirus-ends-positive-run/137190.article> (дата обращения: 12.05.2020).

ния пандемии затронули уровень потребления в домашних хозяйствах, а также промышленное производство и быстро растущий до недавнего времени туристический сектор. Достаточно быстрое смягчение мер ограничительного характера, а также введение налогово-бюджетных стимулов поддержали экономическую активность, а это означает, что сокращение ВВП будет относительно небольшим по сравнению с большинством других государств — членов ЕС. Агентство *Fitch* прогнозирует, что общий государственный дефицит ВВП достигнет рекордных максимумов в Литве и Эстонии и будет близок к таковому в Латвии¹⁵. Государственный долг поднимется до рекордно высокого уровня в регионе, отражая значительный дефицит бюджета.

В целом страны Балтии ожидают, что их экономика сократится на 8% по итогам 2020 года¹⁶.

Социальные последствия нашли выражение в повышении уровня безработицы, в том числе структурной, в значительной нагрузке на систему здравоохранения, росте смертности населения, а также в депрессии как следствии карантина и самоизоляции. В январе 2020 года уровень безработицы в Латвии составлял 6%. Данные сентября показывают тенденцию роста — 8,1%¹⁷. Уровень безработицы в Эстонии в январе 2020 года был 4,1%, а в сентябре — уже 7,1%. Это самый высокий уровень безработицы с 2016 года. Общее число безработных достигло 49,4 тыс. человек, что отражает влияние кризиса, вызванного распространением COVID-19¹⁸. Из трех стран Балтии последствия пандемии ощущаются особенно сильно в Литве, где уровень безработицы в январе 2020 года составил 9,2%, а в сентябре — более 14%, число ищущих работу достигло 243 271 чел.¹⁹.

Экологические и техногенные последствия пандемии еще полностью не оценены. По мнению специалистов, «на одной чаше весов... сокращение выбросов от транспорта и остановившихся производств, уменьшение потребления электричества и воды из-за закрытия магазинов и офисов. На другой — одноразовые средства защиты, дополнительная упаковка, панические покупки и т.д.»²⁰. Значительную сложность представляет и утилизация использованных масок и перчаток после введения правила их обязательного ношения в общественных местах.

Финские медики и экологи выяснили, что вирус выживает в бытовых стоках²¹. Неожиданным представляется и результат исследования экологов, который показывает значительное увеличение нагрузки на окружающую среду от стриминг-вещания, объ-

¹⁵ *Baltic Sovereigns Facing Growth and Fiscal Shock* // Fitch Ratings. URL: <https://www.fitchratings.com/research/sovereigns/baltic-sovereigns-facing-growth-fiscal-shock-30-09-2020> (дата обращения: 01.10.2020).

¹⁶ *Coronavirus: Baltic states open a pandemic 'travel bubble'* // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-52673373> (дата обращения: 18.05.2020).

¹⁷ *Unemployment rate in September 2020*. URL: <https://www.csb.gov.lv/en/Statistics/Covid19/Unemployment-rate-in-September-2020> (дата обращения: 28.10.2020).

¹⁸ *Employment Rate in Estonia decreased to 68.10 percent in the first quarter of 2020 from 69.20 percent in the fourth quarter of 2020* // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/estonia/employment-rate> (дата обращения: 28.10.2020).

¹⁹ *Employment Rate in Lithuania decreased to 71.40 percent in the second quarter of 2020 from 73 percent in the first quarter of 2020* // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/lithuania/employment-rate> (дата обращения: 28.10.2020).

²⁰ *Что окажется на свалке после пандемии и чем помочь планете уже сейчас* // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/5e8b405c9a7947028ac3bf50> (дата обращения: 18.05.2020).

²¹ *Coronavirus found in waste water in Helsinki and Turku but not at other sites monitored weekly*. URL: <https://thl.fi/en/web/thlfi-en/-/coronavirus-found-in-waste-water-in-helsinki-and-turku-but-not-at-other-sites-monitored-weekly> (дата обращения: 06.06.2020).

емы которого значительно увеличились в связи с переводом большинства сотрудников на удаленную работу, а студентов и школьников — на дистантное обучение: «При передаче потокового видео в высоком разрешении потребителю выбросы парниковых газов возрастают... При передаче потокового видео по сетям 3G — 90 г в час... В условиях пандемии спрос на потоковые сервисы значительно возрос: в феврале — марте рост составил 30%. Пиковая нагрузка в марте нынешнего года в крупнейшем в мире дата-центре и точке обмена трафиком DE-CIX, расположенных во Франкфурте, составила 9,16 терабита в секунду. Это рекордное значение, и это равносильно одновременной передаче более чем 2 млн видео в высоком разрешении»²².

С точки зрения *масштабности воздействия* пандемия COVID-19 представляет собой редкий пример одновременной угрозы индивидууму и обществу. Наблюдается нарушение социальных связей, снижение социального статуса вследствие потери работы, депрессия, вызванная необходимостью самоизоляции и введенным ограничениям, затрагивающих социальную жизнь людей. Пандемия COVID-19 — это одновременно *жесткая и мягкая угроза*. Традиционно к жестким угрозам относят угрозу безопасности, насилие, военный конфликт, злоупотребление властью, злоупотребление новыми технологиями, в том числе и информационными, а к мягким — деформацию личности, бедность, безработицу, угрозу потери культурной идентичности и т.д. С этой точки зрения пандемия, безусловно, проявляет признаки сразу двух категорий угроз, так как несет ярко выраженную угрозу безопасности общества и личности, а также приводит к безработице, депрессивному состоянию, усталости от неопределенности будущего. Психологические последствия пандемии еще предстоит оценить. Однако уже сейчас понятно, что они будут занимать одно из первых мест в рейтинге негативности. Как показало исследование, проведенное специалистами Центра психотравматологии Вильнюсского университета, в Вильнюсе летом 2020 года (а в это время наблюдался временный спад темпов распространения вируса) большинство респондентов «чувствовало сильный страх, тревогу, грусть или одиночество. Почти половина людей были серьезно эмоционально затронуты ограниченным контактом с близкими, и до четверти участников исследования испытали серьезные трудности адаптации»²³.

Общепринятая классификация угроз *по времени возникновения* (деление на традиционные, новые и новейшие) также оказывается не столь релевантной в случае с пандемией коронавируса. С одной стороны, даже в прошлом столетии человечество пережило несколько масштабных эпидемий и пандемию «испанки», поэтому COVID-19 скорее можно причислить к традиционным, нежели к новым, а там более новейшим угрозам. С другой — с точки зрения масштаба последствий, а также предлагаемых стратегий противодействия COVID-19 представляет собой пример новейшей угрозы наравне с устойчивостью к антибиотикам, биохакерством или злоупотреблением любыми технологиями, так как до начала 2020 года человечество в своей новейшей истории не сталкивалось с угрозой такого масштаба и разнообразия последствий.

Анализ и оценка последствий угрозы должны учитывать не только вышеперечисленные характеристики, но и последующую реакцию возмущения информационного поля. Второй фактор, безусловно, носит субъективный характер, и его ве-

²² *Немецкие* эксперты рассчитали вред для экологии от передачи потокового видео и игр // Комерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4485170> (дата обращения: 11.09.2020).

²³ *Большинству* людей очень трудно справляться со стрессом, а эмоциональные трудности начинают мешать повседневной жизни // Sputnik. URL: <https://lt.sputniknews.ru/society/20201101/13556662/Zhitylam-Litvy-dali-sovety-dlya-psikhologicheskogo-zdorovya-vo-vremya-COVID-19.html> (дата обращения: 01.11.2020).

личина варьируется в зависимости от того, насколько вовремя, полно и объективно была подана информация, нет ли вероятности сокрытия рисков от общественности или искажения в сторону преуменьшения / преувеличения степени риска или угрозы. Объективное информирование способствует своевременной выработке защитных мер, а также настраивает опции управления рисками.

Цели и стратегии коммуникации угрозы

Наравне с анализом вышеперечисленных последствий COVID-19 большое значение приобретает изучение стратегий наполнения информационного поля, которые, в свою очередь, оказывают существенное влияние на выстраивание общественно-политических нарративов, генерируемых и / или распространяемых в средствах массовой информации стран региона Балтийского моря, равно как и всего мира, который столкнулся с глобальной угрозой коронавируса. Особенность ситуации состоит в том, что из-за повсеместного характера пандемии и схожести ее последствий появилась возможность выделить различные стратегии наполнения информационного поля, которые используются странами для описания данной угрозы и анализа ее последствий. Рассмотрим общие стратегии репрезентации данной угрозы в информационном пространстве стран Балтии.

Во время пандемии коронавируса, когда опасность является *повсеместной и одновременно новой*, невозможно предсказать, как будет развиваться ситуация и какая стратегия будет выбрана той или иной страной региона. Как показало наше исследование, на начальном этапе информирования обо всем, что было связано с угрозой распространения коронавируса СМИ всех трех стран Балтии приводили фактуальную информацию и не давали оценку фактов, а констатировали их. Такой подход использовался для презентации реальных событий (цифры, сводки, диаграммы), описания симптомов и путей распространения вируса и т.д. Ключевые новостные агентства, агрегаторы, универсальные интернет-поисковики инициировали создание собственных мониторингов, карт, счетчиков, которые аккумулировали информацию. Примером такого подхода могут служить информационные сводки *Baltic News Network* (BNN), приведенные ниже:

Across the Baltic states, over the past day to Wednesday... Lithuanian health authorities have confirmed 73 new cases of COVID-19. Meanwhile, 12 new cases have been found in Latvia and 57 in Estonia. 12 new coronavirus infection cases were found in Latvia over the course of the past day, which means the total number of COVID-19 patients since the start of the pandemic is 1,572 in the central Baltic country. The latest data on Estonia showed 3,033 confirmed COVID-19 cases, which means 57 new infection cases were found in the country over the past day²⁴.

Необходимо отметить, что подобный подход к репрезентации угрозы широко применяется не только региональными СМИ, но также часто используется для предоставления официальной информации. Наглядный пример этого — документы,

²⁴ «В странах Балтии за последние сутки, т.е. до наступления среды... литовские органы здравоохранения подтвердили 73 новых случая COVID-19. Между тем 12 новых случаев были зафиксированы в Латвии и 57 — в Эстонии. Двенадцать новых случаев коронавирусной инфекции были выявлены в Латвии за прошедший день, это означает, что общее число заболевших с начала пандемии составляет 1572 человека в центральной части Балтии. Последние данные по Эстонии свидетельствуют о 3033 подтвержденных случаях COVID-19, что означает, что за последний день в стране было выявлено 57 новых случаев инфицирования» (*Latest infections with COVID-19 in Baltic states // BNN. URL: <https://bnn-news.com/latest-infections-with-covid-19-in-baltic-states-217186> (дата обращения: 23.09.2020)*).

подготовленные Советом государств стран Балтийского моря или Парламентской конференцией государств региона Балтийского моря. В них представлены факты и сводки о распространении коронавируса на Аландских островах, в странах Балтии, Германии, Польше, Российской Федерации и Швеции.

Предоставление фактуальной информации без оценки и комментария не является стратегией в полной мере, хотя, безусловно, здесь также преследуется определенная цель. Информационную стратегию делает стратегией постановка цели и, как следствие, достижение прогнозируемого результата. Анализ англоязычного и русскоязычного медиа-пространства стран Балтии во время пандемии COVID-19 показал, что оно наполняется информацией для достижения следующих целей: а) противодействия COVID-19, б) полноценного информирования граждан в условиях постоянно обновляющегося потока, в) разделения информации на достоверную и ложную (слухи, непроверенные данные, фейковые новости), г) отбор самых важных инфоповодов, связанных с коронавирусом, д) недопущение паники, е) формирование в обществе устойчивых паттернов поведения в ситуации угрозы распространения коронавируса.

Анализ информационного пространства показал, что существует как минимум шесть основных стратегий его заполнения, к которым можно отнести следующие: *противоборствующую, проективную, консервативную, мобилизационную, стоическую и рефлексивную*. Выделенные стратегии носят универсальный характер в том смысле, что все они используются для коммуникации угрозы либо по отдельности, либо в комбинации в зависимости от того, какую цель они преследуют. Рассмотрим каждую из них.

Противоборствующая стратегия, используемая всеми странами Балтии для репрезентации анализируемой угрозы, предполагает активное противодействие угрозе, реакцию «ударом на удар»: на каждый угрожающий тезис СМИ находят антитезис, активизируя контрповестку. Задача стратегии — противодействие открытому вторжению угрожающих факторов в стабильный жизненный уклад общества. Это стратегия конфликта (явного или скрытого), предполагающая инверсию позиций сторон. В случае глобальной угрозы она предполагает попытки развенчания, умаления, лишения угрозы доминирующего статуса.

Ярким примером использования подобной стратегии в соцсетях может служить твит премьер-министра Литовской Республики Саулюса Сквернялиса, который подчеркивает не только необходимость противодействия угрозе, но также обращается к прошлому опыту и одновременно выражает уверенность в том, что последствия пандемии будут преодолены совместными усилиями:

Throughout history, Baltic States of Lithuania, Latvia and Estonia have been exposed to a variety of challenges. We will overcome this one as well, thanks to excellent understanding and coordination²⁵.

Проективная стратегия основана на информировании о краткосрочных или долгосрочных планах ответных действий. При этом не все они могут найти воплощение в действительности. Однако задача СМИ, особенно официальных каналов, — показать, что проективная деятельность возможна. Основная мысль — «мы не опускаем руки, мы будем бороться и т.д.». Примером проективной стратегии могут служить информационные сообщения, подобные приведенному ниже сообщению *Baltic News Network*:

²⁵ Saulius Skvernelis. Official Account of Prime Minister of the Republic of Lithuania. URL: https://twitter.com/Skvernelis_/status/1261158322692030465 (дата обращения: 15.05.2020).

Latvia's government approved Healthcare Ministry's proposed strategy for limitation of COVID-19. This strategy provides four risk categories, with the first the lowest and fourth the highest. Latvia is currently in the third risk category, explains Latvia's Prime Minister Krišjānis Kariņš. The plan, which details restrictions at specific infection indexes, outlines three factors that may lead to the fourth risk category²⁶.

Как показало проведенное исследование, проективная стратегия может реализовываться в двух основных формах — радикальной и умеренной. Радикальная форма предполагает производство идеальных моделей будущего, новую реальность и новые стратегии персональности. Примером проективной стратегии радикального типа может служить цитата из выступления заместителя канцлера правительства Лукаса Савицкаса, опубликованная новостным порталом koronastop.lrv.lt:

In his presentation on Lithuania's economic response to the pandemic, the Deputy Chancellor Savickas has said that «Lithuania sees this crisis not only as a challenge but also as an opportunity: first, the countries will seek to shorten and diversify supply chains; second, Lithuania has a chance to become one of the EU hubs for life sciences, research and industry; third, food supply chains will become shorter and thus add to greater sustainability; fourth and fifth, the economy will move faster to a digital and green economy»²⁷.

Умеренная проективная стратегия предполагает экстраполяцию в будущее положительных тенденций прошлого и настоящего, как это делается в следующем примере: «Вернутся ли строгие ограничения? Латвия ждет решения Минздрава. Ситуация с коронавирусом в Латвии лучше, чем у соседей, но расслабляться не стоит, предупреждают эпидемиологи»²⁸.

Консервативная стратегия предполагает сопротивление дестабилизации жизни социума с помощью обращения к устойчивым системам ценностей, нормам и принципам, составляющим «естественный порядок вещей». Консервативная стратегия черпает силу в героических деяниях прошлого, тем самым помещая угрозу в контекст предшествующих вызовов, возможно, более серьезных и масштабных, которые были преодолены благодаря сплоченности и другим положительным качествам социума. Носителями консервативной идеи, как правило, выступают лидеры наций, а задача СМИ — реализовать их посыл. Консервативная стратегия предполагает актуализацию вечных ценностей и воодушевление общим порывом.

²⁶ «Правительство Латвии утвердило предложенную Министерством здравоохранения стратегию ограничения COVID-19. Эта стратегия предусматривает четыре категории риска, первая из которых самая низкая, а четвертая — самая высокая. В плане, в котором подробно описаны ограничения по конкретным индексам инфекции, указаны три фактора, которые могут привести к четвертой категории риска» (*Latvian government explains what could happen if Latvia enters «red zone» with COVID-19 // BNN*. URL: <https://bnn-news.com/latvian-government-explains-what-could-happen-if-latvia-enters-red-zone-with-covid-19-218295> (дата обращения: 28.10.2020)).

²⁷ «В своем выступлении, посвященном экономическим мерам, принятым Литвой в ответ на пандемию, заместитель канцлера правительства Лукас Савицкас сказал: «Литва рассматривает этот кризис не только как вызов, но и как возможность: во-первых, страны будут стремиться к сокращению и диверсификации цепочек поставок; во-вторых, у Литвы есть шанс стать одним из центров ЕС в области наук о жизни, научных исследований и промышленности; в-третьих, цепочки поставок продуктов питания станут короче и тем самым обеспечат большую устойчивость; в-четвертых и в-пятых, экономика быстрее перейдет к цифровой и «зеленой» экономике»» (*Lithuania's efforts to combat COVID-19 come into world's spotlight*. URL: <https://koronastop.lrv.lt/en/news/lithuanias-efforts-to-combat-covid-19-come-into-worlds-spotlight> (дата обращения: 22.05.2020)).

²⁸ *Вернутся ли строгие ограничения? Латвия ждет решения Минздрава // Baltnews*. URL: https://lv.baltnews.com/mir_novosti/20200807/1024100899/Vernutsya-li-strogie-ogranicheniya-Latviya-zhdet-resheniya-Minzdrava.html (дата обращения: 07.08.2020).

Сам факт того, что СМИ прибегают к ней, может служить маркером угрозы. Консервативная стратегия наиболее востребована именно в сложных ситуациях, подобных пандемии:

Глава кабинета Эстонии Юри Ратас выступил перед соотечественниками из-за распространения коронавируса, сообщает на его странице в Facebook. Свое обращение Ратас сделал на русском языке, хотя единственным государственным языком в стране считается эстонский: «Предстоящие выходные и недели определяют, остановим ли мы вирус или нет. Для этого у нас есть только одна формула: мы все должны следовать правилам. <...> Эти правила важно донести до близких, друзей, коллег и всех остальных. Сейчас время “мы”, а не “я”...»²⁹.

Мобилизационная стратегия предполагает концентрацию ресурсных возможностей социума, как это делается в следующем материале из *Baltic Course*:

Latvian society needs to mobilize in order to be able to stop the rapid spread of Covid-19 in the country through joint efforts, President Egils Levits emphasized in a message to the public on Sunday³⁰.

«There is no room for chaotic action or overconfidence in Latvia. We need to be rational. Our goal is to break the spiral of the pandemic. We need to be decisive», said Levits³¹.

С целью мобилизации усилий часто выбирают наиболее яркого представителя, героя, отстаивающего интересы общества. Для реализации этой стратегии в СМИ необходимы яркие фигуры, желательно — представители какой-либо профессии или общественной организации, служащие примером мужества и профессиональной этики, выступающие ситуативными лидерами мнений, к которым остальные должны прислушаться. Во время пандемии такими героями в СМИ стали врачи, волонтеры, социальные помощники, которые своим примером, «подсвеченным» медиа-полем, вдохновляли людей на противостояние угрозе. В отличие от противоборствующей данная стратегия репрезентации угрозы предусматривает активную защиту, но не нападение. С помощью мобилизационной стратегии СМИ мотивировали и продолжают мотивировать людей к соблюдению ограничений, применению средств личной защиты, взаимопомощи и спокойствию. Примером использования подобной стратегии является следующая цитата:

Акция благодарности: как поддерживают врачей, борющихся с коронавирусом. Врачи всегда спасали человеческие жизни, но в период объявленной в мире пандемии именно от их работы зависит, когда все смогут вернуться к нормальной жизни. Пока медики борются с коронавирусом, акции в их поддержку проходят по всему миру. Аплодисменты, слова благодарности и включенные фонарики — люди искренне благодарны врачам и стараются поддержать их как могут³².

²⁹ *Обращение* Юри Ратаса: предстоящие выходные и недели определяют, остановим мы вирус или нет. URL: <https://rus.err.ee/1070038/obrawenie-juri-ratasa-predstojawie-vyhodnye-i-nedeli-opredeljat-ostanovim-my-virus-ili-net> (дата обращения: 28.03.2020).

³⁰ «"Латвийскому обществу необходимо мобилизоваться, чтобы совместными усилиями остановить стремительное распространение COVID-19 в стране", — подчеркнул президент Эгилс Левитс в воскресном обращении к населению» (*Levits calls on public to mobilize to stop spread of Covid-19 // The Baltic Course*. URL: http://www.baltic-course.com/eng/markets_and_companies/?doc=160281&output=d (дата обращения: 26.10.2020)).

³¹ *Ibid.*

³² *Акция благодарности: как поддерживают врачей, борющихся с коронавирусом // Baltnews*. URL: <https://lv.baltnews.com/video/20200325/1023780505/Aksiya-blagodarnosti-kak-podderzhi-vayut-vrachey-boryuschikhsya-s-koronavirusom.html> (дата обращения: 26.10.2020).

Стоическая стратегия не так часто реализуется в СМИ, и, как правило, ее используют для подачи материалов тяжелого характера, например о динамике летальности. Во время пандемии к стоической стратегии стали прибегать чаще, поскольку резко увеличились последствия угрозы и их масштаб. Примером применения стоической стратегии может служить выдержка из речи президента Латвии Игилса Левитса, опубликованная в *Baltic Course*:

«Every day come new alarming figures about the spread of the pandemic. It's not just statistics — our fellow human beings are also behind it», the president said, adding that «today we must not listen to the populists, as their fake news threatens our fellow human beings and the public as a whole»³³.

Опорой в «стоической» коммуникации угрозы, как правило, оказывается самоидентичность и сила духа. Это в полной мере проявилось во время вынужденной самоизоляции населения, когда медиа-поле было наполнено призывами стойко переносить трудности.

Информационное пространство было заполнено историями и сюжетами о том, как важно не делать что-либо: не посещать общественные места, не пользоваться общественным транспортом, не выходить из дома, не общаться с друзьями и т.д. Новости в стоической стратегии транслируют примеры «тихого мужества» и спокойного принятия обстоятельств.

Рефлексивная стратегия репрезентации угрозы в информационном пространстве направлена на внутреннее преобразование, поиск точек опоры, дистанцирование, уход в себя, нахождение круга спасительных занятий, что призвано сберечь идентичность, не подвергая редукции ее ценностные основания. Медиа-поле, прибегая к рефлексивной стратегии, активно тиражирует и продвигает возможности использования самоизоляции для занятия любимым делом, любыми онлайн-активностями, которые становятся основой для сюжетов в СМИ и помогают людям в преодолении тягот, сопутствующих угрозе. При этом отмечается, что психологические и иные «мягкие» последствия пандемии еще предстоит проанализировать.

Примером применения рефлексивной стратегии является выдержка из материала «Вестника Тарту»:

Жители Тарту о жизни в самоизоляции: не было времени бояться. Все мы прошли через непростое время изоляции в период распространения вируса COVID-19. Пострадало и школьное обучение, и бизнес — изменения затронули все сферы нашей жизни. Медикам, социологам, психологам еще предстоит проанализировать, что с нами произошло за эти два с лишним месяца. «Вестник Тарту» предлагает читателям свою хронику карантина в Тарту, рассказанную свидетелями и участниками, которые живут рядом с нами³⁴.

Печатные и электронные СМИ, на которые по большей части ложится задача коммуникации, выстраивают ее в зависимости от целевой аудитории, чья реакция может быть различной — от полного безразличия до паники. Восприятие угрозы зависит от целого ряда факторов — социального положения, системы ценностей, чувства защищенности или незащищенности и т.д. Негативный информационный

³³ «"Каждый день приходят новые тревожные цифры о распространении пандемии. Это не только статистика — за ней стоят и наши соотечественники", — сказал президент, добавив, что "сегодня мы не должны прислушиваться к популистам, так как их фальшивые новости угрожают нашим согражданам и обществу в целом"» (*Levits calls on public to mobilize to stop spread of Covid-19 // Baltic Course. URL: http://www.baltic-course.com/eng/markets_and_companies/?doc=160281&output=d* (дата обращения: 26.10.2020)).

³⁴ *Жители Тарту о жизни в самоизоляции: не было времени бояться // Вестник Тарту. URL: <https://vestniktartu.ee/tartu/zhiteli-tartu-o-zhizni-v-samoizolyaczii-ne/>* (дата обращения: 16.06.2020).

контент, связанный с угрозой любой категории (в нашем случае — с угрозой распространения COVID-19), актуализируется различного рода экспертными оценками, которые верифицируют угрозу и связанные с ней риски, особенно когда речь идет о резонансных информационных поводах. К факторам, искажающим оценку степени риска в общественном сознании, зачастую примешиваются симпатии и антипатии большинства, когда любой инфоповод усиливается вовлеченностью в проблему и СМИ выдают любую, в том числе и непроверенную информацию.

Анализ угроз и рисков предполагает и понимание последствий тех или иных манипуляций с информацией. Реакция аудитории позволяет не только осуществлять мониторинг общественного мнения, но и привлекать внимание к тем аспектам угрозы, которые требуют обязательного вовлечения всего населения в ее решение: в ситуации с пандемией COVID-19 средства массовой информации выступают не только как агрегаторы всей информации, которая поступает от властей, врачей и экспертов, но и транслирует правила жизни в новой реальности.

Выводы

Проведенный анализ показал, что распространение коронавируса в странах Балтии может иметь пять основных групп последствий — геополитических, экономических, экологических, социальных и техногенных. По мере развития ситуации наблюдается более тесная взаимосвязь последствий разных групп. Представляется возможным говорить о *негативной синергии угроз*. Один тот же тип угрозы с точки зрения ее причин и возможных последствий может быть причислен сразу к нескольким категориям угроз. Так, например, вынужденный разрыв региональных связей и ухудшение макроэкономических показателей анализируемых стран напрямую связаны с ухудшением социальных показателей — ростом безработицы, депрессией, вызванной вынужденной изоляцией, неопределенностью будущего и т.д.

Пандемия COVID-19 показала, что существует явная тенденция перекатегоризации: угрозы, традиционно причисляемые к «мягким», постепенно начинают приобретать черты «жестких» по масштабу своих последствий и исключительно негативному характеру. Так, до начала пандемии болезни причислялись к относительно «мягким» угрозам, так как в новейшей истории не приводили к таким масштабным негативным последствиям, затрагивающим практически все сферы жизни общества не в одной стране, а сразу по всему миру.

Принимая во внимание масштаб самой угрозы и ее последствий, особую значимость приобретает работа с населением и репрезентация угрозы в информационном пространстве территории. Эта работа может преследовать следующие цели: противодействие COVID-19, исчерпывающее информирование граждан в условиях масштабного инфопотока, верификация информации и отсеечение непроверенных данных и фактов, представление самых значимых инфоповодов, связанных с коронавирусом, недопущение паники и формирование в обществе устойчивых паттернов поведения в ситуации угрозы распространения коронавируса.

Для решения данных целей используется несколько основных стратегий наполнения информационного пространства, к которым относятся стратегия противоборства, а также проективная, консервативная, мобилизационная, стоическая и рефлексивная стратегии. Все типы указанных стратегий активно используются англоязычными и русскоязычными СМИ стран Балтии для освещения событий, связанных с распространением коронавируса.

Пандемия COVID-19 представляет собой новый тип угрозы, различные группы последствия которого еще предстоит оценить, так как в настоящее время во многих странах мира наблюдается развитие второй волны пандемии, приводящей к повторному введению карантина, полному или частичному закрытию бизнеса, переходу

на удаленную работу и т.д. Затяжной характер пандемии, безусловно, приведет к углублению выявленных групп последствий и появлению новых подходов к коммуникации данной угрозы как актуального инфоповода.

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 17-78-30029 «Когнитивные механизмы и дискурсивные стратегии преодоления социокультурных угроз в исторической динамике: мультидисциплинарное исследование».

Список литературы

1. *Carpignano A., Golia E., Di Mauro C. et al.* A methodological approach for the definition of multi-risk maps at regional level: first application // *Journal of Risk Research*. 2009. Vol. 12 (3–4). P. 513–534. <https://doi.org/10.1080/13669870903050269>.
2. *Linkov I., Fox-Lent C., Read L. et al.* Tiered approach to resilience assessment // *Risk Analysis*. 2018. Vol. 38, № 9. P. 1772–1780. <https://doi.org/10.1111/risa.12991>.
3. *Stepanova V.V., Sivobrova I.A., Nikolaev A.V.* Risk Factors Assessment Model in the Regional Operational Management System // *GISAP: Economics, Jurisprudence and Management*. 2014. № 7. URL: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap: ejm.v0i7.883>.
4. *Hanski J., Keränen J., Molarius R.* Tools and Methods for Supporting Regional Decision-Making in Relation to Climate Risks // *Climate Change and Global Warming*, 2018. <http://dx.doi.org/10.5772/intechopen.80322>.
5. *Lupu L.* The concept of social risk: A geographical approach // *Quaestiones Geographicae*. 2019. Vol. 38. № 4. P. 5–13. URL: <https://content.sciendo.com/view/journals/quageo/38/4/article-p5.xml> (дата обращения: 01.08.2020).
6. *Заботкина В.И., Познякова Е.М.* Когнитивное моделирование концептуальной области «социокультурные угрозы» // *Когнитивные исследования языка*. 2020. № 40. С. 51–65.
7. *Сокрута Е.Ю.* Нарративные характеристики новостного дискурса в эпоху новой медийности // *Новый филологический вестник*. 2018. № 2 (45). <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00013>.
8. *Česnakas G., Jakštaitė G., Juozaitis J.* Assessment of political vulnerabilities on security of energy supply in the Baltic States // *Baltic Journal of Law & Politics*. 2016. Vol. 9, № 1. P. 153–182. <https://doi.org/10.1515/bjlp-2016-0007>.
9. *Kretinin G.V., Katrovskiy A.P., Pototskaya T.I., Fedorov G.M.* Geopolitical and geo-economic changes in the Baltic Sea Region at the turnoff the XX–XXI centuries // *Baltic region*. 2016. № 4. P. 13–25. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-4-2>.
10. *Jönsson A.M., Boström M., Dreyer M., Söderström S.* Risk Communication and the Role of the Public: Towards Inclusive Environmental Governance of the Baltic Sea? // *Environmental Governance of the Baltic Sea*. Springer, Cham, 2016. P. 205–227. https://doi.org/10.1007/978-3-319-27006-7_9.
11. *Pynnöniemi K., Salonius-Pasternak C.* Security in the Baltic Sea Region: activation of risk potential // *Finnish Institute of International Affairs*. UPI Briefing Paper. 2016. URL: <https://researchportal.helsinki.fi/en/publications/security-in-the-baltic-sea-region-activation-of-risk-potential> (дата обращения: 10.06.2020).
12. *Boisot M.H.* Information Space: A framework for learning in organizations, institutions and culture. L., 1995.
13. *Mencher M.* News Reporting and Writing. N.Y., 2011.

Об авторах

Вера Ивановна Заботкина, доктор филологических наук, профессор, проректор по международному сотрудничеству, Российский государственный гуманитарный университет, Россия.

E-mail: Zabotkina@rggu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6674-8052>

Ольга Вячеславовна Павленко, доктор исторических наук, профессор, первый проректор — проректор по научной работе, Российский государственный гуманитарный университет, Россия.

E-mail: pavlenko@rggu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5734-4048>

Елена Леонидовна Боярская, кандидат филологических наук, доцент, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; сотрудник научно-образовательного центра когнитивных программ и технологий, Российский государственный гуманитарный университет, Россия.

E-mail: EBoyarskaya@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0179-8643>

Екатерина Юрьевна Моисеева, кандидат филологических наук, научный сотрудник научно-образовательного центра когнитивных программ и технологий, Российский государственный гуманитарный университет, Россия; старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Россия.

E-mail: sokruta@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7275-1714>

COMMUNICATION OF COVID-19 CONSEQUENCES IN THE BALTIC STATES INFORSHERE

Zabotkina V. I. ¹

Pavlenko O. V. ¹

Boyarskaya E. L. ^{1,2}

Moiseeva E. Yu. ^{1,3}

¹ Russian State University for the Humanities
6 Miuskaya square, Moscow, 125993, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St, Kaliningrad, 236016, Russia

³ Maxim Gorky Literature Institute
25a Povarskaya St, Moscow, 121069, Russia

Received 01 August 2020

doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-8

© Zabotkina, V. I., Pavlenko, O. V.,
Boyarskaya, E. L., Moiseeva, E. Yu., 2020

This article seeks to describe the dynamics of COVID-19 in the Baltic States and to analyse the ways of communicating the threat and its consequences. Particular attention is paid to the media strategies pursued in the study area. The research is based on Russian and English texts from the Baltic media, WHO official documents and datasets, as well as initiatives of the Baltic Sea region organisations (2020) counteracting COVID-19. A combination of these sources builds up an objective view of the situation and demonstrates how the pandemic and its consequences are represented in public consciousness given a certain pragmatic goal.

To cite this article: Zabotkina, V. I., Pavlenko, O. V., Boyarskaya, E. L., Moiseeva, E. Yu. 2020, Communication of COVID-19 consequences in the Baltic States inforsphere, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no. 4, p. 147–164.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-8.

The pandemic is a new type of threat; its consequences demonstrate a tendency towards negative synergy and a category shift from soft threats to hard ones. The research shows that several key strategies — counter-active, projective, conservative, mobilising, resilient, and reflective — are used to communicate the threat and its consequences in the media.

Keywords:

threat, risk, assessment, consequences, strategy, communication

References

1. Carpignano, A., Golia, E., Di Mauro, C., Bouchon, S., Nordvik, J -P. 2009, A methodological approach for the definition of multi-risk maps at regional level: first application, *Journal of Risk Research*, vol. 12, no. 3–4, p. 513–534. doi: <https://doi.org/10.1080/13669870903050269>.
2. Linkov, I. et al. 2018, Tiered approach to resilience assessment, *Risk Analysis*, vol. 38, no. 9, p. 1772–1780. doi: <https://doi.org/10.1111/risa.12991>.
3. Stepanova, V.V., Sivobrova, I.A., Nikolaev, A.V. 2014, Risk Factors Assessment Model in the Regional Operational Management System, *GISAP: Economics, Jurisprudence and Management*, no. 7. doi: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap: ejm.v0i7.883>.
4. Hanski, J., Keränen, J., Molarius, R. 2018, Tools and Methods for Supporting Regional Decision-Making in Relation to Climate Risks, *Climate Change and Global Warming*. doi: <http://dx.doi.org/10.5772/intechopen.80322>.
5. Lupu, L. 2019, The concept of social risk: A geographical approach, *Quaestiones Geographicae*, vol. 38, no. 4, p. 5–13, available at <https://content.sciendo.com/view/journals/quageo/38/4/article-p5.xml> (accessed 01.08.2020).
6. Zabolotkina V.I., Pozdnyakova E.M. 2020, Cognitive modeling of a conceptual domain socio-cultural threats, *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], no. 40, p. 51–65 (in Russ.).
7. Sokruta, E. Yu. 2018, The Narrative Characteristics of News Discourse in the Time of New Media, *The New Philological Bulletin*, no. 2 (45). doi: <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00013>.
8. Česnakas, G., Jakštaitė, G., Juozaitis, J. 2016, Assessment of political vulnerabilities on security of energy supply in the Baltic States, *Baltic Journal of Law & Politics*, vol. 9, no. 1, p. 153–182. <https://doi.org/10.1515/bjlp-2016-0007>.
9. Kretinin, G.V., Katrovskiy, A.P., Pototskaya, T.I., Fedorov, G.M. 2016, Geopolitical and geo-economic changes in the Baltic Sea Region at the turnoff the XX–XXI centuries, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 13–25. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-4-2>.
10. Jönsson, A.M., Boström, M., Dreyer, M., Söderström, S. 2016, Risk Communication and the Role of the Public: Towards Inclusive Environmental Governance of the Baltic Sea? *Environmental Governance of the Baltic Sea*, Springer, Cham, p. 205–227. doi: https://doi.org/10.1007/978-3-319-27006-7_9.
11. Pynnöniemi, K. 2016, Salenius-Pasternak C. Security in the Baltic Sea Region: activation of risk potential, Finnish Institute of International Affairs, UPI Briefing Paper, available at: <https://researchportal.helsinki.fi/en/publications/security-in-the-baltic-sea-region-activation-of-risk-potential> (accessed 10.06.2020).
12. Boisot, M.H. 1995, *Information Space: A framework for learning in organizations, institutions and culture*, Routledge, London.
13. Mencher, M. 2011, *News Reporting and Writing*, NY, McGraw-Hill, 359 p.

The authors

Prof. Vera I. Zabolotkina, Vice-rector for International Cooperation, Director of the Centre for Cognitive Programmes and Technology, Russian State University for the Humanities, Russia

E-mail: Zabolotkina@rggu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6674-8052>

Prof. Olga V. Pavlenko, First Vice-rector, Vice-rector for Research, Russian State University for the Humanities, Russia

E-mail: pavlenko@rggu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5734-4048>

Dr Elena L. Boyarskaya, Associate Professor, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Research Fellow, Centre for Cognitive Programmes and Technology, Russian State University for the Humanities, Russia

E-mail: EBoyarskaya@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0179-8643>

Dr Ekaterina Yu. Moiseeva, Research Fellow, Centre for Cognitive Programmes and Technology, Russian State University for the Humanities, Russia; Senior Research Fellow, Maxim Gorky Literature Institute, Russian Academy of Sciences, Russia

E-mail: sokruta@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7275-1714>

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **двойное «слепое» рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

7. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

2) аннотацию на русском и английском языках (*150–250 слов*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

— актуальность исследования;

— цель научного исследования;

— описание методологии исследования;

— основные результаты, выводы исследовательской работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4–8 слов*);

5) список литературы (*не менее 30 источников*);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и **на латинице** (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail, ORCID);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены **в электронной форме** в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru>.

BALTIC REGION

2020
Volume 12
N° 4

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2020.
168 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders
Immanuel Kant Baltic
Federal University
Saint Petersburg
State University

Editorial Office
Address:
14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia, 236016

Managing editor:
Tatyana Kuznetsova
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

© I. Kant Baltic Federal
University, 2020

Editorial council

Prof. *Andrei P. Klemeshev*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. *Gennady M. Fedorov*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr *Joachim von Braun*, University of Bonn, Germany; Prof. *Irina M. Busygina*, Saint Petersburg Branch of the Higher School of Economic Research University, Russia; Prof. *Aleksander G. Druzhinin*, Southern Federal University, Russia; Prof. *Mikhail V. Ilyin*, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Pertti Joenniemi*, University of Eastern Finland, Finland; Dr *Nikolai V. Kaledin*, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Konstantin K. Khudolei*, Saint Petersburg State University, Russia; Dr *Kari Liuhto*, University of Turku, Finland; Prof. *Vladimir A. Kolosov*, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. *Gennady V. Kretinin*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Vladimir A. Mau*, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Yu. Melville*, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Nikolai M. Mezhevich*, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei E. Shastitko*, Moscow State University, Russia; Prof. *Aleksander A. Sergunin*, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Eduardas Spirajavas*, Klaipeda University, Lithuania; Prof. *Daniela Szymańska*, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr *Viktor V. Voronov*, Daugavpils University, Latvia.

CONTENTS

Guest Editor's Introduction. New economic and migratory trends in the Baltic Sea region during the COVID-19 pandemic (<i>S.V. Ryazantsev, I.N. Molodikova</i>).....	4
<i>Ryazantsev, S.V., Molodikova, I.N., Bragin, A.D.</i> The effect of COVID-19 on labour migration in the CIS.....	10
<i>Krisjane Z., Apsite-Berina E., Berzins M., Skadins T., Burgmanis Ģ.</i> Work-life balance during the COVID-19 outbreak: the case of Latvia.....	39
<i>Yemelyanova L.L., Lyalina A.V.</i> The labour market of Russia's Kaliningrad exclave amid COVID-19	61
<i>Virkkunen J.</i> Disease control and border lockdown at the EU's internal borders during COVID-19 pandemic: the case of Finland	83
<i>Geciene-Janulione I.</i> Impact of remigration on the worksphere under COVID-19: the case of Lithuania	103
<i>Simachev Y.V., Fedyunina A.A., Averyanova Y.V.</i> Transformation of global value chains in Russia and the Baltics amid COVID-19: prospects for regionalization and implications for economic policy.....	128
<i>Zabotkina V.I., Pavlenko O.V., Boyarskaya E.L., Moiseeva E.Yu.</i> Communication of COVID-19 consequences in the Baltic States infosphere.....	147

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

—
2020

Том 12

№ 4

Редактор *Е. Т. Иванова*
Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *А. В. Иванов*

Подписано в печать 25.01.2021 г.
Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,8
Тираж 1000 экз. (1-й завод 100 экз.). Заказ 4
Свободная цена

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

